

ЛЕХАИМ N 10 (198)

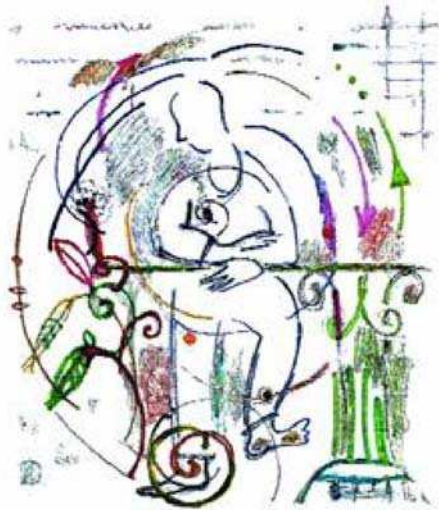
**ОКТЯБРЬ
2008г.**

**ТИШРЕИ
5769**

ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА, СОЗНАНИЯ И ДУХА

לִיבּוֹ אֲהַבֶּה אֶעֱוִי עִיֵּינֵי אֲדֹד אֲהַעִי אֲאֹדָּ

О БОЛЕЗНЯХ СОСУДОВ И КРОВООБРАЩЕНИИ

О проблемах с кровообращением в ногах

<...> Странно, что Вы не написали: делали ли Вам соответствующие уколы и пытались ли Вы сами делать упражнения для ступней и пальцев ног? Из Ваших слов не вполне ясно, что это за болезнь: едва ли она связана с кровообращением.

В любом случае, лучше обратиться к врачу, у которого Вы наблюдаетесь. Когда же человек использует естественные методы, открывается проводник, сосуд, соединяющий нас с тем, что превыше природы.

У евреев телесное и духовное идут рука об руку, и наши мудрецы говорят: «Все достояние, которое у ног их» (Дварим, 11:6). Под достоянием имеется в виду «достаток, удерживающий человека на ногах» (Псахим, 119а). И если Вы будете больше жертвовать на благотворительность, особенно тем учреждениям, где учащиеся все свое время посвящают изучению Торы, это и станет теми «ногами», на которые опирается тело Израиля. А все, что возвышает духовную жизнь еврея, несомненно, улучшит и его физическое состояние.

<...> Вам надо обязательно обратиться к доктору по поводу Вашей болезни и выяснить, связана ли она с недостаточным кровотоком в ногах. Ведь иногда небольшие кровеносные сосуды, расположенные далеко от сердца, не обеспечивают достаточной скорости и объема кровотока...

<...> При варикозном расширении вен стоит носить специальные резиновые чулки, делать уколы и т. д.

<...> По поводу здоровья Вашей жены, особенно проблем с ее ногами, и того, что некоторые врачи рекомендуют операцию.

Вы не упомянули о том, пыталась ли она носить специальные чулки, делать массаж, уколы и т. д. Очевидно, все это нужно попробовать, прежде чем решиться на операцию. Велел ли ей врач подолгу не стоять и не ходить? Не говорил ли ей, что надо регулярно устраивать себе передышки?

Если же все эти средства не привели к положительному результату, надо посоветоваться с двумя специалистами в данной области и следовать их указаниям – а также помнить, что Тора позволяет целителю исцелять. Да поможет Вам Б-г благополучно разрешить все трудности.

Уверен, что жена Ваша соблюдает все добрые обычаи честной еврейки, дает цдаку перед зажиганием свечей каждый эрев шабат и эрев йом тов. Хорошо бы также проверить все мезузы в вашем доме.

Наверняка вы следуете трем известным повседневным правилам, читая из Хумаша, Теилим и Таньи. Если нет, начните их соблюдать.

О понижении кровяного давления

<...> Рад узнать, что Ваше здоровье улучшилось. Наверняка Вам известно мнение врачей (мы разделяем его), что спокойное поведение, без гнева и раздражения, – лучшее лекарство от повышенного кровяного давления.

Чтобы пребывать в таком состоянии, не раздражаться и не гневаться, советую Вам тщательно изучить Игерет а-кодеш Алтер Ребе (четвертый раздел Таньи), послание 25.

То, что там написано (как не впасть в гнев), в высшей степени разумно. Назову одну из причин, почему так должно быть: мы воочию видим, как гнев и волнения по поводу житейских дел приносят не пользу, а только лишь вред здоровью.

Несомненно, врач говорил вам: уровень кровяного давления в значительной мере зависит от внутреннего состояния человека.

Значит, вести себя надо соответственно словам Бааль-Шем-Това (а-Йом Йом, Шват, 28) о том, что Б-гослужение должно совершаться в духе: «не оставляй его» (Шмот, 23:5), т. е. служить Б-гу телесно, в веселье и радости сердца. Это одна из тех вещей, которым сопутствует моментальная награда – а именно улучшение здоровья, что мы действительно наблюдаем.

И сколь дивны слова Алтер Ребе в главе 49 Таньи: «“Ты избрал нас” – это вещественное тело...» Нынешние дни – особенно подходящие, ибо это дни подготовки к принятию Торы: в тот момент, по словам наших благословенной памяти мудрецов, все евреи обрели физическое здоровье и стали как одно целое.

К хасидской пословице «Моя духовность – это материальное благосостояние другого» можно еще добавить, что физическое тело еврея свято, как это понимается в приведенной выше фразе из Таньи.

НЕ МЕСТО ЮВЕЛИРУ В ПЕКАРНЕ

Ааде Эацад

Месяц назад мы говорили о том, что человек должен честно оценивать себя, не преувеличивая своих достоинств и не приукрашивая их для других. Но здесь, как и во всем, нужно соблюдать меру. Да, человек не должен представлять себя на людях лучше, чем он есть на самом деле. И в то же время не стоит поощрять в себе низкую самооценку: самоуничижение – такой же грех, как самовосхваление. Мудрецы нашего народа учат: человек должен реально оценивать не только свои недостатки, но и свои достоинства.

Почему так важно соблюдать меру в скромности? Б-г требует от каждого из нас использовать свои сильные стороны по максимуму. Собственно, поэтому-то Творец и создал людей разными. Каждому Он дал талант в какой-то конкретной области – и каждый вместе с талантом получил задание реализовать свой потенциал на благо своих ближних и всего мира. Б-г не ожидает от человека большего, чем в человеческих силах. Но Б-г не будет доволен, если человек, из ложно понятого чувства скромности, не реализует данную ему силу в полной мере.

Есть известное письмо Ребе Раяца одному хасиду. Этот человек рассказал, что ведет скромную жизнь, работает, а еще раз в неделю дает урок Торы в синагоге. Ребе знал, что его корреспондент очень способный человек, к тому же получил блестящее образование. И вот, вместо того, чтобы похвалить хасида за скромность, он пишет ему: «Разве это все, чего мы от тебя ожидали? Так ты используешь таланты, которыми тебя наградила Б-г? Так ты используешь воспитание, полученное от родителей и учителей?! То, что ты делаешь, – это как если бы замечательный гранильщик бриллиантов вдруг пошел бы подмастерьем в пекарню!»

Религиозный человек понимает: Б-г дал ему жизнь, дал целый мир и дал силы для того, чтобы помогать этот мир совершенствовать. Иначе говоря, Б-г дал все. И в этом пример для подражания каждому человеку – мы тоже должны давать все, что можем, и все, на что способны. Ни в коем случае не должны мы прятаться за естественное желание проявить скромность. И тем более не прятаться за то, что другие люди, возможно, делают меньше: у других свои задания, а ты, будь добр, выполни свое полностью и «на отлично».

Есть хасидская притча о царе, который хотел обеспечить своему сыну наилучшее образование. Он понимал, что во дворце много соблазнов, которые могут отвлечь царевича от работы. Поэтому выстроил для сына отдельный дом, направил туда слуг, чтобы избавить царевича ото всех забот, и лучших преподавателей, чтобы те обучали его наукам. Через год царь посетил сына в его уединении и поинтересовался, как идет учеба. Прекрасно, ответил царевич, занимаюсь аж по два часа в день. Царь был поражен: почему только два часа?! Я же создал тебе все условия, ты должен работать с утра до вечера! А царевич ему: да я работаю куда больше, чем все остальные в этом дворце! Здесь столько профессоров, каждый читает мне только по одной лекции в неделю; столько слуг, и все они обслуживают одного человека – меня... Ты ничего не понял,

воскликнул царь, я все сделал для тебя, остальные здесь лишь для того, чтобы помочь тебе полностью реализоваться! А ты думаешь, как бы не перетрудиться!..

Аллегория здесь ясна. Б-г построил огромный мир, в нем есть много всего. И цель всех существ этого мира – тем или иным способом помочь человеку, для которого мир и создан. Если человек будет сравнивать свою жизнь с жизнью животных – дескать, они делают столько-то, вот и я ограничусь такой же активностью, – он просто перестанет быть человеком. И то же самое произойдет, если профессор начнет вдруг равнять свою жизнь по строительному рабочему: тогда уж он точно не реализует свой потенциал, а ведь сколько людей старались, давая ему образование, помогая стать специалистом!

Реализовать себя – значит не только работать на пределе сил и способностей, но и каждый день продвигаться хотя бы ненамного вперед. Только так человек может выполнить план Б-га. Если результат нашей работы не прирастает ежедневно – значит, что-то в нас не так. Именно на это указывает Тора, говоря о праотце Аврааме: «Авраам был стар и прибывал днями», – то есть каждый день он достигал чего-то нового: прирастал знаниями, прибавлял добрых дел и т. д. Каждый день его был наполнен. И окончание этого стиха Торы – о воздаянии за такую полноту жизни: «И Г-сподь наградил Авраама всем».

Рассказывают о великом учителе еврейского народа раввине Саадье Гаоне, что однажды он отправился в путешествие инкогнито. Зачем? Потому что решил, что люди оказывают ему слишком много почестей, а жить надо скромно. Вечером пришел рав Саадья в маленький город и остановился в гостинице. Ее хозяин, старый еврей, оказал гостю радушный прием. Назавтра гость поблагодарил хозяина и продолжил свой путь.

Тем временем несколько учеников рава Саадьи отправились на его поиски. Спустя несколько часов они подошли к той самой гостинице и обратились к ее владельцу: «Мы знаем, что ночью у тебя останавливался Саадья Гаон. Скажи, куда он отправился утром?»

Сначала хозяин гостиницы все отрицал – дескать, с чего это Саадья Гаон будет останавливаться в его скромном заведении? Но когда ученики описали внешность его ночного гостя, еврей побледнел, бросился в конюшню, вывел оттуда самую быструю лошадь и умчался, оставив учеников в полном недоумении. Он быстро догнал Саадью Гаона и бросился ему в ноги, крича: «Простите меня, рав Саадья! Я не знал, что это были вы!»

Раввин удивился: «За что прощать? Я получил замечательный прием в твоей гостинице!» Но старик продолжал горевать: «Нет, нет, я виноват! Если бы я знал, что это были вы – я бы служил вам совершенно иначе!»

И тут рав Саадья понял, что простой еврей преподал ему важный урок и цель его путешествия достигнута. Он вернулся домой и с тех пор каждый день, отходя ко сну, прокручивал в голове воспоминание о том, как он служил Б-гу в течение этого дня. «А затем, – рассказывал Саадья Гаон своим ученикам, – я каждый раз говорю себе: если бы я знал о Б-ге в начале дня столько же, сколько сейчас, я бы служил Ему совершенно иначе!»

УЧЕНИЕ РАББИ ШНЕУРА-ЗАЛМАНА ИЗ ЛЯД

Окончание. Начало в № 7–9, 2008

Наи оеэ Аи ди ааооооо

8.

В учении Хабада одно из важнейших мест отводится молитве. Следует «молиться с полной отдачей и при полной отрешенности от действительности, чтобы целиком устремить свои помыслы к Нему, Благословенному. В час молитвы мозг и сердце должны быть подчинены этому отказу от всего, кроме устремленности к Г–споду, и тогда молитва станет сопричастной Высшей мудрости. И если сразу после молитвы в том же состоянии сесть за изучение Торы, то учеба становится несущественной рядом с величием Высшей мудрости, сокрытой за словами, зато свет Торы сливается со светом Б–жественной души учащегося. Потому время учебы следует устанавливать сразу после молитвы» (Ликутей Тора, Беар). Молитва и учеба вместе ведут к воодушевлению и желанию служить: «При сосредоточенной молитве и при изучении Торы с надлежащей мотивацией, наше устремление облекается в буквы речи, ведь это устремление – источник и корень слов, ради него и благодаря ему человек произносит эти святые буквы. Оттого наш правильный душевный и умственный настрой возносит их <буквы молитвы и Торы> и помещает на их место в десяти сфирот мира йецира или мира брия, в соответствии с тем, исходит ли в данный момент наш настрой от ума или является непосредственным душевным движением. А там, в горних мирах, светит и открывается свет Бесконечного, или воля Всевышнего, благословен Он, та, что облечена в буквы Торы, которую человек теперь изучает, и в заложенное в них Высшее волеизъявление, или, если человек молится, в молитву и ее внутренний помысел, или в заповедь и содержащееся в ней намерение, – и все это открывается там в великом, безмерном озарении, каковое не могло ни светить, ни раскрыться, пока эти буквы и заповедь пребывали в нашем материальном мире. Нашему материальному миру подобное раскрытие не свойственно ни в малейшей степени до скончания времен, когда этот мир будет извлечен из своей телесности и Слава Всевышнего делается явью» (Танья, 1:40).

«Главное в служении Всевышнему сегодня, – продолжает р. Шнеур-Залман, – во времена, предшествующие приходу Машиаха, когда из-за тягостей земных мы не можем безраздельно предаться изучению Торы, – это молитва. Ей следует посвятить все наши душевные силы, именно так». Он снова и снова подчеркивает, что молитва должна быть сосредоточенной: «Надо изо всех сил изливать душу перед Всевышним и исчерпать ее до конца; надо мужественно бороться со своим телом и своей животной душой, которые отчаянно сопротивляются нашей сосредоточенности, надо объявить им непримиримую войну и сокрушить в прах перед молитвой и во время нее духовным и физическим усилием» (Танья, Кунтрес ахарон и там же, 1:30). Он наставляет своих хасидов: «Пожалейте свою душу, будьте предельно внимательны и бережны к Торе и к служению сердцем – сосредоточенной молитве. Начинайте молитву все вместе и произносите ее слово за словом дружно, как один. Не должно быть такого, что кто-то читает одно место, а кто-то – другое, один молчит, а другой ведет пустые разговоры, сохрани нас Б–г» (Танья, Кунтрес ахарон). Он сообщает своим приверженцам о намерении «послать, если Всевышний того пожелает, во все общины доверенных людей с

тайной миссией узнать и сообщить мне о каждом, кто, имея свободное время и возможность для продолжительной, проникновенной молитвы, тем не менее ленится. Такой человек будет наказан отдалением от меня, исключен из числа тех, кто приходит ко мне слушать животворные “слова Б-га живого”. И наоборот: <того, кто послушается меня, я к себе приближу>]. Те же, кто исполняет мое наставление, заслуживают всех благ и удостоятся доброй судьбы, а источник добра – Тора и только она» (Танья, 4:1).

И еще в пользу молитвы говорил р. Шнеур-Залман притчей: «Когда нагревают на огне серебро в горячем тигле, очищается оно от примесей, и все чуждое, прежде незаметное глазу, выходит из расплавленного серебра и всплывает отдельно, и чем сильнее огонь, тем чище становится серебро. Так и человек – в пламени молитвы сгорают все дурные примеси, которые есть в нем, даже те, что обычно глубоко запряты» (Ликутей Тора, Бемидбар).

Он сравнивал молитву, творимую без полной самоотдачи, с телом без души, а истинную молитву ставил чрезвычайно высоко в иерархии служения. «Озарение, отражающее Высшую волю, облачено», как уже говорилось, в покровы нашей устремленности, и оно «неизмеримо больше, чем отражение Высшей воли в свете, который одевается в исполнение заповедей действием и речью без глубинной внутренней потребности. Как свет души <по уровню> много выше тела, являющегося ее сосудом и одеянием, так и материальное в заповеди – лишь сосуд и одеяние для наполняющей ее внутренней устремленности человека» (Танья, 1:38). Он проводил различия между формами служения: «Тора и заповеди прибавляют свет в мире ацилут... В отличие от них, молитва по своей сути способствует проникновению света Бесконечного в миры брия, йецира и асия, и не только для его сокрытия в покровах, но и для его раскрытия, которое приводит к изменениям в тварном мире – излечится больной или прольется дождь с небес и земля принесет свои плоды» (Танья, Кунтрес ахарон).

Р. Шнеур-Залман говорил об отраде молящегося: «Все прямодушные <сыны Израиля>, изучающие Тору и исполняющие заповеди, удостаиваются света Бесконечного (Эйн-соф), благословен Он. Свет этот как бы открывается в их душе (нешама), причем наиболее полное и яркое раскрытие этого света в их мозгу и сердце происходит именно во время молитвы» (Танья, Игерет а-кодеш, 7).

И еще о том же: «Хотя слова молитвы и ее трехкратное ежедневное чтение установлены мудрецами (См. Брахот, 27б), все же сама ее суть – главная суть всей Торы: познать Всевышнего, осознать Его величие и великолепие всем разумом, твердо и уверенно, понимая это всем сердцем, чтобы интеллектуальная часть души пробудилась для любви к Г-споду, возжадала прилепиться к Нему и Его Торе, взалкала бы Его заповедей. Все это возникает в нас во время и посредством молитвы...» (из письма р. Александру из Шклова. Бейт Рабби, ч. 1, 20).

9.

О добром и злом начале человека р. Шнеур-Залман пишет так: «У среднего человека злое начало, заключенное в левой полости <сердца>, сохраняет свою врожденную силу влечения ко всем наслаждениям этого мира, и не исчезает на фоне преобладающего добра, и не вытесняется окончательно со своего места. Но и распространить свою власть на все члены <человеческого> тела злу не удастся, потому что Всевышний “стоит по правую руку неимущего” (Псалмы, 109:31) и помогает, озаряя его Б-жественную душу. Об этом толкует изречение мудрецов Талмуда (Нида, 30б): “Даже если весь мир говорит тебе, что ты праведник, смотри на себя как на грешника”.

“Как грешник” – так определяют они человека, потому что всякий должен считать себя не полным грешником, а человеком средним, но и никогда не верить, если ему скажут, что зла в нем якобы не осталось из-за преобладания добра, так как это уже уровень праведника. Ему же следует видеть себя человеком, в котором зло продолжает жить, как было заложено в нем изначально, и ничуть не ослабло с годами, а наоборот, усилилось, пока он ел и пил и занимался прочими материальными делами этого мира. И даже если к человеку применимы слова псалмопевца (Псалмы, 1:2): “лишь Тора Г–сподня – все желание его, и о Торе Его размышляет он денно и ношно”, – это еще вовсе не доказывает, что зло окончательно вытеснено из этого человека. Возможно лишь, что несмотря на то, что зло в нем по-прежнему обитает в левой полости сердца, и сохранило свою суть и независимость, и так же упорствует, как и раньше, покровы этого зла, то есть мысль, речь и действия животной души, не в состоянии окутать его мозг, уста, руки и прочие члены и органы тела, благодаря помощи Всевышнего, который наделил мозг способностью повелевать сердцем. И поэтому заключенная в мозгу Б–жественная душа правит как бы «малым городом» – всеми членами тела и повелевает им быть одеянием и колесницей для трех ее одежаний, для них предназначенных, то есть мыслью, речью и действием в сфере 613 заповедей Торы. Но у среднего человека суть Б–жественной души властвует и господствует над сутью животной души только тогда, когда любовь к Всевышнему открыто проявляется в его сердце, что бывает в определенные отрезки времени, например, при молитве и т. п. И даже в такое время это лишь обуздание зла... И тогда затворяется ситра ахра в левой полости сердца и остается там, но у среднего человека полностью не исчезает, а только у праведника, зато вызывает в нем отвращение и сильнейшую ненависть» (Танья, 1:13).

Р. Шнеур-Залман продолжает рассуждать о различиях между средним человеком и праведником. Зло у среднего он сравнивает со спящим, который, однако, может снова проснуться: «оно спит в левой полости его сердца, пока человек занят молитвами “Шма” и “Амида”, и сердце его горит любовью к Б–гу, но по окончании молитвы может снова проснуться. Поэтому <аморай> Рава причислял себя к средним людям, хотя он ни на минуту не прерывал изучения Торы, и Торы Всевышнего желал днем и ночью, желал и алкал, и душою стремился к Всевышнему с великой любовью, словно во время молитв “Шма” и “Амида”. И все же сам себе он казался средним человеком... Для тех, кто находится на уровне праведников, служителей Б–га, степень любви, возникающая у среднего человека во время молитвы, когда усиливается <влияние> Б–жественной души и т. д., не считается истинным служением Б–гу, поскольку по окончании молитвы эта любовь гаснет и исчезает» (Танья, 1:13). Порой у среднего человека «наступает отупение сердца, когда оно становится словно каменное, и никоим образом не удастся распахнуть его для “сердечного служения”, то есть молитвы. А порой он не может одолеть свое дурное влечение, чтобы посвятить себя дозволенному, опять же из-за тяжести на сердце... И хотя средний человек много размышляет о величии Всевышнего, это не схвачено и не усвоено его разумом настолько, чтобы он смог справиться с материальными желаниями своего сердца. Причина тому – в грубой природе клипы (т. е. шелухи, скорлупы), которая возносит себя над светом святости Б–жественной души и заслоняет этот свет, наводя на него тень... Слова эти относятся к ситра ахра (т. е. негативной стороне), а она и есть обыкновенный человек, поскольку витальная душа, поддерживающая жизнедеятельность тела, сохраняет всю свою природную силу в сердце, а значит, она и есть сам человек. О Б–жественной же душе, которая в нем, сказано: “Душа, которую Ты поместил во мне, чиста” (Утренние благословения), и из этого следует, что чистая душа не есть сам человек. Праведники же составляют исключение. У них, наоборот, чистая душа, то есть Б–жественная, есть сам человек, а тело их называется плотью человеческой... Только эта чистая душа оживляет его тело и плоть, так как зло, которое было в витальной душе, облеченной в кровь и плоть, у праведников полностью

обращается в добро и включается в сферу святости Б-жественной души. Но у обыкновенного человека суть витальной, животной души, происходящей от ситра ахра и облеченной в кровь и плоть его, не превращается в добро, оттого она и остается его индивидуальной сущностью. И потому он совершенно отдален от Всевышнего, ведь сила желаний его животной души способна также обратиться к запретным вещам, которые противны воле Его, благословенного, пусть даже эта душа не намеревается привести желание в исполнение (не дай Б-г), а просто запретное не вызывает в нем истинного отвращения, как в праведниках» (Танья, 1:29).

Из всего здесь сказанного мы видим, что р. Шнеур-Залман не относится пренебрежительно к обычным людям. Наоборот, он уважает их и выступает в их защиту: «Зло никогда не побеждает среднего человека настолько, чтобы облачиться в его плоть и согрешить, то есть чтобы можно было бы сказать, что он – злодей, хотя бы только в один какой-либо момент его жизни. Свойства “среднего человека” присущи всякому, но праведником его назвать никак нельзя. <...> Не всякий человек удостоивается быть праведником, это вообще вне выбора человека, ибо не может он по своей воле и желанию полностью и воистину ненавидеть зло» (Танья, 1:1, 10, 12, 14).

О праведнике он пишет: «Жизнь праведника – не материальна, а духовна, это жизнь в вере, любви и трепете». И снова: «Праведник жив своей верою, трепетом и огнем любви, которые поддерживают жизнь в его духовности во все дни его земного существования» (Танья, Игерет а-кодеш, 27). Даже после смерти праведника его святость остается здесь, внизу: «ибо ничто, связанное со святостью, не покидает окончательно своего места». Эта святость умершего праведника «получает распространение в его учениках, в каждом в соответствии с уровнем его связи с праведником и близости к нему при жизни и после смерти в великой любви». Смерть праведника искупает грехи его поколения посредством так называемого времени Высшего благоволения, когда «открываются каналы связи между небом и землей, чтобы праведник вручил свою душу Всевышнему, и делается явным свет откровения». Это открытие света «озаряет наш мир светом доброты Всевышнего, и прощаются все грехи поколения, даже самые злоумышленные преступления» (Танья, Игерет а-кодеш, 27).

10.

Совершенных праведников не так много в мире – считанные единицы в каждом поколении. К р. Шимону бен Йохою, который назвал таковым себя, присовокупив также своего сына р. Эльзара¹¹, р. Шнеур-Залман добавляет р. Ицхака Лурию Ашкенази (Ари) в его время, а в свою эпоху выделяет «истинных мудрецов», тех, что достигли уровня «постижения хохма (т. е. мудрости) и даат (т. е. знания)» (Танья, 4:19). Р. Шнеур-Залман объясняет присутствие праведников следующим образом: «Во всяком поколении спускаются на землю ницотот (т. е. искры) души нашего учителя Моше и облачаются в тела и души мудрецов того поколения, “очей общины”, чтобы научить народ познавать величие Г-спода и пробудить его к служению Всевышнему всем сердцем и всей душою». В обязанности мудрецов поколения входит именно «научить народ познавать» (т. е. привить народу даат), поскольку «служение сердцем соразмерно познанию, как сказано в Писании (Диврей а-ямим I, 28:9): “Познай Б-га, отца твоего, и служи Ему полным сердцем и душою, проникнутой желанием”. А о грядущем говорит Писание (Ирмеяу, 31:32): “И не будут учить друг друга, говоря: Познайте Всевышнего! – ибо все будут знать Меня”. Но основа познания не есть только отвлеченное знание о величии Всевышнего, которое приобретается от учителей и из книг, – главное в том, чтобы проникнуть глубоко в величие Всевышнего, и вооружить свою мысль дерзновением мозга и сердца, и устремить ее решительно на Всевышнего, чтобы связать ее с Б-гом крепкой и

неразрывной связью, подобно тому, как человек устремляет свою мысль на что-либо материальное, что предстает его очам, и начинает углубляться в него мыслью» (Танья, 1:42).

Это фундаментальное требование, согласно которому великим лидерам поколения вменяется в обязанность «научить народ познавать», р. Шнеур-Залман предъявлял к ученикам Бешта и установил таким образом главнейший общественный принцип Хабада: в хасидизме цадик обязан быть учителем и наставником народа, а не решать материальные запросы своей паствы молитвами. «Это же постыдно! – воскликнул друг р. Шнеура-Залмана, р. Менахем-Мендл из Витебска, когда один из хасидов попросил своего пастыря “о детях”, и ответил ему словами праотца Якова (Берешит, 30:2): – Неужто я вместо Б–га!» В том же духе он пишет р. Шнеуру-Залману о просьбах хасидов помолиться об их пропитании: «Тяжко они работают и не внимают ложным речам и пустым обещаниями. <...> Мы можем помочь народу Израиля только Учением, которое утешает душу, но не облегчает телесные страдания» (При а-Арец, письмо 14 от 5546 года [ок. 1786]. С. 171–172).

Подобным образом обращается в письме к своим единомышленникам и р. Шнеур-Залман. Он пишет: «Любезные друзья и братья мои! Очевидная суровость моих слов порождена глубокой любовью к вам. Давайте выясним, кто из нас прав. Вспомните историю мира со дня его сотворения, подумайте о судьбе каждого поколения. Разве случалось такое в истории человечества? И где, в каких книгах мудрецов Израиля – от древних до позднейших, встречали вы упоминание об обычае ходить к духовным наставникам с житейскими вопросами и искать у них совета, как поступить в тех или иных жизненных обстоятельствах? Даже к великим танаям и амораям – мудрецам Мишны и Талмуда, – от которых никакая тайна не была сокрыта и чьему созерцанию были открыты лабиринты небесных путей, <не обращались с подобными вопросами>... Ибо все, из чего складывается жизнь человека, кроме занятий Торы, способен предсказать тот, кто обладает даром ясновидца... А духовным пастырям должно наставлять в учении и в страхе Б–жьем.

Но внимлющим я открою истину: любовь побуждает человека к странным поступкам и ослепляет его, мешая видеть вещи такими, какие они есть. Велика страсть <некоторых людей, обращающихся ко мне за советом,> к удовлетворению материальных потребностей, <хотя материальные стороны жизни для них – не главное>, и они стремятся к благосостоянию во имя Небес, чтобы служить Всевышнему <в полную силу, с горящим сердцем, подобным> углям пылающим и жаркому пламени. Потому-то они так огорчаются, сталкиваясь с лишениями, – да упасет нас от этого Б–г и смилуется над всеми нами! <Эти люди> настолько не готовы терпеть житейские тяготы, что теряют рассудок и, стаптывая последние башмаки, ходят из города в город, дабы искать совета на краю света, вместо того чтобы в смирении духа и плоти обратиться к Всевышнему и, пробудив в себе любовь к Нему, как должное принять Его наказание, как сказано в Писании (Притчи, 3:12): “Ведь кого любит Г–сподь, того наказывает”. Как любящий и правый отец, который порет своего сына. И если сын умен, не станет обижаться и убегать, спасаясь <от отцовской руки>; даже искать защиты у других от отца милосердного и справедливого <не годится>. Ему надо, не отворачиваясь, признать правоту отца и лицом к лицу с ним, глядя ему прямо в глаза и пробудив в себе любовь к нему, вытерпеть боль физического наказания, ибо тот заботится лишь о благе сына, готовя его к дальнейшей жизни» (Танья, Игерет а-кодеш, 22).

В этом письме отчетливо проявляется личность р. Шнеура-Залмана как учителя, педагога и наставника. Он призывает своих хасидов легко принимать превратности

судьбы и не искать обходных путей, ссылаясь на слова Писания (Коелет, 7:29): «Б–г сделал человека прямым, а они пускаются на многие ухищрения». Он внушает, что необходимо любить ближнего: «Поэтому, любезные друзья мои, я убедительно прошу каждого из вас стараться от всего сердца, от всей души пробуждать в себе любовь к ближнему, как сказано (Зхарья, 8:15): “Да не зародится в глубине сердца человека мысль о недостатках его ближнего”. Пусть никогда не появятся в ваших сердцах такие мысли, а если это и случится – гоните их прочь, как дым, – точно так же, как <вы отогнали бы> мысли о том, чтобы служить идолам. Ибо вред, наносимый грехом злословия, равносильен ущербу, <который наносят> идолопоклонство, кровосмешение и кровопролитие, вместе взятые» (Танья, Игерет а-кодеш, 22).

В Хабаде цадик – это только посредник, помогающий прийти к главному: познанию Всевышнего. В других хасидских движениях цадик стоит в центре мироздания: «Он подобен Создателю, Благословен Он, что Един и в горних и в дольних, а потому и цадик в своей приверженности и в единстве со всем народом Израиля так нарекается». Он «друг Б–жий», Всевышний «ему как брат». Он, если можно так выразиться, «открывает руку Творца излить благо в мир, и Б–г изливает милосердие в наш мир только по призыву цадика» (Р. Элимелех из Лежайска [Лиженск], «Ноам Элимелех», разделы Лех Леха, Бо, Мишпатим, Беар).

יְאִדְאָתָא נְעִידְעוּ אִי אֵדָא עֵאֵעִי גֵאָא

«ОБЪЯТИЯ» В ШАЛАШЕ

Etzvet Eit

Что делает еврей в сукке – праздничном шалаше? Только ли ест, пьет, отдыхает, а также учит Тору, молится?.. Нет, все его действия – даже самые обыкновенные – в сукке получают новое, необычное значение: исполнение заповеди «жить в шалаше».

А самое главное, что во всем этом выражается безграничная любовь Всевышнего к Своему народу.

Учение хасидизма раскрывает, что в праздник Суккот выявляется все, что возникло в духовной сфере вследствие еврейского служения в Рош а-Шана, в течение Десяти дней тшувы и в Йом Кипур. Рош а-Шана, коронация Всевышнего как Царя над всем сотворенным миром, раскаяние, подведение итогов служения Всевышнему и принятие добрых решений на будущее в дни между Рош а-Шана и Йом Кипуром, окончательное и полное очищение в Йом Кипур – это этапы становления нового духовного образа мира, предопределяющего течение наступившего года для народа Израиля и каждого отдельного еврея. Однако в продолжение этого времени все, что происходит, остается сокрытым. И лишь в праздник Суккот совершается откровение – как намекает на это стих из книги «Теилим» (81:4): «Трубите в этот месяц в шофар, в новолуние – на день праздника нашего». Вот что означают эти слова: весь эффект служения Рош а-Шана – главным образом трубления в шофар, Йом Кипура (когда в заключение также трубят в шофар) сначала остается скрытым – подобно луне в новолуние. Все приберегается «на день праздника нашего» – праздника Суккот – и тогда открывается.

Различные аспекты этого важного момента еврейского года рассматриваются с разных точек зрения. Так, Аризаль (рабби Ицхак Лурия Ашкенази; 1534–1572) подробно объяснял связь трубления в шофар в Рош а-Шана со словом «схах» – названием крыши праздничного шалаша, сукки (которая составляет ее суть). Сумма числовых значений еврейских букв, составляющих слово «схах» (так называемая гематрия слова), – 100, а в Рош а-Шана именно сто раз трубят в шофар. Более того: стократное трубление в шофар состоит из шестидесяти ткиот (то есть продолжительных звуков), двадцати шварим (коротких мотивов, похожих одновременно и на рыдание, и на военный сигнал) и двадцати трукот (серий коротких отрывистых звуков, напоминающих горестный плач). Но и в слове «схах» то же самое разделение: первая буква, «самех», имеет числовое значение 60, а две остальные буквы, «хаф», – 20 (20 x 2 = 40).

Известно также, что сукка – материальное воплощение «облаков Славы», окружавших сынов Израиля в пустыне после исхода из Египта. А, согласно каббале, «облака Славы», являющиеся духовным аспектом сукки и возникающие каждый год заново, создаются из облака благовоний, которые воскуряют в Святой Святынь Храма в Йом Кипур (во времена существования Храма – в буквальном, материальном смысле; в наше время, пока не отстроен Храм, – в духовном плане).

В каббале и учении хасидизма есть еще много интересного на эту тему, однако мы остановимся лишь на одном моменте, связывающем Рош а-Шана, Йом Кипур и праздник Суккот: на единстве всего народа Израиля.

Выражением единства всех евреев в Рош а-Шана служит уже недельный раздел Торы, который читают в синагогах в последнюю субботу перед Новым годом, – «Ницавим». Раздел начинается так (Дварим, 29:9): «Вы стоите в этот день все вместе пред Г–сподом, Б–гом вашим...» Выражение «в этот день» намекает на Рош а-Шана, День Суда. В Рош а-Шана народ Израиля предстает пред Всевышним весь, целиком, в состоянии полного единства. Об этом говорит продолжение стиха, перечисляющего различные слои еврейского общества: «<...>Главы колен ваших, старцы ваши<...> ваши малые дети, жены ваши и каждый пришелец<...>» вплоть до «рубящего дрова твои» и «черпающего воду тебе». Всего Тора называет десять типов евреев, и «в этот день», день Рош а-Шана, они стоят «все вместе».

В Йом Кипур единство еврейского народа выражается еще более отчетливо. Как объясняет учение хасидизма, в этот день открывается сущность каждой еврейской души – ее вершина, которая называется «йехида», «единственная», связанная с «Йехидо шель олам», «Единственным в мире», то есть Всевышним. Недаром вступлением к первой молитве Йом Кипура, «Коль нидрей», служат слова: «С ведома ешивы небесной и ешивы земной мы разрешаем молиться вместе с преступниками». То есть даже те, кто в течение всего прошедшего года злостно нарушал волю Всевышнего, не исполнял Его предписаний и не боялся преступить Его запреты, принимаются в состав общины как ее полноправные члены.

И в праздник Суккот мы тоже видим полное единство евреев. Вплоть до того, что, в принципе, как говорит Гемара (Сукка, 27б), «все сыны Израиля достойны сидеть в одной сукке». Сукка объединяет всех евреев, сглаживая всевозможные различия между ними, она явно подчеркивает, что все они – единый народ.

Так тема единства переходит от Рош а-Шана к Йом Кипуру, а от них – к празднику Суккот, развивается и выявляется все очевидней. Однако есть существенное различие между тем, как единство Израиля выражается в Рош а-Шана и Йом Кипур, и тем, как оно выявляется в праздник Суккот.

КОНКРЕТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЛЮБВИ

Праздники месяца тишрей в целом разделяются на две группы. В первой – два дня Рош а-Шана, Десять дней тшувы и Йом Кипур; во второй – Суккот и Шмини ацерет вместе с Симхат Тора. Отличительная особенность первой группы – преобладание чувств боязни, страха, горечи и благоговения перед Святостью. Во второй группе преобладают радость и веселье, нарастающие и достигающие кульминации к Симхат Тора.

На эту двойственность намекает стих из «Шир а-ширим» (2:6, 8:3): «Левая Его рука – под головою моею, а правая рука Его – меня обнимает». Рабби Шнеур-Залман объясняет, что эти слова произносит Кнесет Исраэль, душа еврейского народа, имея в виду Всевышнего и свое отношение к Нему в месяце тишрей. И смысл их в том, что в Рош а-Шана, Десять дней тшувы и Йом Кипур связь между Израилем и Всевышним выражается в боязни и отдалении, что символизирует левая рука, а в праздник Суккот и заключающие его Шмини ацерет и Симхат Тора – в любви и приближении, что символизирует правая рука.

Незачем подробно объяснять, какие чувства вызывают Рош а-Шана и Йом Кипур – дни Б-жественного Суда, – это совершенно понятно. Однако почему слова «а правая рука Его – меня обнимает» относятся именно к Суккоту? Какие конкретные примеры показывают проявление любви Всевышнего к Кнесет Исраэль в дни этого праздника?

Ответ содержится в самих словах «Шир а-ширим»: «а правая рука Его – меня обнимает». Совсем не случайно названо объятие знаком любви, хотя любовь можно выразить многими способами: и словами, и поцелуем, и даже только взглядом... Так почему же любовь Святого, благословен Он, к Кнесет Исраэль выражена именно объятием?

Учение хасидизма объясняет: смысл объятия – в теснейшем объединении, когда любящие становятся словно одним целым, крепко прижимаясь друг к другу и не позволяя отдалиться. Никакое другое проявление любви не выражает так ее силу, как объятие.

И еще: как правило, любовь к человеку выражает лицо. Так, объясняясь в любви, смотрят прямо на любимого; любовь светится во взгляде, устремленном на любимого; губы сливаются в поцелуе – лицо приближается к лицу... Но это означает также, что подобное проявление любви ограничено, ибо направлено не на всего любимого. И, в известной мере, непременно требует ответного выражения любви. В отличие от этого, объятие охватывает всего любимого: в этом его уникальное свойство. Любящий словно говорит: будь что будет – ответишь ли ты мне тем же чувством или нет, захочешь ли ты остаться в моих объятиях или попытаешься вырваться, – я все равно люблю тебя, любовь в моем сердце нисколько не уменьшится, и я не позволю тебе отдалиться от меня!

ОБЪЯТИЕ ВСЕВЫШНЕГО

Поэтому сказано: «...А правая рука Его – меня (именно) обнимает». У еврея в отношении ко Всевышнему есть и «лицо», и «спина». Еврей обладает высочайшими душевными силами, позволяющими ему почувствовать величие и ценность Б-жественного, любить Всевышнего и стремиться приблизиться к Нему. Это – «лицо» еврея. Но есть у него и «спина»: это силы низшего порядка: с их помощью он удовлетворяет свои материальные потребности, земные интересы. В этой сфере жизни еврей не испытывает желаний «прилепиться» к Б-жественному, его не интересуют вопросы

духовной жизни, он не видит величия Всевышнего, но даже способен пожелать (не дай Б–г!) вовсе отдалиться от Торы, заповедей и сделать вид, будто забыл о Всевышнем.

Иначе говоря, жизнь еврея имеет две стороны. Одну часть своего времени еврей посвящает Торе, молитве и исполнению заповедей. В это время ему незачем напоминать о Всевышнем и об обязанностях перед Ним. Другую часть времени еврей посвящает вещам, жизненно необходимым: еде, питью, сну и тому подобному. И тут, когда он занят своими личными делами, возникает угроза отдаления от Всевышнего, ослабления связи с Ним. Ведь вполне естественно, что человек удовлетворяет свои физические потребности без всякой связи с Б–жественным!

Кажется логичным, что любовь Всевышнего к еврею ограничивается только той частью жизни, которую еврей посвящает Б–жественному служению. Что же касается другой стороны его жизни, полностью отданной личным нуждам, в ней любовь Всевышнего к еврею не проявится. Но Кнесет Израэль говорит: «А правая рука Его – меня обнимает». Всевышний выражает любовь к еврею, обнимая его, то есть захватывая и «заднюю» часть его жизни, «спину» – ту область, в которой еврей способен отдалиться от Него. Однако Тот, в величайшей Своей любви к народу Израиля, не позволяет еврею «вырваться» даже тогда, когда, казалось бы, его занятия не имеют ни малейшего отношения к Б–жественному.

В праздник Суккот или, точнее, в заповеди о праздничном шалаше, сукке, мы видим это предельно ясно. Еврей должен делать в сукке все, что составляет его повседневную жизнь. Не только учить Тору, молиться, исполнять заповеди, но есть, пить, спать, отдыхать, беседовать с приятелями и тому подобное. Следует понять и осознать происходящее при этом чудо: все, что предназначено для удовлетворения как будто бы «низменных» потребностей человека, в праздник Суккот у еврея превращается в настоящее священнодействие – в служение Всевышнему. С одной стороны, еврей совершает все эти действия точно так же, как и в любой другой день. Более того: он не обязан вкладывать в них какое-то новое намерение, которое внутренне, в духовном плане, отличило бы их от таких же повседневных занятий. Но, совершая их в праздник Суккот внутри сукки, еврей исполняет всеми этими действиями Б–жественную заповедь!

В этом-то и выражается «объятие» Всевышнего: Он «обнимает» еврея, захватывая и ту часть его, которая, казалось бы, отнюдь не связана с Б–жественным. Тем самым Всевышний наглядно показывает, что даже физические потребности еврея дороги Ему, даже их Он освещает светом Своей святости – Б–жественным светом заповедей.

Более того. Человек связан со своим домом не только в то время, когда находится в нем. Он остается его домом и тогда, когда он идет по улице или гостит в другом городе. Если его спрашивают, где он живет, он называет свой постоянный адрес. А в праздник Суккот, как предписывает Алаха (Сукка, 2:9), «все семь дней человек делает сукку своим постоянным жилищем, а свой дом – временным». В течение всех дней праздника Суккот сукка становится постоянным домом еврея, и даже тогда, когда он не находится в ней, его связь с ней не прерывается: ведь она – его дом! Следовательно, любовь Всевышнего окружает еврея не только в сукке, но и тогда, когда он идет по улице!

Вот как удивительна заповедь о сукке: она объединяет самые простые поступки и занятия еврея со Всевышним и Святостью!

Известно, что очень важный аспект еврейских праздников в том, что они даруют еврею силу на все дни года; при этом у каждого из праздников – особые силы.

Праздник Суккот дарует силу связывать свою жизнь в этом мире со Всевышним, с Его Святостью в течение всего года. Претворяя в жизнь заповедь о сукке, еврей обретает способность наделять святостью даже самые повседневные дела – превращать их в акты священнодействия, Б-жественного служения. Тем самым он исполняет завет (Пиркей Авот, 2:12): «Да будут все твои дела совершаться во имя Небес».

АБСОЛЮТНОЕ ЕДИНСТВО НАРОДА ИЗРАИЛЯ

Вернемся к сравнению Рош а-Шана и Йом Кипура с праздником Суккот. Чем достигается единство народа Израиля в эти дни?

В Рош а-Шана все евреи предстают пред ликом Всевышнего. Отдаляясь от своих повседневных дел и интересов, они поднимаются выше всего, что создает различия между личностями. Этот подъем носит исключительно духовный характер. Хотя душа каждого человека индивидуальна, а способности неповторимы, в Рош а-Шана все различия сглаживаются. Весь народ как один человек стоит с выражением величайшей покорности пред ликом Царя Вселенной и принимает на себя бремя Его высшей власти. Поскольку каждый еврей в этот день отрекается от своих частных интересов – даже самых возвышенных, – ничто не препятствует полному духовному объединению всех сынов народа Израиля.

Еще более ярко единство всего Израиля выражается в Йом Кипур. Как отмечалось, в этот день в состав общины принимают даже «преступников»: если они приходят в синагогу, значит, уже помышляют о том, чтобы изменить свой образ жизни. Этот день обладает такой святостью, что ее ощущают даже те, кто в течение всего года старается забыть о своем еврействе. Йом Кипур – время откровения для еврейской души, однако откровение указывает на то, что оно обусловлено воздействием Свыше. Без этого воздействия грешный еврей не ощутил бы потребности помолиться Всевышнему и не пришел бы в синагогу, без него не возникло бы такое поразительное единство между всеми евреями в Йом Кипур. И опять мы видим, что, как и в Рош а-Шана, единство еврейского народа зависит от духовного подъема, возносящего человека над всеми земными увлечениями, над потребностями тела и даже над сугубо личными духовными интересами. Совершается же оно благодаря уникальной святости Йом Кипура.

А в праздник Суккот единство евреев выражается именно в повседневных занятиях: в еде, питье, сне и удовлетворении прочих телесных желаний. Это единство проявляется в праздничном шалаше – он-то и создает это единство, и в самых простых формах.

В этом характере создаваемого единства заключается поразительное отличие праздника Суккот от Рош а-Шана и Йом Кипура. В сущности, удивительно ли то, что еврейский народ един в Рош а-Шана и в Йом Кипур? Это дни возвышения над всем земным, а у всех еврейских душ – один Отец, поэтому совершенно естественно, что на таком высоком уровне все еврейские души объединяются! А вот в праздник Суккот еврейское единство – действительно нечто новое и удивительное. Ведь оно – не единство душ, а единство тел. Обычно же именно телесные факторы отличают одного еврея от другого (см.: Танья, ч. 1, гл. 32, с. 41а): интересы одного часто противоречат интересам другого, у каждого свои вкусы и в еде, и в питье, и в других увлечениях и привязанностях... Но, несмотря на это, в праздник Суккот все евреи служат Всевышнему своими повседневными поступками, исполняя Его волю сидеть в сукке и тем самым наглядно показывая, что действительно «все сыны Израиля достойны сидеть в одной сукке!»

ВРОЖДЕННЫЕ ИЛИ ПРИОБРЕТЕННЫЕ?

Бַיִתָּא אֲדֵאֲרִי

Сказано в Талмуде: «Три признака есть у этого народа (то есть у сынов Израиля): они сострадательны, стыдливы и готовы бескорыстно помочь» (Йевамот, 79а). В первой же главе Таньи (с. 6а) Алтер Ребе называет только два качества: сострадательные и готовые бескорыстно помочь – что соответствует и некоторым версиям текста Гемары. Итак, со стыдливостью не совсем ясно: присуща она евреям или нет? Однако в тех разделах еврейского законодательства, где обсуждается проблема выбора жениха или невесты, перечислены все три черты характера (Рамбам, Мишне Тора, Законы о запрещенных половых сношениях, 19:17; Шульхан арух, Эвен а-эзер, 2:5; Кицур Шульхан арух, 145:6).

Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон анализирует вопрос о типичном еврейском характере на основе сказанного в обоих Талмудах – Вавилонском и Иерусалимском – и выясняет, считают ли они эти качества присущими евреям изначально или приобретенными лишь со временем.

То, что евреи обладают тремя качествами, характерными именно для народа Израиля, – сострадательностью, стыдливостью и готовностью к бескорыстной помощи, – Вавилонский Талмуд (Йевамот, 79а) доказывает, приводя примеры из Торы. Моше обещает, что за исполнение Его воли Всевышний «одарит тебя состраданием» (Дварим, 13:18); а в словах, обращенных к народу после дарования Торы, Моше подчеркивает, что Творец тогда открылся всему Израилю для того, «чтобы осталась боязнь Его на ваших лицах» (Шмот, 20:17), то есть стыдливость (как истолковывает Гемара в другом месте [Недарим, 20а. См. также ком. Марша к Йевамот, 79а]). Готовность к бескорыстной помощи, как указано в Талмуде (Йевамот, 79а), – это типичное свойство семьи Авраама, о котором Всевышний Сам сказал: «Ибо узнал Я его (то есть возвеличил и превознес – так объясняет Рамбам) ради того, чтобы заповедал он сынам своим и дому его после себя, и будут они... творить милость и справедливость» (Берешит, 18:19). И делается вывод: с каждым, кто обладает тремя этими качествами, следует сближаться и объединяться¹¹ – то же самое говорит и еврейский закон.

В Иерусалимском Талмуде (Кидушин, 4:1) повторяется почти то же самое, однако готовность евреев к бескорыстной помощи выводится из другого места Торы – из книги Дварим: «И хранить будет Г–сподь, Б–г твой, для тебя тот союз и ту доброту, о которых поклялся отцам твоим» (Дварим, 7:12). Кроме того, в Иерусалимском Талмуде сказано: не «три признака есть у этой нации», а «три хороших подарка дал Святой, благословен Он, Израилю».

Любавичский Ребе считает, что эти отличия в ссылках, приведенных в Вавилонском и Иерусалимском Талмудах, указывают на разницу в подходах (Ликутей сихот, т. 30, с. 61 и далее). Для Вавилонского Талмуда главное то, что три перечисленных качества естественны для «этого народа», потому в доказательство он приводит сказанное об Аврааме, который был именно таким по своей природе (см. Вавилонский Талмуд, Ктубот, 8б) и, естественно, передал это свойство своим потомкам (см. Танья, гл. 1, с. 6а, где указано, что это характерно для витальной души евреев). Иерусалимский Талмуд

считает главным, что эти качества – дар Свыше, «три хороших подарка» Израилю от Самого Всевышнего. Следовательно, незачем говорить о доброте и готовности к бескорыстной помощи, присущей Аврааму (и его потомству) изначально, и потому-то Иерусалимский Талмуд приводит другую цитату: о том, что именно от Всевышнего зависит существование доброты в еврейском характере.

Можно задать вопрос: а не все ли равно? Какая разница, наследие ли Авраама доброта и готовность к бескорыстной помощи у евреев или же эти качества даны евреям в готовом виде как дар Свыше? В свете сказанного Любавичским Ребе необходимо также объяснить происхождение качеств сострадания и стыдливости – потому что цитаты, приводимые в Вавилонском Талмуде, противоречат на первый взгляд его собственной позиции. Ведь и обещание «одарить состраданием», и объяснение, что воздействием дарования Торы должно стать выражение «боязни Его на лицах ваших», означают дар Свыше, а вовсе не наследие Авраама?

Есть, правда, объяснение, что стыдливость вовсе не была присуща евреям изначально: напротив, по своей природе они «дерзки» (Марша к Йевамот, 79а; Ор а-Тора, Вайера, 96а; Ликут перушим ле-Танья, гл. 1, с. 46). Более того: в Талмуде (Бейца, 25б) сказано, что евреи «самые дерзкие из народов», и лишь столь грандиозное событие, как откровение Творца, произошедшее при даровании Торы, внедрило в их души свойство стыдливости^[2]. Однако про способность к состраданию мы можем сказать, что она – наше наследие от праотца Авраама, отличавшегося этой чертой характера (см. Марша к Йевамот, 79а). Об этом недвусмысленно говорят наши мудрецы: «Тот, кто жалеет творения, свидетельствует о себе, что он – из потомства нашего праотца Авраама» (Бейца, 32б). Почему же Вавилонский Талмуд в трактате Йевамот приводит цитату, смысл которой в том, что способность к жалости и состраданию также дана Свыше – «и одарит тебя состраданием»?

* * *

При более внимательном рассмотрении выявляется еще одно различие между Вавилонским Талмудом и тем, что написано в Талмуде Иерусалимском. Речь идет о выводах, сделанных в них из сказанного. В первом Талмуде, как уже указывалось, устанавливается практическое правило, имеющее значение при выборе партнера в браке: «С каждым, кто обладает тремя этими качествами, следует сближаться и объединяться». А во втором рассказано, что царь Давид навеки запретил родниться с гивонитами^[3], убедившись в том, что «нет в них ни одного из этих (указанных трех) качеств, он немедленно отдал их».

Получается, что, согласно Иерусалимскому Талмуду, от сватовства отказываются только в тех случаях, когда в предполагаемой невесте или в намеченном женихе нет ни одного из свойств, типичных для народа Израиля. Если же не хватает двух из этих свойств, а уж тем более одного, это не имеет решающего значения. Однако в соответствии с простым смыслом слов Вавилонского Талмуда весьма желательно, чтобы были все три качества – сострадательность, стыдливость и готовность к бескорыстной помощи, и лишь с таким человеком «следует сближаться и объединяться».

Интересно, что Рамбам в этом вопросе следует Иерусалимскому Талмуду: соответственно написанному им (а он тоже приводит пример с гивонитами), необходимость «отдаления» возникает лишь тогда, когда нет ни одной из трех характерных черт еврейского характера (Мишне Тора, Законы о запрещенных половых сношениях). И, заметим, в современных изданиях трудов Рамбама, где текст заново выверен по рукописям, кроме дерзости, как самого дурного свойства природы, называется также жестокость, ненависть к людям и нежелание оказывать им помощь (см. «Законы о запрещенных половых сношениях», 12:24 в изд. Френкеля. См. также Шульхан арух, Эвен а-эзер, 2:2).

Почему же Рамбам в данном случае изменил общему правилу, по которому в случае разногласий ориентируются именно на Вавилонский Талмуд?

* * *

Вот объяснение, дающее ответы на все поставленные вопросы.

Вавилонский Талмуд не оценивает значения трех указанных свойств характера: он лишь видит в них «знаки» – признаки истинно еврейской природы. Следовательно, в этом плане между ними нет особых различий: все они имеют один и тот же источник, общий для всех трех. В отличие от этого, Иерусалимский Талмуд говорит о них как о «трех хороших подарках», каждый из которых «хорош» сам по себе, ибо обладает неповторимыми достоинствами. Будь это иначе, речь шла бы только об одном «подарке» (но включающим в себя три составные части).

И очевидно, это различие между Талмудами вполне соответствует данным психологии. Хорошо известно, что чаще всего черты характера человека связаны между собой и зависят одна от другой – так, что одна из них естественным образом влечет за собой проявление другой. Применительно к нашей теме, человек скромный, с мягкой душой, как правило, также сострадательный, а это последнее качество делает его отзывчивым, охотно оказывающим помощь тем, кто в ней нуждается. Однако у некоторых людей характер противоречив, и его качества не обязательно связаны между собой и не зависят друг от друга. Поэтому случается, что такой человек помогает кому-то вовсе не

потому, что жалеет его, а руководствуясь личными интересами. И даже если он обладает таким замечательным качеством, как стыдливость, это вовсе не означает, что в своих взаимоотношениях с другими людьми он ведет себя по-хорошему^[4].

Теперь понятно, почему Вавилонский Талмуд приводит цитату об Аврааме – «ради того, чтобы заповедал он сынам своим и дому его...» – именно в подтверждение того, что у евреев есть готовность к бескорыстной помощи, а не сострадательность. Готовность помочь – чаще всего следствие того, что человек испытывает сочувствие к кому-то и стыдится не оказать ему помощь. Следовательно, готовность к бескорыстной помощи полностью связана со сферой действия. А вот ее проявления – и в самом деле чувства: сердечная доброта, душевная скромность (стыдливость), милосердие, жалость. В цитате же «ради того, чтобы заповедал он...» говорится вовсе не о них как таковых: «творить милость и справедливость» потомки Авраама должны не потому, что будут добрыми и отзывчивыми, но лишь в силу завещания и прямого повеления своего праотца.

Социальная служба помощи евреям – выходцам из России. Чикаго.

Оправдано и то, что Иерусалимский Талмуд не приводит ту же цитату в подтверждение способности евреев оказывать бескорыстную помощь. Ведь с его точки зрения, это качество – проявление доброты. А она есть у каждого еврея не потому, что наш праотец Авраам «заповедал сынам своим и дому его после себя» быть добрым ко всем людям, но лишь по той причине, что Сам Всевышний внедрил это качество в сердце каждого еврея без исключения, исполняя Свое обещание «хранить... для тебя тот союз и ту доброту, о которых поклялся отцам твоим».

Кроме того, сказанное объясняет, почему именно Иерусалимский Талмуд отмечает, что у гивонитов не было ни одного из трех названных качеств, а Вавилонский Талмуд обходит это молчанием. Хотя по поводу натуры гивонитов Вавилонский Талмуд вполне согласен с Иерусалимским, он, как сказано, считает три обсуждаемых качества порождениями единого источника, отличными друг от друга только «местами», которые

они занимают: готовность к бескорыстной помощи – в сфере действия, сострадательность – в сердце, стыдливость – в натуре еврейской души. Очевидно, что с этой точки зрения невозможно отделить одну из этих черт от других: если видна одна из них – неизбежно проявятся и остальные, но если одной из них нет, то обязательно выявится ее противоположность. Вместо стыдливости – дерзость, наглость, что повлечет за собой жестокость, а та – ненависть к людям и категорический отказ в помощи им. Поэтому незачем обращать особое внимание на то, что в гивонитах нет «ни одной из них»: это обусловлено тем, что все три характерных для Израиля качества на самом деле единое целое.

Так что в действительности между Вавилонским Талмудом и Иерусалимским нет противоречия. Они рассматривают разные аспекты одного и того же явления и дополняют друг друга. Поэтому в данном случае незачем следовать именно Вавилонскому Талмуду, и Рамбам был вправе выбирать для себя любой из этих двух источников. И он предпочел тот, где более подробно аргументирована точка зрения и выказана бóльшая гибкость, столь необходимая в тяжелых условиях изгнания.

^[1] И, заметим, именно поэтому Авраам послал Элизера искать жену для Ицхака среди своих родственников. Тот, желая узнать девушку, которую Всевышний предназначил Ицхаку, в качестве знака избрал именно готовность к бескорыстной помощи.

^[2] Поэтому наши мудрецы подмечают: «Бесстыдный сам свидетельствует, что его предки не стояли у горы Синай» (Недарим, 20а).

^[3] Обманувшими в свое время Йеошуа бин Нуна и глав народа Израиля (Йеошуа, гл. 9) и проявившими чрезвычайную жестокость к потомкам царя Шауля (Шмуэль II, 21:1–6).

^[4] Вспомним только двух персонажей – Альхен и Сашхен – из «Двенадцати стульев»!

ЧИСЛО ЗВЕЗДНЫХ СКОПЛЕНИЙ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Аεί ύΰι εί Όεί ι άδι αι

Наука подсчитывает число галактик и звезд в просторах Вселенной. Но, оказывается, уже в Талмуде есть намеки на иерархию и размеры «небесного воинства». Сравнение результатов этих научных исследований и данных Талмуда потрясает!

Изучавшие Брахот, трактат Вавилонского Талмуда, вероятно, помнят следующее место (32 б). Комментируя стих: «И сказал Цион: “Покинул меня Г–сподь и Господин мой забыл меня”» (Йешаяу, 49:14), Реш-Лакиш рассказывает такую притчу. «Сказала Кнесет Исраэль1 Святому, благословен Он: “Властелин мира! Когда человек берет себе еще одну жену, кроме первой, он помнит о том, что сделал сначала; а Ты – покинул меня и забыл меня?!” Ответил ей Святой, благословен Он: “Дочь Моя, двенадцать созвездий Зодиаака Я сотворил в небесах, и для каждого из них Я сотворил тридцать армий, а для каждой из них – тридцать легионов, для каждого из них – тридцать походных колонн, для каждой из них – тридцать батальонов, для каждого же из них Я сотворил тридцать станов, а в каждом из них – триста шестьдесят пять тысяч мириад звезд – в соответствии с количеством дней солнечного года. Но всех их Я сотворил единственно ради тебя! А ты говорила – „покинул меня, забыл меня“?!”»

Суть этого интересного отрывка – утешение, с которым Всевышний обращается к еврейскому народу. Он успокаивает его и возвещает добрую весть – о том, что вовсе не покинул его во мраке изгнания, но помнит и заботится о нем. Однако, кроме этого, здесь содержится масса данных, крайне интересных для науки. Прежде всего, Талмуд уточняет, что в математическом аспекте означает выражение Торы «не будет сосчитано из-за его

множества» (Берешит, 16:10). Типичный пример такого множества – звезды, заполняющие небесные просторы (Берешит, 15:5, 22:17). Однако их количество вовсе не бесконечно – как все в сотворенном мире, ограниченном мерой и числом. Если подсчитать, сколько звезд имеет в виду Талмуд в приведенном отрывке, получится цифра 94038 с четырнадцатью нулями. Если же выразить это число на языке современной математики – 94038×10^{14} , или, в более точном виде, – $0,94038 \times 10^{19}$.

Кроме того, данный отрывок дает нам талмудическое представление о космической иерархии в весьма детализированном виде. Разумеется, в этой связи не мешало бы бросить взгляд на то, как тот же предмет трактует современная наука.

Любуясь космическим пейзажем, мы обращаем внимание на созвездия Зодиака, расположенные вдоль так называемой эклиптики – линии, окружающей небесную сферу, по которой в течение года совершает свой видимый путь Солнце. Этих созвездий – двенадцать, и каждое из них состоит из определенного количества звезд, отчетливо видимых человеческим глазом и расположенных так, что человеческая фантазия издавна складывала их в определенные изображения, по которым эти созвездия получили свое название. Так, в созвездии Льва линии, мысленно проведенные от одной звезды к другой, образуют якобы изображение льва; в созвездии Скорпиона – рисунок скорпиона, в созвездии Тельца – теленка, в созвездии Девы – образ юной женщины и т. д. Созвездия Зодиака расположены в небесной выси, на так называемом «поясе Зодиака», и разделены между собой примерно одинаковым расстоянием: около 30° .

Ясно, что звезды, находящиеся вне созвездий Зодиака, – это подавляющее большинство небесных звезд. Однако приведенный выше отрывок из талмудического трактата Брахот побуждает нас дать более широкую интерпретацию понятию «созвездие Зодиака». Не исключено, что Талмуд имеет в виду не только эти созвездия как таковые – как скопления звезд, складывающихся в определенные «формы», – но также прилегающие к ним участки небосвода. Иначе как объяснить перечисление семи уровней структуры – «Зодиакальные системы», «армия», «легион», «походная колонна», «батальон», «стан», «звезда»?

Для того чтобы продолжать наше обсуждение в форме более содержательной и понятной, стоит обратить внимание на некоторые из самых больших созвездий. Это даст нам хотя бы частичное представление о космических расстояниях, способных иной раз повергнуть в шок. Возьмем, например, звезду, ближайшую к нашей планете. Она известна как Проксима Центавра и находится на расстоянии 4×10^{13} км от Солнечной системы. Если вспомнить, что скорость распространения света равна 300 000 км в секунду, нетрудно подсчитать, какое расстояние свет способен преодолеть за один год. Это – 9461012 км, или «световой год». Следовательно, самая близкая к нам звезда, Проксима Центавра, находится от нас на расстоянии «всего» в 4,2 световых года.

Тому, кто не привык мыслить такими понятиями, возможно, понадобится известное интеллектуальное усилие, чтобы представить себе подобные дистанции. Однако сделать это стоит.

Кроме того, безусловно, имеет смысл получить мало-мальски аутентичное представление о размерах самих звезд. Диаметр некоторых из них измеряется сотнями тысяч и миллионами километров. Так, диаметр нашего Солнца – «звезды-карлика» – «всего» 1392 тыс., то есть 1,392 млн км. А другие – например, Нейтрон – диаметром всего в несколько километров. Многие искры света, которые наш глаз улавливает с небесной высоты, не указывают на какую-то определенную звезду как на свой источник.

Гигантские современные телескопы открыли нам множество скоплений крошечных светящихся точек. Каждая из них – отдельная звезда, но разделены они между собой многими световыми годами. Эти скопления звезд, называемые галактиками, занимают колоссальные пространства. Так, галактика, включающая в себя 1011 звезд, раскинулась на площади, которую свет пробегает из конца в конец за 106 лет! Человеческий ум едва ли может представить себе такое расстояние. А одна из самых близких к нам галактик – Галактика Андромеды – отстоит от нас на 2 млн световых лет...

Практически все звезды, доступные нашему зрению, принадлежат к нашей галактике. К ним относится также великая масса слабых звезд, в своей совокупности составляющая так называемый Млечный Путь, хорошо видный в ясные ночи. Поскольку наша галактика по своей форме напоминает линзу, то для земного наблюдателя, смотрящего как бы сквозь всю ее «толщу», принадлежащие к ней, но очень далекие от Солнечной системы звезды почти сливаются вместе и образуют картину Млечного Пути. И именно он дал название нашей галактике: «система Млечного Пути».

Благодаря новым гигантским телескопам астрономы открыли невероятное количество галактик. По нынешним оценкам, их число выражается такой цифрой: 106, то есть десять миллионов.

Очень многие из галактик, доступных нашему наблюдению, имеют характерную спиралевидную форму. В иных случаях это строение представляется столь плотным, что выглядит как колесо телеги. Однако в действительности, как уже было сказано, между звездами в пределах одной галактики – невообразимые по величине и почти пустые расстояния. Чарующие глаз фотографии некоторых более близких к нам и особо крупных галактик мы находим в специальных атласах, посвященных вопросам астрономии.

Но в небесах, среди всего потрясающего изобилия светил, иной раз даже невооруженным глазом мы различаем какие-то иные объекты. Иногда они настолько напоминают обрывки белых облаков, что могут быть приняты за них. Но в действительности – и это тоже звезды, однако «собравшиеся» в звездные скопления. Благодаря особо мощным телескопам астрономы выяснили, что эти скопления находятся внутри галактик, однако «ведут себя» довольно самостоятельно: их движение совершается независимо от движения галактики. Они названы «открытыми звездными скоплениями», но есть и иной тип: «шаровидные скопления». Эти находятся вне галактик и состоят из звезд, более близких одна к другой, разделенных не «световыми годами», а «только» «световыми месяцами». Ученые полагают, что причина такого сосредоточения звезд, образующих эти космические объекты, – их особо мощная гравитация (сила притяжения).

При всем том есть еще один чрезвычайно сложный фактор, имеющий большое значение для изучения галактик. Все они движутся, движутся постоянно – и некоторые из них с колоссальной скоростью. Как представляется, галактики разлетаются в разные стороны от какого-то общего центра. Самая далекая из тех, что доступны наблюдению, находится уже на расстоянии в 8109 световых лет. Кажется, будто она движется со скоростью в две трети скорости света, то есть 200 000 км в секунду. Тем не менее из-за невообразимо огромных масштабов космоса в общей картине звездного неба не произошло значительных изменений за все время существования человечества.

Вероятно, самый впечатляющий научный результат последнего времени – это открытие, что галактики также элементы какой-то еще более высокой системы. Ее части,

представляющие собой группировки галактик, ученые назвали «клетками» или «пузырями». Площадь одного такого «пузыря» – 420 млн световых лет!

Теперь сведем воедино некоторые данные. Если подсчитать количество галактик в известных нам «пузырях», их число достигнет 108; в каждой из галактик – 1011 звезд. Следовательно, общее количество всех звезд – 1019. А количество звезд, согласно Талмуду, – $0,94038 \times 1019$. Различие между данными науки и данными Талмуда составляет лишь несколько процентов! Конечно, каждое из этих чисел – в буквальном смысле астрономическое, но близость одного к другому – потрясающая!

А теперь наметим звездную иерархию. Итак (снизу вверх): 1) звезда, 2) шаровидные скопления звезд, 3) галактические скопления звезд, 4) галактические области, 5) галактика, 6) группировка галактик, 7) сверхсистема галактик. Чрезвычайно соблазнительно идентифицировать ее с той, которая в Талмуде выражена в терминах военных: те же самые семь уровней иерархии!

«ЕСЛИ КТО ЛЯЖЕТ С МУЖЧИНОЮ, КАК С ЖЕНЩИНОЮ»

Аָאָיִן עֵעַ עֵאָאָיִן

В знаменитой поэме «Москва – Петушки» Венечка Ерофеев писал: «Если прогнать Моше Даяна с Голанских высот, а арабов с иудеями примирить, – что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм». Сегодня можно с уверенностью сказать, что писатель несколько ошибся в своих прогнозах. Ибо Голанские высоты все еще являются частью суверенной израильской территории, о мире с арабами можно только мечтать – и тем не менее тема гомосексуализма продолжает занимать видное место в умах широких народных масс.

Религиозные евреи, порой принимающие участие в общественных дискуссиях, высказываются на эту тему, как правило, очень резко и эмоционально, руководствуясь скорее чувствами, нежели разумом. В этой статье мы попробуем пойти другим путем и обсудить эту проблему «без гнева и пристрастия». Подобное обсуждение может оказаться тем более полезным и необходимым, что у каждого из нас должна быть аргументированная и осмысленная позиция по всему спектру общественной и религиозной жизни. Да и частная жизнь порой подбрасывает неожиданности. Перед членами еврейской общины может возникнуть вопрос, что делать, если кто-либо из молящихся – гомосексуалист. Перед еврейским педагогом – как реагировать, если подросток с гомосексуальной ориентацией обратится к нему за советом или помощью. Подобным ситуациям нет числа...

Прежде всего следует отметить, что традиционные еврейские источники не знают «гомосексуализма» в современном значении этого слова. Согласно «Википедии», «гомосексуализм (лат. homosexualismus) – собирательный термин для обозначения сексуального влечения индивида к лицам одного с ним пола». Однако еврейское право интересует не влечения, а действия. Соответственно, еврейские законы касаются в данном случае не «гомосексуализма» как такового, но мужеложства, т. е. половых контактов между двумя мужчинами. С точки зрения Торы, подобные отношения категорически запрещены: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Ваикра, 18:22).

Слово «тоэва», которое переведено здесь как «мерзость» и которым Тора определяет мужеложство, нередко становится поводом для весьма эмоциональных высказываний в адрес гомосексуалистов. Однако Талмуд предлагает интересное объяснение его этимологии – от слова «тоэ», т. е. «ошибающийся»^[1]. Тора называет этим словом целый ряд весьма отличающихся друг от друга явлений. С точки зрения мудрецов, все подобные явления – в первую очередь ошибка, отклонение.

Как бы то ни было, запрет на мужеложство является абсолютным, а его нарушение карается смертью: «И человек, который ляжет с женщиной, как ложатся с женщиной, – они оба сделали мерзость; пусть будут они преданы смерти, их кровь на них» (Ваикра, 20:13). Согласно еврейскому законодательству, мужеложец, как и скотоложец, подлежит казни вне зависимости от того, кто из них был «активным», а кто «пассивным» партнером (Сангедрин, 54а). Запрет мужеложства последовательно повторяется во всех кодексах еврейского права, от Талмуда до наших дней. В отличие от многих других вопросов, в этом между раввинами царил полное единодушие – никто из них не сомневался, что речь идет о безусловном и неукоснительном запрете.

В чем состоит смысл этого запрета? Ответ на этот вопрос мы находим в «Сефер а-хинух», анонимном трактате XIII века, автор которого (предположительно барселонский раввин Аарон а-Леви) объясняет смысл каждой из 613 заповедей:

Источник этой заповеди в том, что Всевышний пожелал, чтобы мир, который Он сотворил, был заселен. Поэтому он запретил растрату семени посредством мужеложства. Ибо это есть полное уничтожение семени, поскольку никакого потомства от этого не бывает (Сефер а-хинух, заповедь 209). Есть заповедь

[1]

«плодитесь и размножайтесь» (Берешит, 9:7) и предписание, выводимое из слов пророка: «...не для запустения <Б-г> сотворил ее <землю>, а для заселения...» (Йешаяу, 45:18).

В книге Берешит повеление плодиться и размножаться предваряется запретом проливать кровь человека (см. 9:6). Комментируя этот фрагмент, мудрецы Талмуда приравнивают добровольно уклоняющегося от исполнения заповеди продления рода к убийце. Кроме того, такой человек унижает свое достоинство как сотворенного по образу и подобию Б-га, поскольку в том же шестом стихе сказано: «...ибо по образу Всесильного создал Он человека».

В современной литературе не прекращается спор о природе гомосексуальности – является ли она врожденной или же может быть приобретена в процессе социализации. Эта тема затрагивает интересы большого количества влиятельных людей и сообществ и активно дебатруется, периодически становясь политически ангажированной, например во время кризисов или выборных кампаний. Многие врачи и ученые полагают, что гомосексуальность является врожденной, поэтому ей нельзя научиться (этого мнения, в частности, придерживается АМА – Американская медицинская ассоциация). Однако значительная часть экспертов настаивает, что человек нередко становится гомосексуалистом в результате «обучения», то есть его половые предпочтения устанавливаются в результате целого ряда не обусловленных генетически факторов.

В соответствии с первой теорией, количество гомосексуалистов в обществе должно быть более-менее одинаковым во все эпохи. В соответствии со второй, их число должно меняться в зависимости от культурных и социальных норм среды. Анализ свидетельств, имеющихся в алахических источниках, однозначно говорит в пользу второй точки зрения.

Мудрецы Талмуда разошлись в вопросе, какова вероятность того, что мужчина-еврей может оказаться мужеложцем. По мнению рабби Йеуды, такая опасность достаточно велика, чтобы ее надо было учитывать, и потому мужчине запрещено оставаться наедине с другим посторонним мужчиной (подобно тому, как мужчине, из опасения запрещенной интимной близости, не разрешают уединиться с посторонней женщиной [Мишне Тора, Законы запрещенных связей, 22:1]). Однако подавляющее большинство мудрецов постановило, что еврея не подозревают ни в мужеложестве, ни в скотоложстве, и поэтому он может уединяться с другим мужчиной или животным (Кидушин, 82а). Из этого напрашивается вывод, что в еврейских общинах во времена Талмуда гомосексуализм, как и скотоложство, не был распространенным явлением. Если бы это было не так, мудрецы, несомненно, ввели бы меры предосторожности, как они сделали это по отношению к гетеросексуальным связям.

Рамбам (1138, Кордова – 1204, Каир), живший в мусульманском окружении, согласился с мнением большинства мудрецов Мишны и постановил, что еврейский мужчина может уединяться с другим евреем (Мишне Тора, Законы запрещенных связей, 22:2). Видимо, мужеложство не было распространенным явлением в еврейских общинах Испании, Марокко и Египта. Однако в эпоху рабби Йосефа Каро, автора Шульхан аруха (1488, Толедо или Самора – 1575, Цфат), ситуация, похоже, несколько изменилась. Сначала рабби Йосеф Каро дословно приводит слова Рамбама, затем добавляет: «В наше время большой распущенности двум мужчинам не следует уединяться или спать в одной постели» (Шульхан арух, Эвен а-эзер, 24:1).

Через сто лет маятник, похоже, качнулся обратно. Поэтому рабби Йоэль Сиркис, автор книги «Байт Хадаш» и один из крупнейших раввинов своего времени (Польша, 1561–

1640), писал, что «это сказано для его страны и его поколения», поскольку не видел в своей общине никаких следов гомосексуализма. Поэтому он не согласился с решением рабби Йосефа Каро, объявил, что оно не должно распространяться на его общину, и разрешил двум мужчинам уединяться (Байт Хадаш, Эвен а-эзер, 24).

Как можно видеть из этого краткого перечисления мнений, распространенность мужеложства менялась в разных странах и в разные периоды, что получало немедленное отражение в решениях раввинов. Оставим на усмотрение раввинов современности вопрос о том, как надо вести себя в наше время.

Разобравшись с отношением иудаизма к мужеложству, перейдем ко второму вопросу: как, в соответствии с традицией, следует относиться к самим гомосексуалистам. И тут необходимо упомянуть три вещи.

Первое: иудаизм различает тягу к греху и сам грех. Будучи нормальным человеком, любой еврей может периодически возжелать запрещенное. И это считается в иудаизме вполне естественным. Тора не запрещает желать – она запрещает поддаваться желанию. (2).

Сказанное, безусловно, относится и к мужеложству. Тора не запрещает и не может запретить физическое влечение к лицам своего пола. Однако следовать этому влечению – запрещено. Как однажды сформулировал раввин Штейнзальц: «Тора не занимается установлением исходных причин половых извращений. Ее запреты абсолютны и не зависят от того, чем именно вызвано то или иное отклонение от нормы. У человека может быть врожденная склонность к агрессии и насилию, но это не отменяет запрета “не убивай”, а kleptomания вовсе не отменяет запрета “не кради”. Во всех подобных случаях на эти формы поведения наложен запрет Торы, вне зависимости от вызвавшей их причины. Тора устанавливает законодательные и этические рамки, определяющие поведение человека, нормы, придающие целесообразность и осмысленность его жизненному пути. И даже если человек имеет подобные склонности от рождения, это не дает ему права на их реализацию. Он обязан бороться со своими страстями, сколь сильными они бы ни были, пусть мучаясь и страдая, однако воздерживаясь от совершения запрещенных поступков. Таково его личное испытание и служение».

Второе: как заметил Алтер Ребе, рабби Шнеур-Залман из Ляд, мы должны ненавидеть грех, но при этом продолжать любить грешника: «Сказано по поводу людей,

отдалившихся от Б–жественной Торы: есть заповедь ненавидеть их и заповедь любить их. Оба эти чувства правильны: ненависть к злему, которое в них, и любовь к добру, которое сокрыто в них и которое есть “искра Б–га”» (Танья, 32). Это положение считается в еврейской традиции нормативным. Поэтому, испытывая отвращение к греху мужеложства, мы обязаны при этом испытывать к его носителю любовь, как и к любому иному еврею.

И последнее: как известно, еврей, даже согрешив, остается евреем (Сангедрин, 44а). Поэтому мы не имеем права «исключать» человека из лона еврейства из-за какого-либо его греха. Закон не выделяет гомосексуалистов в какую-то особую категорию грешников. Наказание, которое предписывается Торой за совершение этого греха, такое же, как и за нарушение субботы. По некоторым мнениям, этого человека нельзя считать десятым в миньяне и, соответственно, вызывать к Торе. Однако это не означает, что ему нельзя входить в синагогу и молиться в ней. Тем более он не освобожден от исполнения всех остальных предписаний и запретов Торы.

Да и вообще, как справедливо заметил мудрейший из всех людей, «нет человека праведного на земле, который делал бы только добро и не грешил бы» (Коелет, 7:20). Так что если мы захотим выгнать из синагоги грешников, мы будем вынуждены выгнать оттуда всех. Еврейское слово «цибур» («община») многие считают акронимом слов «праведники» («цадиким»), «средние» («бейноним») и «грешники» («рашаим»).

^{1[1]} Тоэва («тоэ ата ба» [дб дьа дтеъ - дбтеъ]) – «ты ошибаешься в этом» (Недарим, 51а).

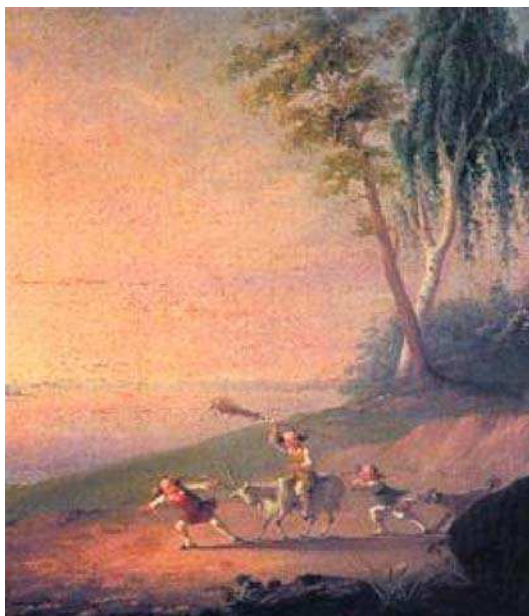
^{1[2]} См. также: Ялькут Шимони на Ваикра, 20: «Не должен человек говорить: я и не хочу есть свинину, я и не хочу ничего запрещенного. Но должен он говорить: я хочу, но что я могу сделать, когда Всевышний запретил

НЕВИДИМЫЙ КАГАЛ

Из тетрадей Карла Фоделло. 1827 год

יְהוָה יִשְׂרָאֵל

В июне 1838 года в популярном издании «Библиотека для чтения» в разделе «Науки и художества» была опубликована анонимная статья «Польские евреи». «Польскими» называли тогда всех евреев, проживавших на территориях бывшей Речи Посполитой, отошедших к России, Австрии и Пруссии в результате разделов Польши и наполеоновских войн. «В других землях, – отмечалось в статье, – первобытный еврей почти исчез и слился с туземцем наружностью и образом жизни: здесь, напротив того, это человек другой части света и почти другой породы, в физическом и нравственном отношении»^[1]. Публикация содержала как выдержанное в мрачных тонах описание современного автору состояния российского еврейства, так и практические предложения по еврейским реформам. Известный израильский литературовед М. Вайскопф предположил, что автором статьи был редактор «Библиотеки для чтения», литератор и ученый О.И. Сенковский («Барон Брамбеус»), который пользовался при написании статьи несколькими польскими и немецкими источниками^[2]. Знакомство с представленными Николаю I в 1827 году «тетрадами» крещеного немецкого еврея Карла Фоделло позволяет решить вопрос об авторстве очерка, вызвавшего большой общественный резонанс и предвосхитившего реформы 1840–х годов.

О Карле Фоделло известно немного. По его собственным словам, он переселился из Пруссии в Россию в 1806 году^[3]. В марте 1813 года Фоделло упоминается в донесении Я.И. де Санглена, недавно смещенного с поста главы Особенной канцелярии Министерства полиции. «Маляр» Фоделло расписывал комнаты у преемника де Санглена, нового директора канцелярии М.Я. фон Фока, и числился агентом секретной полиции. Ему было поручено составить справку «об иерархии жидов» для Министерства полиции, и Фоделло «бросился ко всем знакомым своим и просил о снабжении его книгами и

советами». «Вот как выслуживаются новыми начертаниями для организации, а Фоделла пишет»^[4], – заключает свой «анекдот» де Санглен.

Следующее упоминание о Фоделло относится к 1826 году, когда он, очевидно, по протекции фон Фока (к тому времени управляющего Третьим отделением), становится консультантом по еврейским делам при Еврейском комитете, учрежденном в 1823 году для подготовки нового «Положения о евреях». Члены комитета признали его записки «по их верности и подробности полезными для своих соображений о мерах к преобразованию евреев» и постановили «представить господам министрам, не угодно ли будет им обратить внимание на усердие и труды Фоделло, для общей пользы им принимаемые»^[5].

8 апреля 1827 года Фоделло представил Николаю I обширный проект еврейской реформы. Своих многочисленных предшественников-проектировщиков и ученых «разных наций» он аттестует самым нелестным образом: «большая часть сих сочинений недостойна внимания, ибо обнаруживает или пристрастие, или даже сильную ненависть, или неведение». Фоделло ставит перед собой амбициозную цель: продемонстрировать «предмет сей в настоящем его виде». Текст Фоделло построен как образцовое этнографическое описание. За кратким историческим очерком поселения евреев в Польше следует характеристика физических особенностей еврея: «Цвет лица бледный или желтоватый. Волосы на голове и на бороде у мужчины или совершенно черные, или рыжие; первые большею частью курчавы, как сие бывает у всех восточных народов. Рост их можно скорее назвать малым, чем большим, сложение их более сухощавое, нежели тучное; большею частью имеют узкую грудь, легкие и почки слабые, и посему харканье кровью и чахлость суть весьма обыкновенные болезни между ними». Наряд еврея делает его внешность еще более неприглядной: «Если волосы чесаны, то кафтан и плащ его наверняка не чищены, имеет ли он на камзоле все пуговицы, то у исподнего платья недостает или лент, или пряжек, буде же последнее в порядке, то чулки будут изорваны так, что голые пяты видны, ежели же чулки целы, то увидите на нем башмаки в дырках, кои ежеминутно вязнут в грязи... Истинный талмудист никогда не снимает и не меняет своей одежды, пока она не спадет с него лоскутьями». В записке Фоделло присутствуют и известные юдофобские стереотипы о «еврейской грязи», «естественной причине всех кожных болезней, к коим евреи весьма равнодушно оказываются».

Зато он старается опровергнуть другой распространенный культурный миф: «Рассуждая хладнокровно, трудно понять, каким образом христианин может соблазниться прелестями польской еврейки. Во-первых, имеют они почти все дурной запах изо рта. К тому ж при разговоре коверкают лицом, последствием чего бывает сжимание или сведение лицевых мышц. Женатые (так в тексте. – О. М.) скрывают власа свои под повязкою, тем самым лишаются отличной прелести». На самом деле замужние еврейки брили или коротко стригли волосы, поверх надевали парик и сложный головной убор. Именно парик (идиш «шейтл»), а не волосы, как наивно предполагал Фоделло, скрывался под нарядным убором, напоминавшим кокошник (идиш «штернтихл»). «Другой недостаток, столь же вредный для здоровья, сколь предосудительный для красоты, есть тот, что еврейка получает при выходе из младенчества род тесного камзола, который закрывает ей шею, жмет груди и лишает их как формы, так и твердости». Окончательно губит еврейку ранний брак и раннее материнство, лишаящее ее «потребных для совершенного развития сил».

Записка Фоделло отличается от других памятников этого жанра подробным описанием особенностей супружеской жизни евреев и связанных с этой сферой ритуальных законов, которые не допускают «пресыщения, происходящего от слишком

частого употребления чувствительных удовольствий, отчего жена у еврея сохраняет для мужа всегда новые прелести».

Традиции «польских» евреев, связанные с кашрутом, кажутся просвещенному немецкому еврею верхом невежества и фанатизма. Хасиды («хазидимы») «так далеко простирают мнительность свою», что не пользуются посудой миснагидов («талмудистов»), считая ее некошерной, и отказывают миснагидам даже в стакане воды, боясь, что те осквернят его. Они процеживают питьевую воду, опасаясь, что в нее попали насекомые. «Великое счастье для хазидимов, что не знают тех маленьких животных, для простых глаз неприметных, кои находятся во всех вообще жидкостях (имеются в виду микроорганизмы. – О. М.), ибо в сем случае они не смели бы пить ни воды, ни пива».

«Польский еврей, весьма умеренный от природы, вовсе не имеет понятия о хорошем столе. Увидите его часто в христианских харчевнях: прижавшись к уголку самому нечистому, он ест редьку или крутые яйца с большим удовольствием, нежели христианин за богатейшим столом жареного своего фазана». При таком равнодушии к питанию евреи легко переносят пост. Некоторые евреи, чаще всего старики с иссохшими изжелта-бледными лицами, налагают на себя семидневный пост от субботы до субботы, «держа всегда Талмуд на коленях и отказываясь твердо от убедительнейших приглашений к столу». Чтобы легче переносить голод, они стараются двигаться как можно меньше. Кающийся еврей «в добровольном умерщвлении плоти» превосходит любого христианского монаха. Он годами не ест ни мяса, ни «чего-либо на то похожего». Эти аскеты вызывают некоторое уважение Фоделло: «Должно отдать справедливость сим беднякам, что они добровольно, из любви к Б-гу и в надежде спасти душу свою, подвергаются изнурению, кое едва выдерживают».

Еврей лишен качеств, обязательных для «цивилизованного» человека: его не привлекают ни природа, ни «художества», и «даже не любит он ни одного домашнего животного, коль скоро содержание оно сопряжено с издержками». По субботам в Петербурге часто можно увидеть евреев, прогуливающих возле Адмиралтейства, «рассматривая по целым часам» его сверкающий шпиль, «не для того, чтобы любоваться его красотой, но чтобы оценить золото, употребленное на его позолоту». Другие «с равным вниманием» вычисляют «внутреннюю цену» металла, употребленного для отливки Медного всадника.

Из всех «изящных искусств» евреи признают только музыку. Они «охотники до пения. Но какого пения? Не дай Б-г его слышать! В нем нет ни складу, ни ладу, и похоже оно на старинные плачевные песни, и, может быть даже, что они суть отголоски тех, кои воспеваемы были предками их на берегах рек и под стенами Вавилона. Между тем, еврей не отправляет ни одной свадьбы без музыки и плясок и не нанимая гаеров (имеются в виду свадебные бадхены. – О. М.), забавляющих его площадными своими шутками. Но музыка их, равно как и пляска, составленная из смешных или странных телодвижений, доказывает, сколь далеко они отстали в сих двух искусствах».

Первая часть проекта заканчивается типичным для еврейского Просвещения (Хаскалы) выводом: «Природа одарила евреев теми же самыми выгодами и тою же деятельностью, которые отличают христиан, недостает у них одного образования». Под «образованием» в записке Фоделло понимается в первую очередь не «образование» в современном смысле слова, а политическое преобразование системы управления евреями.

Поэтому в следующей части записки рассказывается «о кагале, или о главах еврейских обществ, о пренебрежении, в каковом находятся настоящие кагальные члены, о разных противузаконных и бесстыдных действиях оных и о средствах к искоренению сего зла». Злоупотреблениям кагальных потакают местные чиновники «от полицмейстера и до последнего писаря», состоящие «на жалованье» у кагала. Раввины и даяны (члены раввинского суда) полностью зависят от кагала и не могут помочь угнетенным беднякам.

И тут Фоделло делает важное открытие. Оказывается, «нынешние члены кагала должны быть почитаемы не иначе как за подставные лица». Это «наемники, получающие в неделю от двух до трех червонных жалованья, и за которыми богатейшие в обществе, составляющие невидимый кагал, всем управляющий, строго смотрят»^[6]. Таким образом, истинные главы общины могут избежать судебной ответственности за недоимки и унижений, сопряженных с деятельностью кагальных. К примеру, «капитан-исправник (начальник полиции в данном уезде. – О. М.) поступает с членами кагала самым подлым образом, ругает их, тащит в полицию и бьет даже иногда; вообще его поступки находятся в соразмерности с подарками, которые ему подносят». Аналогичным образом поступают «многие», мягко говоря, «не кроткие гражданские и военные чиновники». Члены общины сами нередко заводят тяжбы и ссоры с кагалом. Попойка с участием членов кагала «оканчивается всегда спором и дракою между грубым народом и безнравственным его начальством».

«Таковые причины побудили богатейших и благочестивейших мужей между евреями отказаться от должности, коей прежде все домогались, и выбрать в кагал беднейших своих собратий низшего звания, ибо сии легко покушаются на то, чтобы составить ложные ревизские сказки (списки лиц, которые должны платить подати. – О. М.) и ни во что не вменяют стыд и поругание», «соглашаются на все возможное и столь же неопытны, сколь бессовестны».

По мнению Фоделло, чтобы искоренить эти злоупотребления, необходимо повысить престиж самого института кагала. Кагал следует изъять из юрисдикции капитана-исправника и полицейских властей и подчинить его непосредственно губернскому правлению. Кагал «должен быть отличен при удобном случае со стороны правительства наградами или знаками милости, кои приобретут ему уважение со стороны его собратий». Тогда, «как во времена Польского правительства» (т. е. до разделов Польши), места в кагале снова займут «богатейшие и достойнейшие мужи», воодушевленные стремлением «быть благотворителями их собратий, служить верою и правдою Б-гу и государю». Когда «невидимый кагал» станет официальным институтом и заменит бутафорское учреждение, состоящее из «негодяев и сволочи», в еврейских общинах наступит «порядок и благоденствие».

Такое сказочное перевоплощение, по мнению Фоделло, будет обусловлено основными чертами характера евреев, якобы присущими им как «восточному» народу: «В благосостоянии еврей горд и честолюбив до крайности, в бедности же низок и презрителен, имея ко всякому злу и пороку наклонность; богачи могут быть склоняемы к добру ласковым обхождением, низший же класс должен быть понуждаем к оному насилею»^[7]. Таким образом, начав свое описание кагала с жесткого обличения внутриобщинных порядков, Фоделло заканчивает его призывами к повышению статуса еврейской элиты. Это сближает его проект с аналогичными предложениями представителей российского еврейства, которые выдвигались в предшествующие десятилетия. Еврейская верхушка, сохраняя традиционный образ жизни, стремилась в то же время к статусу своего рода «еврейского дворянства»^[8]. Не случайно благородные цели глав общины («быть благотворителями их собратий, служить верою и правдою Б-гу

и государю») в проекте Фоделло совпадают с идеалами, декларировавшимися российским дворянством («за веру, царя и Отечество»).

Преобразование управления евреями следовало завершить учреждением Главного судебного и духовного еврейского правления при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий. В каждой губернии следовало учредить Верховный кагал, наподобие надобщинных ваадов (советов) Речи Посполитой. Члены верховного кагала должны собираться в определенное время в назначенном месте. Верховный кагал состоит из губернского парнаса (главы кагала), главного раввина и двух раввинов «от разных обществ», двух «казначеев», двух «сборщиков», «двух поверенных из каждого общества» (т. е. каждой еврейской общины данной губернии) и двух секретарей. Верховный кагал должен избираться каждые три года «депутатами» от всех еврейских общин данной губернии и утверждается упомянутым выше Главным судебным и духовным еврейским правлением. Он имеет широкие полномочия: утверждает общинные кагалы, контролирует их деятельность, имеет право «отставлять кагалы и предавать их суду, с полным правом на вспоможение полиции» и «присутственных мест».

Главы общинного управления и раввины должны «признавать повеления монарха за высший закон в гражданском и политическом отношении (как то разрешено великим Сангедрином в Париже в 1807 году^[9], и, следовательно, ежели церковный их судебник или различные толкования на оный содержат гражданские или политические заповеди, противоречащие оным государственным законам, то сии заповеди не должны иметь действия на них, одним словом, они должны предпочтительно признавать законы государя и оным повиноваться и согласно с вышеизложенными правилами обучать, судить и проповедовать»^[10].

Таким образом, в проекте Фоделло не слишком органично сосуществуют три главные идеи, присутствовавшие в предшествующие десятилетия в различных проектах еврейской реформы в России: «классическая маскильская» программа (просвещение невежественных и «фанатичных» евреев, их сближение с окружающими народами и в перспективе – отмена специального законодательства о евреях); идея создания «еврейского дворянства» и укрепления общинной организации, за которую ратовали представители традиционной еврейской элиты и выдвинутая властями идея «российского Синедриона», который должен был «освящать» постановления правительства на уровне еврейского религиозного права (Алахи). Учреждение Синедриона планировалось Еврейским комитетом 1802–1804 годов, работавшим над подготовкой «Положения о евреях» 1804 года. К опыту наполеоновского Синедриона апеллировал в 1820 году

министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын. «Еврейские законы могут и должны изменяться, если обстоятельства требуют сего», – писал он в докладной записке Александру I^[11]. Проекты, появившиеся в последующие годы, такие, как опус жандармского капитана А. Васильева^[12], свидетельствовали о том, что данная идея продолжала возбуждать административную фантазию.

Дальнейшая судьба проекта Фоделло довольно интересна. В 1838 году в «Библиотеке для чтения» появляется уже упоминавшийся очерк «Польские евреи». Большая часть текста (с незначительными стилистическими изменениями) заимствована из проекта Фоделло. Не обошлось тут и без столь же курьезных, сколь тенденциозных ошибок. Так, обычай чтения кадиша, описанный у Фоделло вполне адекватно («сыновья усопших родителей должны ежедневно, в протяжении целого года, читать в синагоге по нескольку раз молитву, называемую кадиш»^[13]), превращается под пером автора «Польских евреев» в специальный обряд, который совершают «сыновья усопших плутов, если хотят вырвать своих родителей из когтей сатаны». Согласно очерку, еврей вообще «не празднует свадьбы». В записке Фоделло речь шла о том, что еврей не празднует свадьбы, пока его родители не договорились о сумме приданого с родителями невесты. Полностью отвергается мнение Фоделло о равенстве евреев с другими народами с точки зрения умственных и нравственных качеств. Еврей якобы «наследственно лишается умственных способностей, – даже способности к развитию их в благоприятных обстоятельствах». В качестве примера приводятся еврейские студенты в польских университетах: «Замечено, что из них обыкновенно выходили люди весьма ограниченные». «Если евреи произвели из своей среды <известных композиторов и музыкантов> Мейерберов, Мендельсонов, Герцов, то это происходит скорей оттого, что музыка – легкое занятие, она привлекает к себе тысячи евреев, между которыми, по необходимости, должны встретиться два-три отличных артиста».

Понятно, что в статье полностью отсутствует обличение коррумпированных губернских властей, столь колоритное в проекте Фоделло: о том, чтобы задеть капитана-исправника и полицмейстера на страницах столь благонамеренного издания, не может быть и речи! Нет в статье и идеализированных образов благородных еврейских богачей. Зато автор с удовольствием подхватывает идею «невидимого кагала», изображенного здесь, в отличие от проекта Фоделло, в самых черных красках.

Предложенная автором статьи реформа полностью противоположна проекту Фоделло: автор предлагает упразднить кагалы, которые «доказали на жестоком опыте неудобства жидовской администрации». Следовало заменить кагалы особыми «еврейскими правлениями» во главе с христианином «из почтеннейших помещиков». «Начало безнравственности евреев, говорим мы, всегда скрывалось в собственном их внутреннем управлении, и народный характер их улучшился везде, где только это жидовское управление более или менее было заменено христианским»^[14].

Можно предположить, что появление статьи «Польские евреи» в «Библиотеке для чтения», на тот момент одним из самых популярных российских журналов, являлось выполнением правительственного заказа. В этом контексте становится понятным воспроизведение целых частей записки Фоделло, хранившейся в Секретном архиве Третьего отделения.

В свою очередь, статья в «Библиотеке для чтения» послужила одним из источников сведений о евреях, привлекавшихся при разработке реформ 1840–х годов, прежде всего отмены кагала. Ссылки на нее присутствуют в анонимной записке «Об устройстве еврейского народа в России», весьма близкой по своему содержанию к осуществленной затем программе реформ. Данными статьи автор обосновывает необходимость отмены кагалов, которые являются «орудием сильнейших членов общества, пользующихся плодами предосудительной промышленности бедных евреев»^[15].

Как ни странно, и проекты упразднения общинного управления, и проекты превращения его в государственное учреждение высокого ранга основывались на одной и той же теоретической базе. Авторы этих проектов были убеждены в существовании «тайного еврейского правительства», которое действительно управляет всеми сферами жизни евреев. При том что еврейское население империи представляло собой сложный конгломерат различных сообществ, конструкция выглядит совершенно произвольной. «Малляр» Карл Фоделло предлагал власти переманить «невидимый кагал» на свою сторону наградами и знаками отличия и затем с его помощью контролировать еврейское население. О.И. Сенковский (с подачи правительства) на страницах своего журнала десять лет спустя предлагает власти перейти в «режим ручного управления» евреями, устранив общинное самоуправление. Заимствуя из записки Фоделло описание «смешных и безобразных» сторон еврейской жизни, власть и выражающая в данном случае ее интересы пресса предпочли отвергнуть призывы к сотрудничеству и пониманию.

^[1] Польские евреи // Библиотека для чтения. Т. XXVIII. № 54. Отд. III. С. 49.

^[2] М. Вайскопф. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. М., 2008. С. 269.

^[3] The Central Archives for the History of the Jewish People, Jerusalem (САНП). F/811 (оригинал: Государственный архив Российской Федерации [ГАРФ]. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 2312. Л. 41). Сердечно благодарю сотрудника САНП В.М. Лукина за предоставленную копию проектов К. Фоделло. – О. М.

^[4] Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 115–116.

^[5] Ю.Г. [Гессен Ю.И.]. К истории еврейских типографий. Крещеные евреи Зандберг и Фоделло // Еврейская старина. 1909. Вып. 4. С. 252.

^[6] САНПР. F/811 (оригинал: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 2312. Л. 40, 42 об.–43, 48 об.–48 а, 49–55, 56 об.–57 об., 64 об.–65 об.).

^[7] САНПР. НМ 2/9617 (оригинал: Российский государственный исторический архив [РГИА]. Ф. 821. Оп. 8. Д. 275. Л. 260–260 об., 261, 266–266 об., 267, 268–268 об.).

^[8] Подробнее об этом см.: О. Минкина. Еврейское дворянство на рубеже эпох // Лехаим. 2008. № 2. С. 47–50.

^[9] Имеется в виду созванное Наполеоном собрание представителей еврейских общин.

^[10] САНПР. F/811 (оригинал: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 2312. Л. 109 об.–114).

^[11] Подробнее о «российском Синедрионе» см.: О. Минкина. «Российский Синедрион»: проекты и административная практика первой четверти XIX в. // Материалы Пятнадцатой ежегодной международной конференции по иудаике «Сэфер» (в печати).

^[12] Подробнее об этом см.: О. Минкина. Жандарм и цадики. Капитан Васильев в поисках российского Бар-Кохбы // Лехаим. 2008. № 5. С. 46–49.

^[13] САНПР. F/811 (оригинал: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 2312. Л. 86).

^[14] Польские евреи. С. 63, 66, 75, 88–89.

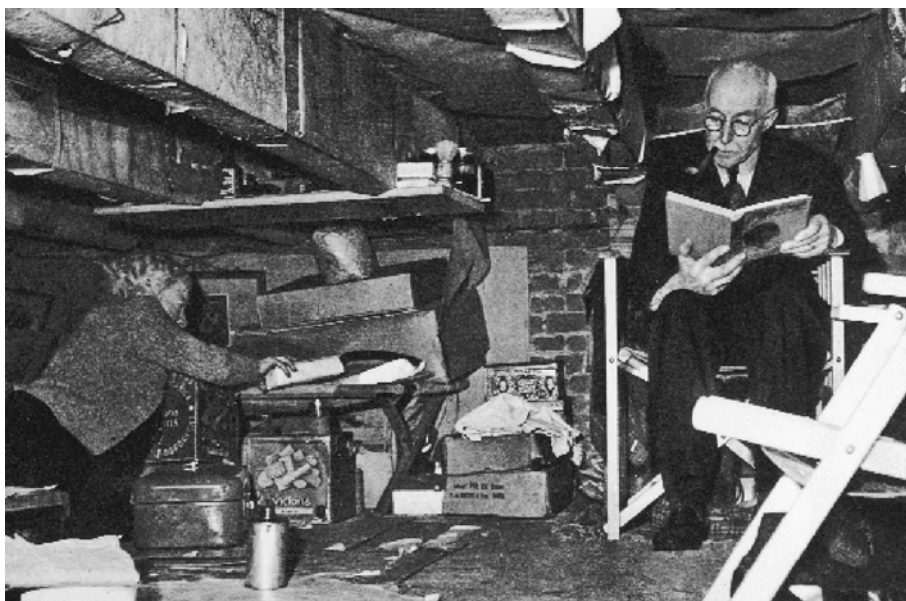
^[15] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Ф. 608. Оп. 2. Д. 136/2. Л. 331 об.

ПРАВЕДНИКИ В СОДОМЕ: СПАСЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ДАНИИ И БОЛГАРИИ

Ááí èèë Ðîì áí îáñèèé

Еврейская трагедия второй мировой войны была усугублена всеобщим равнодушием по отношению к ней. От евреев отвернулись не только большинство их соседей, но зачастую и государства, гражданами которых они были. Правительства, действовавшие под немецкой оккупацией, готовы были принести евреев в жертву во имя спокойствия в стране; национальное сопротивление не считало, что ради их спасения следует прилагать такие же усилия, как и ради спасения представителей «своей» нации; общественное мнение иногда находило даже плюсы в устранении евреев.

В Европе, однако, были две страны, вставшие на защиту своих евреев, – это Дания и Болгария. Спасение евреев в этих странах выглядело по-разному: если в Дании речь шла об акте сопротивления, захватившем все слои общества, то в Болгарии на помощь евреям пришел народ, тогда как большинство политической элиты готово было принести евреев в жертву военному союзу с Германией.

Датские евреи, прятавшиеся во время войны в крохотном погребе.

Помещение столь мало, что они не могли выпрямиться в полный рост.

Датское спасение

История спасения евреев в Дании широко известна. Она даже обросла легендами: так, рассказывают, что, когда немецкие оккупанты приказали евреям пометить одежду желтыми шестиконечными звездами, то король Дании тоже прикрепил к своей одежде этот знак и в таком виде выехал на свою ежедневную конную прогулку по столице. На

самом деле Христиан X не появлялся на публике с желтой еврейской звездой; более того, немцы никогда не заставляли датских евреев носить желтую звезду.

Согласно другой легенде, датское подполье за одну ночь, с 1 на 2 октября 1943 года, вывезло всех евреев страны в нейтральную Швецию. Это не совсем так: вывоз евреев и их нееврейских родственников в Швецию занял более месяца, и в нем участвовали не только активисты-подпольщики, но и тысячи простых датчан. Некоторые из этих людей просто предупредили своих друзей-евреев, другие – иногда месяц и более прятали евреев, ждущих своей очереди на отплытие, потом помогали им добраться до побережья и т. п.

Спасение евреев стало предметом особой гордости датчан. Для маленькой страны, армия которой 9 апреля 1940 года почти не оказала сопротивления немецкому вторжению, осенняя операция 1943 года – один из главных актов национального сопротивления.

Положение Дании под оккупацией было непохоже на положение других стран – жертв германской агрессии. Предлог для немецкого вторжения 9 апреля 1940 года был «стратегический» – опередить англо-французское вторжение. Формально, несмотря на оккупацию, Дания оставалась независимым государством. Ее правительство функционировало как прежде, демократическая система сохранялась, и армия не была распущена. Проводились выборы, работал парламент, в котором большинство имели левые и центристские партии. До августа 1943 года 8 тыс. датских евреев и породненных с ними лиц оставались полноправными гражданами.

Германия предпочитала не воздействовать на Данию силой. Излишнее давление было чревато политическими и экономическими проблемами: Дания снабжала Германию мясом и маслом. Несмотря на то, что Германия имела к Дании территориальные претензии, немцы в продолжение всей оккупации не урезали ее территории. Более того, Германия старалась не слишком давить на Данию и в «еврейском вопросе». К тому же евреев в Дании было мало: до войны правительство ограничивало иммиграцию евреев в страну, Дания не впустила беженцев и после Хрустальной ночи.

В годы оккупации равноправное положение евреев стало одним из символов независимости Дании. В ноябре 1941-го в связи со вступлением Дании в Антикоминтерновский пакт ее правительство заявило, что в трех пунктах Дания не уступит немецким требованиям: она не присоединится к «Оси Берлин – Рим»; не введет законов против евреев; не пошлет регулярную армию на Восточный фронт.

В 1943 году положение Германии на фронтах ухудшилось, и население оккупированных стран стало меньше бояться оккупантов. В Дании участились нападения на немецких военных, а 24 августа 1943 года организация «Хольгер-Датчанин» устроила взрыв в Копенгагенском выставочном зале, который немцы намеревались переоборудовать в армейские бараки. Взрыв послужил для немцев предлогом усилить давление на Данию: 28 августа новый «представитель» Рейха в Дании Вернер Бест в ультимативной форме потребовал от правительства Дании ввести в стране чрезвычайное положение. Датское правительство вежливо отклонило ультиматум. В 4 часа утра 29 августа немцы разоружили и интернировали датскую армию и блокировали королевский дворец. Радио объявило о введении военного положения, и немецкая армия взяла власть в свои руки.

Высший офицер СС Бест полагал, что военное положение – наилучший момент для «решения еврейского вопроса». 8 сентября он заручился согласием Берлина на проведение операции по депортации евреев из Дании. В тот же день немецкая полиция безопасности ворвалась в здание правления еврейской общины и конфисковала картотеку всех евреев с указанием их адресов.

Ключевой фигурой в предстоящем вывозе евреев Дании на материк был атташе по морским перевозкам германского посольства в Копенгагене Георг Фердинанд Дуквиц. Между 21 и 28 сентября Дуквиц сообщил датским социал-демократам, среди которых у него были друзья, о том, что облава на евреев намечена на ночь с 1 на 2 октября, а шведам – о том, что намечено прибытие в Швецию 6 тыс. датских евреев.

Историкам до сих пор остается непонятной роль немцев, то есть Беста и Дуквица, в вывозе евреев из Дании в Швецию в 1943 году. Традиционное романтизированное изложение этой истории рисует вывоз евреев датскими подпольщиками как отважную операцию, проведенную под самым носом у ничего не подозревавших оккупантов. Для такой версии событий спасение евреев Дании прошло подозрительно гладко: в транспортировке людей через пролив Эресунн почти не было провалов. Существует мнение, что вывоз евреев Дании в Швецию был результатом провокации Беста и Дуквица. Понимая, что у них недостаточно сил для облавы на евреев и что эта операция вызовет возмущение в стране, эти два члена нацистской партии подкинули подполью сведения о депортации и побудили его вывезти евреев в Швецию – таким образом, Бест мог доложить в Берлин о «свободной от евреев» Дании. Большинство историков сегодня считают, что автором провокации был только Бест, а Дуквиц, разочаровавшийся в нацизме, искренне считал, что предупредить лидеров Социал-демократической партии – единственный способ спасти датских евреев от неминуемой гибели.

Даже если операция по вывозу евреев Дании была результатом провокации – ни один датчанин об этом не знал. Подпольщики, деятели церкви, тысячи простых датчан, пришедших на помощь евреям, считали, что вывоз через Эресунн – это единственное спасение, и знали, что, если их схватят, им грозит, по меньшей мере, концлагерь.

Дети, вывезенные из Дании в Швецию.

Вечером 28 сентября лидер ДСДП (и будущий премьер-министр Дании) Ханс Хедтофт лично отправился домой к президенту еврейской общины адвокату Карлу Бернаруду Хенриквесу, сообщил ему, что в ночь с 1 на 2 октября состоится депортация, и

просил немедленно известить всех евреев города. Реакция Хенриквеса была неожиданной: «Вы лжете!» Хедтофту стоило немалого труда убедить его. Хенриквес повторил несколько раз: «Я не могу в это поверить. Я только что был в МИДе, и секретарь Свеннингсен заверил меня, что ничего в таком роде не будет».

29 сентября 1943 года был канун Рош а-Шана. На утренней службе в синагоге в этот день раввин Маркус Мельхиор объявил, что вечерняя служба отменяется, рассказал все, что знал о депортации, и призвал евреев немедленно оповестить всех и обратиться за помощью к христианам.

Редкая еврейская семья в Дании не имела родственников или близких друзей-христиан. 29 сентября сотни датчан шли предупредить своих друзей-евреев, сотни других прятали евреев и договаривались с владельцами лодок, рыболовных шхун и т. п. о перевозке их в Швецию. Учителя предупреждали учеников-евреев, больницы устраивали у себя евреев под видом больных. Так, в копенгагенской больнице Биспеберг спрятались 200 человек. Чтобы спустя несколько дней вывезти первую группу евреев на берег моря, где их ждала шхуна, работники больницы имитировали похоронную процессию.

Для кантора Эугена Гольдбергера и его семьи лодку нанял пастор близлежащей лютеранской церкви. 150 евреев разместил епископ Плум в своей резиденции в Нюкёбинге; отсюда их вывезли в Швецию. По просьбе раввина Мельхиора пастор Ханс Килдебю из Орслёв спрятал свитки Торы и книги из главной синагоги. Даже датская полиция помогала прятать евреев, а потом вывозить их к ожидавшим суденышкам.

В перевозке 7220 евреев и их 680 нееврейских родственников участвовало около 300 рыболовецких судов; они отплывали из более чем 50 точек, от деревни Гиллелее на севере острова Шеланн (Зеландия) до поселка Хеснес на юге острова Фальстер. За октябрь – начало ноября было сделано около тысячи переправ. Некоторые переправы длились час: Эресунн – узкий пролив; другие длились до суток.

Подпольщики сумели переправить в Швецию не всех евреев Дании – немцам удалось депортировать в Терезин 481 «расового» еврея. В их числе были 200 обитателей еврейского дома престарелых на ул. Кристальгаде в Копенгагене, халуцим, жившие колонией вдали от столицы. 80 человек, которые в ожидании лодки были спрятаны на чердаке церкви в Гиллелее, выдала датчанка – любовница немецкого военного. Это был не единственный случай предательства: всего в общей сложности за октябрь 1943 года датчане выдали немцам около 120 евреев.

Депортированных в Терезин датских евреев взяло под свою опеку датское правительство. Почти сразу – в ноябре 1943-го – правительство добилось у немцев права посылать в Терезин посылки. В июне 1944-го Терезин посетила комиссия датского парламента. 15 апреля 1945-го оставшихся в живых 425 евреев датчане забрали из гетто и возвратили в страну на автобусах шведского Красного Креста^[1].

Спасение евреев – это, без преувеличения, подвиг датского народа. Какие бы обстоятельства ни облегчили акцию октября – ноября 1943 года, ее многочисленные участники рисковали свободой и жизнью – так же, как если бы они проводили военную операцию.

Болгарское спасение

Если в Дании и народ, и политическая элита страны не приняли нацистского диктата и участвовали в спасении евреев, то в Болгарии ситуация была иной: власть была вынуждена уступить давлению общественности, воспротивившейся депортации евреев.

Болгария тесно сблизилась с Германией в 1940 году; 30 августа она, при содействии Германии, получила от Румынии Южную Добруджу, потерянную в результате первой мировой войны. Формально Болгария примкнула к Оси в марте 1941 года, накануне вторжения в Югославию. В момент вступления Болгарии в войну в стране жило около 50 тыс. евреев, из них половина – в столице.

Антисемитизм в Болгарии никогда не был силен. Евреи не воспринимались как национальная угроза (традиционным национальным врагом были турки). Несмотря на германское давление, болгары не спешили принимать законы против евреев. Их не было в государственной администрации; их присутствие не ощущалось в интеллектуальной жизни страны; их роль в экономике была периферийной. Впоследствии, когда правительство начало «ариизировать» еврейскую собственность, вся она перешла в руки государства – таким образом, в стране не возник класс населения, заинтересованный в ариизациях.

Исключение составлял правый лагерь, как та его часть, которая стояла у власти, так и ультраправые, претендовавшие на власть. Некоторые из национальных лидеров (например, премьер-министр Богдан Филов) симпатизировали нацистам и восприняли от них идеологический антисемитизм. Власти рассматривали введение антиеврейских законов по германскому образцу как один из путей сближения с Германией. Тем не менее первый такой закон (Закон «О защите нации»), предложенный в августе 1940 года, был принят Собранием (парламентом) только 21 января 1941 года после долгих дебатов.

За 1941-й – первую половину 1942 года болгарские власти успели конфисковать большую часть еврейской собственности, уволить большинство евреев-врачей, юристов и других, а также наложить на евреев огромный «штраф».

26 августа 1942 года правительство, по настоянию немцев, издало новый декрет против евреев; он определил евреев как расовую группу, ввел ношение евреями желтой звезды, пообещал выселение евреев из Софии, а также учредил Комиссариат по еврейскому вопросу (КЕВ), во главе которого встал Александр Белев, вероятно самый большой антисемит в правительстве страны. На КЕВ возлагалась подготовка депортации евреев из Болгарии и оккупированных ею территорий.

В начале февраля 1943 года немцы уведомили Белева о предстоящей депортации евреев из Фракии и Македонии. Статус этих двух «новых провинций» Болгарии оставался неясным. По условиям соглашения с Германией, болгарские войска находились на этой территории только как оккупирующая армия. Несмотря на то что болгарский царь объявил об аннексии Фракии и Македонии и провел соответствующий закон через Собрание, аннексию не признала даже Германия. Проводить операцию в «новых провинциях» должна была болгарская армия.

Белев встретился с Даннекером, представителем Эйхмана в Болгарии, и они договорились о депортации 20 тыс. евреев; кроме евреев Фракии и Македонии в это число

должны были войти 8000 «нежелательных евреев» из Старой Болгарии. Соглашение Даннекер–Белев от 22 февраля 1943 года оговаривало: «Болгария ни при каких обстоятельствах не потребует их возвращения назад»^[2].

4 марта 1943 года состоялась облава на евреев оккупированной болгарскими Фракии; 11 марта 1943-го – на евреев Македонии. Облавы на евреев Фракии и Македонии с последующей передачей их немцам были произведены болгарской армией с не меньшей жестокостью, чем те, которые производили на Балканах румыны или немцы. 4273 евреев Фракии, 7381 еврей Македонии и 161 еврей отторгнутого от Сербии городка Пирот были интернированы в лагерях на болгарской территории, а затем переданы немцам, которые их вывезли в Трешлинку.

Однако депортация 8 тыс. евреев из Старой Болгарии не состоялась.

Из города Кюстендил, около границы с Сербией, намечалось депортировать все еврейское население. Несмотря на секретность подготовки к операции (начало ее было намечено на утро 10 марта), о ней стало известно евреям города. «Проговорившихся» было много: среди них – и личная секретарша комиссара Белева Лиляна Паница, позвонившая своему знакомому – Нисиму Леви из Центральной еврейской консистории в Софии; и Владимир Куртев, один из вождей нелегальной Македонской революционной организации; и губернатор Кюстендилской области Милтенев. 7 марта руководители еврейской общины созвали общее собрание в синагоге Кюстендила и оповестили евреев города о событиях. Одновременно лидер болгарских сионистов Яко Барух связался с Димитром Пешевым, заместителем председателя Собрания и кюстендильцем, прося его вмешаться.

В самом Кюстендиле было решено просить видных болгар-христиан поехать в Софию и потребовать у правительства отменить приказ о депортации (евреям всякие путешествия были запрещены). Во главе делегации встал депутат Собрания от Кюстендила Петар Михалев. Делегация прибыла в Софию вечером 8 марта.

9 марта Пешев и кюстендилская делегация явились к министру внутренних дел Габровскому и, действуя то уговорами, то угрозами, потребовали у него отменить приказ о депортации. Габровский понял одно: о секретной операции стало известно всем в стране – и согласился разослать на места телеграммы, отменяющие депортации.

В Пловдив телеграмма поступила с опозданием, и полиция уже собрала во дворе школы несколько сотен евреев. Здесь вмешался пловдивский митрополит Кирилл. Он спрятал в своем доме всех крещеных евреев, направил царю телеграмму протеста, а затем явился к школе. Часовой попытался не пропустить Кирилла, тогда митрополит со словами «Только попробуй меня остановить!» перелез через железный забор и оказался во дворе, вместе с евреями. Здесь он заявил: «Куда они поедут, туда и я». Поступившая наконец из Софии телеграмма Габровского спасла жизни евреям и заодно избавила власти от скандала^[3].

Разумеется, распоряжение Габровского не отменяло саму депортацию, а лишь откладывало ее на неопределенный срок. Понимая это, Димитр Пешев подал петицию протеста против антиеврейской политики правительства. Петиция, которую подписали 42 парламентария – члена правящей правоконсервативной оппозиции, не имела успеха: в результате ее подачи Пешев только лишился поста зампреда Собрания.

Ика и ее сестра Вики, депортированные из Софии в провинцию. Болгария, 1943 год.

Между тем в начале мая был арестован ряд подпольщиков, среди которых оказалось много евреев. У сторонников депортации евреев появились новые аргументы. Белев подготовил план вывоза всех евреев Болгарии в Польшу в течение трех месяцев – к 30 сентября 1943 года. По предложению немцев он подготовил также план-минимум – «план Б», выселение евреев Софии в провинцию. И Белев, и Даннекер были убеждены, что даже если правительство примет «план Б», то это только облегчит последующую депортацию евреев в Польшу. Аудиенция у царя состоялась 20 мая 1943 года и оказалась короткой: Борис III немедленно отверг «план А» (даже отказался его изучать) и согласился на «план Б».

На следующий же день в Софии было объявлено о начале выселения евреев из города, и все – и евреи, и болгары – полагали, что это лишь первая стадия в депортации евреев страны на смерть. Глава болгарской церкви митрополит Стефан предложил всем, кто желает, креститься. Некоторые священники докладывали, что в их церкви стоят очереди из евреев.

24 мая был День Кирилла и Мефодия – главный праздник Болгарии. На площади перед собором Александра Невского митрополит обратился к многотысячной толпе: «Сегодня наш праздник омрачен преследованиями евреев, несовместимыми с болгарской традицией терпимости», – сказал он^[4].

Протест против депортации заявил Священный Синод болгарской церкви. Протестовали видные деятели оппозиции – от республиканцев до националистов. Протестовал писатель и личный друг царя Елин Пелин. Коммунисты призвали население Софии к демонстрации против выселения евреев (демонстрация была быстро разогнана). Царь исчез из столицы – он удалился в свою высокогорную резиденцию.

25 мая 1943 года началось выселение евреев из Софии в провинцию. Появившийся в столице царь объявил, что выселение в провинцию будет продолжаться, но депортация евреев в Польшу не состоится. Однако 16 августа, вернувшись из своего очередного визита в Германию, царь Борис неожиданно заболел и 28 августа умер. Вновь сформированное правительство Божилова объявило, что «евреи останутся там, где они находятся сейчас». 27 июля 1944 года правительство Багрянова отменило Закон «О

защите нации». 5 сентября Советская армия вошла в Болгарию, а 9 сентября в Софии уже было сформировано просоветское правительство.

Историкам до сих пор остается неясным, почему правящий режим Болгарии без всяких колебаний депортировал более 12 тыс. евреев Фракии и Македонии, но отказался депортировать 50 тыс. евреев самой Болгарии. Одни историки приписывали царю и его правительству образ мыслей румынского «кондукэтора» Иона Антонеску, который в конце 1942 года почувствовал, что Германия проигрывает войну, и изменил политику по отношению к евреям. Другие сравнивали позицию болгар с позицией правительства Виши: и там и там была готовность в первую очередь пожертвовать евреями-чужаками.

Представляется, что болгарский правящий режим руководствовался иными соображениями. Главной проблемой болгаро-германских отношений была аннексия Фракии и Македонии, и во имя приобретения этих новых провинций режим готов был сделать немцам уступку – отдать им евреев «освобожденных земель». Многим членам болгарской политической элиты казалось, что и депортация 50 тыс. болгарских евреев – при всей проблематичности этого шага – может принести политические дивиденды: Болгария таким образом сможет получить от немцев не только две новые провинции, но и право не посылать своих солдат в Россию.

Однако, неожиданно для политической элиты, против преследования и депортации своих еврейских сограждан выступила широкая общественность. Резко отрицательную позицию заняла церковь. Протестовали Союз болгарских писателей, союзы врачей и юристов, представители интеллигенции, политической оппозиции и даже часть правящей коалиции. Все знали, что в «решении еврейского вопроса» в Болгарии инициатива исходит от немцев – а царь Борис и даже министр Габровский не хотели выглядеть как послушные пешки в руках немцев. Унижение нации – а именно так воспринималась сдача немцам болгарских евреев – могла стоить Борису престола. С чувствами болгарского народа – в отличие от чувств населения Фракии и Македонии – правительство вынуждено было считаться.

Должны ли рассматриваться болгары как спасители евреев или болгарский правящий режим несет такую же ответственность за участие в Холокосте, как диктатура Антонеску в Румынии, как правящий режим в Венгрии, и т. д.? Мнения историков здесь расходятся. Если болгарин Христо Бояджиев приравнивал то, что сделала Болгария, к тому, что сделала Дания, то македонский еврей Нисим Йоша считал царя Бориса III военным преступником, призывал Болгарию покаяться перед еврейским народом и вел кампанию против возвеличивания царя Бориса в Израиле^[5].

Болгарское правительство военной поры едва ли заслуживает звания спасителя евреев, но это только увеличивает роль болгарского народа в спасении своих соотечественников-евреев.

^[1] См.: E. Werner, *A Conspiracy of Decency: The Rescue of the Danish Jews during World War II*. // Boulder, CO: Westview Press, 2002.

^[2] M. Bar-Zohar. *Beyond Hitler's Grasp: The Heroic Rescue of Bulgaria's Jews*. Holbrook, 1998. P. 72.

^[3] Ibid. P. 127.

^[4] Ibid. P. 219–220.

^[5] X. Бояджиев, *Спасяването на Българските евреи през Втората световна война*. София, 1991.

Н. Йоша. Болгария и уничтожение евреев во время войны: кто несет ответственность за уничтожение евреев Фракии и Македонии? // *Ло нишках*. 2000. № 15. С. 54–57.

РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТРАКТОВКИ И КЛАССИФИКАЦИИ

Аאעא אאדעעיא

...צאייאיי אײןאעיע םױ םאעײן םעיע םאעײן, םע םאדא םױ םאעײן םאעײן םאעײן – םאע, םױאיי,

ײאיייע םױ םאעײן, יא אא םױ םאעײן םאעײן םאעײן םאעײן םאעײן, א ײאדאיע – יא יאעײן םױ

םױ םאעײן יאדאיע םױ םאעײן ^{III}.

Йеошуа Левинсон

При том что первые произведения еврейской литературы на русском языке появились уже в начале XIX века, термин «русско-еврейская литература» входит в употребление на страницах еврейской периодики лишь в 1880–х годах. Издававшиеся тогда в Петербурге еженедельники «Рассвет», «Русский еврей» и толстый журнал «Восход» с приложением не только сыграли существенную роль в становлении русско-еврейской литературы как одной из трех ветвей литературы российского еврейства – на иврите, идише и русском, – но и способствовали изучению и классификации этого нового социокультурного феномена.

Немалую роль в перемене литературных интересов еврейской интеллигенции в 70–х годах XIX столетия сыграли актуальные для русского еврейства общественно-политические события. Ограничение прав евреев во вновь принятых законодательных актах, касающихся всех граждан России; одесский погром 1871 года; юдофобские выступления русской печати; кутаисский ритуальный процесс 1879 года и другие факторы привели к тому, что вопрос о предоставлении евреям гражданского равноправия, поднятый в начальный период реформ, был отодвинут на неопределенное будущее. Это вызвало перемену в установках еврейской интеллигенции, переход от ассимиляторских настроений к национальной ориентации, к сосредоточенности на решении внутренних проблем еврейской общинной жизни, укреплении национального самосознания в среде образованной молодежи, ее привлечении к оказанию помощи бедствующей еврейской массе. Сказывалось и влияние популярных в России общественных течений,

оформившихся как народничество, с идеалом служения народу, «стремлением <...> к его материальному, нравственному и умственному освобождению»^[2].

Вследствие этих настроений в «Рассвете» от 8 ноября 1879 года появилось две публикации – анонимная статья «Необходимость создания русско-еврейской литературы» и письмо одесского писателя Моше Лилиенблюма под заголовком «Умственные потребности русских евреев в связи с их материальными нуждами». Лилиенблюм отмечает, что редакция «Рассвета» поставила цель, о которой прежние органы русских евреев не помышляли, – не только знакомить читателей, в том числе молодежь, с нуждами еврейской массы, но и способствовать участию еврейских интеллигентных сил в деле улучшения ее материального и умственного быта. Бедствующей еврейской массе нужна помощь со стороны самих евреев – от «окружающих» можно рассчитывать только на уменьшение вражды и неприязни. Долго бывшая в моде бессмысленная идея о немедленном слиянии еврейского народа с русским к цели не привела, но, как всякая бессмыслица, не могла не повредить. Проповедники слияния ничего не добились, тем не менее они содействовали отчуждению еврейской молодежи от тех, кто нуждается в ее умственной и материальной помощи. Лилиенблюм предлагает создать русско-еврейскую литературу, которая будет знакомить молодых образованных евреев, не знающих иврит и идиш, со славным и горестным прошлым еврейского народа, чтобы приблизить их к страждущей еврейской массе^[3].

В редакционной статье «Необходимость создания русско-еврейской литературы» обращение М. Лилиенблюма нашло поддержку – перед еврейскими писателями, пишущими на русском языке, ставились задачи просветительского и народнического характера. В этой статье названы потенциальные авторы русско-еврейской литературы, среди них Хвольсон, Гаркави, Лилиенблюм^[4].

Призыв был услышан, и в 1880–х годах интенсивно осуществляется становление русско-еврейской литературы, определяются ее цели, задачи, основные идейные и эстетические установки, видовой и жанровый состав, круг авторов, социальный статус и образовательный уровень читателей.

В январских номерах «Русского еврея» за 1880 год помещена статья Льва Пинскера «Для кого существуют русско-еврейские органы?». В ней известный одесский публицист указывает на причины, способствовавшие формированию у молодых образованных евреев негативной еврейской идентификации, вызывавшей чувство стыда и неловкости за принадлежность к еврейству и безразличие к своему народу. Как и Лилиенблюм, писавший, что интеллигентная еврейская молодежь, за редким исключением, знакома со своими несчастными братьями почти столько же, сколько с китайцами и японцами, Пинскер, не стесняясь в выражениях, дает гротескную картину тех представлений о еврейском народе, которые складываются у поколения «детей», не знающих еврейской истории и литературы. За неимением русско-еврейских печатных органов, они принимают на веру те превратные сведения о евреях, которыми их снабжает русская периодическая печать^[5].

В 1880 году в Петербурге при поддержке Одесского еврейского общества «Труд» выходит 1–й том посмертного трехтомного собрания сочинений Осипа Рабиновича, редактора первого русско-еврейского журнала «Рассвет», выходившего в Одессе в 1860–1861 годах. Предисловие составителя трехтомника Михаила Моргулиса было одним из ранних текстов, содержащих кодификацию нового литературного явления. Из характеристики Моргулиса следует, что русско-еврейская литература развивается в жанрах публицистики и научной литературы по еврейскому вопросу, что одним из ее

зачинателей, «пионером русско-еврейской мысли» был Осип Рабинович, выдвинувший основную задачу – защита интересов еврейского народа – и сосредоточивший вокруг себя молодых писателей. Примечательно, что Моргулис не причисляет к русско-еврейской литературе его прозу, отметив при этом, что Рабинович «еще до начала 50-х гг. приобрел уже себе некоторую известность в русской литературе»^[6].

Подход Моргулиса был развит Григорием Лифшицем, сотрудником петербургского «Рассвета», печатавшим статьи и беллетристику под псевдонимами Гершон-бен-Гершон, Г.-б.-Г., Г.Л., Л-ць, – его рецензия на 1-й том сочинений О. Рабиновича озаглавлена «Пионер русско-еврейской литературы»^[7]. Критик относит творчество Осипа Рабиновича к раннему периоду русско-еврейской литературы, включая в корпус произведений этой литературы и его прозу^[8], которая соответствовала поставленной перед писателями задаче – знакомить молодых еврейских читателей с прошлым и настоящим русского еврейства.

А. Ландау.

До этого Лифшиц опубликовал в отделе библиографии «Рассвета» одну из первых статей, определяющих тематический и жанровый состав русско-еврейской литературы, – рецензию на изданный в 1880 году 8-й том историко-литературного сборника «Еврейская библиотека», выходявшего с 1871 года под редакцией А. Ландау. Отметив бедность «нашей еврейско-русской литературы» (термин еще варьируется), критик рекомендует очередной том «Еврейской библиотеки» как полезную и занимательную книгу для читателей, интересующихся положением евреев в России. С точки зрения критика, разные виды и жанры формирующейся еврейской литературы на русском языке представлены во всех отделах рецензируемого сборника – научном, историческом, публицистическом, беллетристическом (в XIX веке российские журналы в отделе беллетристики печатали прозу и поэзию), библиографическом^[9].

Еврейская литература на русском языке развивалась в социокультурных рамках русской литературы и переняла многие ее особенности, в том числе более значимое по сравнению с европейской литературой тех лет место публицистики в литературной системе. Рассматривая деятельность еврейских издательств в Петербурге и Одессе на рубеже веков, современный исследователь В. Кельнер отмечает, что эти издательства почти не публиковали художественной литературы^[10].

При слабом развитии политических и общественных институтов в царской России публицистика играла значительную роль в общественной жизни, пытаясь разрешить насущные социальные проблемы. К тому же, как указывал А.М. Скабичевский, первостепенное значение публицистики в русском литературном процессе второй половины XIX века было задано эстетическими установками критики – от Чернышевского до Писарева^[11].

Влияние русской прессы на принципы изложения материала в русско-еврейской печати было отмечено журналистами польских еврейских изданий 1900–х годов, стремившихся избегать литературности и просветительства. Когда в Варшаве в начале XX века возникли еврейские газеты на идише, предназначенные для массового еврейского читателя, они ориентировались на польскую прессу и вступили в противоречие с «интеллигентской» – литературной и просветительской традицией русско-еврейской периодики: «В странах, где интеллигенция не вчерашнего дня, где у нее выработана прочная привычка к книге (да сама эта книга есть в изобилии по всем отраслям), где газета не роскошь, а привычка для широких масс, она не смешивает себя ни с литературой, ни с наукой, ни с проповедью. Она живет партией, улицей, днем. Для более серьезных запросов литературы, общественности – журнал, специальное издание, брошюра, книга. Газета стала “свободной”. Это обычное капиталистическое предприятие. И это ни у кого не вызывает ни удивления, ни гнева»^[12].

Критик «Восхода» М.Н. Лазарев в этапной статье «Задачи и значение русско-еврейской беллетристики» анализирует и систематизирует художественную прозу ведущих русско-еврейских писателей. Определение, данное Лазаревым русско-еврейской литературе: «литература еврейская, но на русском языке и по русским образцам»^[13], относится и к его статье, где он использует схемы русской народнической критики. Подобный подход характерен для критика «Отечественных записок» и «Вестника Европы» 1870–1880–х годов А.М. Скабичевского и составляет основной структурный принцип его «Истории русской литературы».

Разделив русско-еврейскую беллетристику на два направления – народническо-бытовую и тенденциозную, М. Лазарев характеризует ее, исходя из отношения писателя и его литературных героев к положению русского еврейства в разные периоды – конец 1850–х – начало 1860–х годов, 1860–1870–е годы, начало 1880–х годов. В пару к повестям О. Рабиновича из «Картин прошлого», за неимением подходящего произведения русско-еврейской литературы, поставлен роман «Отцы и дети» Ш. Абрамовича (Менделе Мойхер-Сфорим), в переложении с языка идиш; с «Записками еврея» Г. Богрова сопоставляется «Горячее время» Л. Леванды, с «Ханукой» Бен-Ами – «Разные течения» С. Ярошевского.

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ VI.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Цыль Григорьевичъ Орманскій. Биографическій очеркъ	...
II. Къ врандлуудей ститъ.	А. Л.
III. Еврейское племя въ соціальныхъ европейскихъ искусства	В. В. Стасова.
IV. Римское Гетто. Цыль воспоминанія Я. Кастелара. Петра Вейсберга.	
V. Исторія пшлечей.	И. Г. Брицкаго.
VI. Евреи въ средніе вѣка съ точки зрѣнія торговой политики	В. Ротера.
VII. Коробочный сборъ	М. Г. Моргулис.
VIII. Мордахай Иерусалимъ	Г. И. Гогрица.
IX. Взглядъ на врандлуудейское положеніе евреевъ въ Россіи и за границей.	Л. З. С—скій.
X. Значеніе евреевъ въ дѣлѣ сохраненія и возрожденія наукъ	М. I. Шейдса.
XI. Вещь надписи. Разказъ.	К. Э. Франкоза.
XII. Дѣла испуаснія. Разказъ.	К. Э. Франкоза.
XIII. Карлъ Физль Франкоза	А. Л.
XIV. Наши домашніе дѣла. Писемно пѣть съисроизиднаго бранъ	IV.
XV. Христіане въ замѣту евреевъ.	Л. Л.
XVI. Памятникъ П. Г. Орманскому	В. В. Стасова.
XVII. Замѣтки.	А. Л.
XVIII. Index. Библиографическое сообщеніе	А. И. Гаркана.

При этомъ томѣ предлагается портретъ и факсимиле покойнаго И. Г. Орманскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

Уже в начальной стадии формирования русско-еврейской литературы критик отметил условный характер ее отделения от русской литературы, вызванный «уродливым развитием русского еврейства». Лазарев подчеркивает как существенную особенность русско-еврейской прозы ее непреднамеренную тенденциозность. По мнению критика, стремление писателей защитить евреев от читательской предубежденности придает русско-еврейской художественной литературе «болезненную страстность тона», мешает отнести ее к русской литературе и предопределяет «нехудожественность» русско-еврейской беллетристики. Но причины, неблагоприятные для прозы, благотворно влияют на развитие лирической поэзии. Еврей, в силу исключительности своего положения, склонен скорее жаловаться, чем наблюдать; излить свои негодующие чувства в лирическом произведении, чем холодно и спокойно изложить свои наблюдения в назидание потомству, поэтому в русско-еврейской беллетристике лирическая поэзия (назван С.Г. Фруг) значительно опередила эпическую.

Вывод М. Лазарева о неспособности русско-еврейской литературы «возвыситься до художественного» в начале XX века был подхвачен писателями, ратовавшими за развитие еврейской литературы на языках народа – иврите и идише.

Эстетические установки М. Лазарева изживались тенденциями натурализма и символизма, исключавшими «спокойную бесстрастность» даже в бытописательских сюжетах, как, например, у известного прозаика и драматурга Семена Юшкевича, печатавшего произведения еврейской тематики в общерусских дореволюционных изданиях. Но критик метко определил регионально-этнографический характер литературной ниши, которую должна занять русско-еврейская беллетристика, когда она войдет составной частью в русскую художественную литературу.

Наиболее значительный вклад в оформление русско-еврейской литературы как одной из трех ветвей еврейской литературы в России внесли критические статьи С.М. Дубнова в «Восходе», где с 1883 по 1895 год он вел отделы критики и библиографии. Значимость этих отделов определялась тем, что в русско-еврейском журнале поддерживалась традиция русской публицистической критики – не ограничиваясь анализом и оценкой рецензируемых книг, критик вступал в полемику с автором и отстаивал собственные взгляды на затронутые в книге проблемы. Другая существенная особенность критического отдела в «Восходе» состояла в том, что он был зеркалом еврейской литературы, выходявшей в России и за границей на различных языках. За годы редакторства А. Ландау в отделах «Литературная летопись» и «Библиография» «Восхода» напечатаны критико-библиографические отзывы на 612 книг, изданных на русском, иврите (45%), идише, немецком и других языках.

Семен Дубнов не только рецензировал книги и высказывал свои взгляды по затронутым в них вопросам, он придавал большое значение литературному процессу, освещая развитие и функционирование еврейской литературы в России. В своих статьях, написанных в форме критических обзоров с элементами теоретических построений, критик характеризует еврейскую литературу на разных языках как одну из национальных литератур мира.

В рецензии на книгу немецко-еврейского ученого Г. Карпелеса «История еврейской литературы» С. Дубнов, вслед за автором, определяет ее отличия от других национальных литератур – разноязычие (термин «еврейская литература» вовсе не подразумевает письменности на еврейском языке), видовую недифференцированность (история еврейской литературы рассматривает все виды еврейской письменности: религию, философию, поэзию, науку, – словом, все отрасли мысли составляют содержание этой истории); древность и непрерывность развития^[14].

В статье «О жаргонной литературе» С. Дубнов связывает этапы еврейского Просвещения (Хаскалы) с развитием еврейской литературы в России на трех языках. Определив содержание и сферы влияния двух ветвей этой литературы, на иврите и на русском языке, критик, преодолевая идеологический канон Хаскалы – пренебрежение к языку идиш, признает особое значение литературы на идише, призванной помочь просвещению еврейской народной массы.

Здесь Дубнов указывает на те характеристики, которые принимались во внимание в последующих классификациях^[15], – время возникновения русско-еврейской литературы, ее виды и жанры, основные задачи, ведущие авторы: «Отвечая на насущные требования изменившейся жизни, возникла русско-еврейская литература, или, точнее, еврейская литература на русском языке (в 60–х годах).

Как продукт более зрелой эпохи, эта новая отрасль нашей литературы отличалась большей серьезностью и многосторонностью задач, нежели предшествовавшая ей литература на древнееврейском языке. В числе ее задач была <...> борьба за правовую эмансипацию евреев и публицистика по внешним политическим вопросам. В этой области, да еще по части беллетристики и науки она выдвинула таких солидных представителей, как Рабинович, Оршанский, Леванда, Богров, Гаркави, не считая молодых писателей, начавших свою деятельность лишь в настоящее десятилетие»^[16].

Следует сказать, что Осип Рабинович и Илья Оршанский не считали себя русско-еврейскими писателями, так как подобных определений не существовало при их жизни. Рабинович печатал свою прозу еврейской тематики в общерусских литературных журналах и воспринимался критиками как русский писатель. В источниках разных лет зафиксированы различные подходы к проблеме идентификации национальной литературы: «субъективная рефлексия автора (“я создаю национальную литературу”) и взгляд литературоведа (это относится к данной национальной литературе, а это нет)»^[17].

Энциклопедическая фиксация термина «русско-еврейская литература» происходит в конце XIX – начале XX века, статьи с таким названием помещены в Энциклопедическом словаре Брокгауза, в Большой энциклопедии, в Еврейской энциклопедии.

Современная нормативно-справочная характеристика русско-еврейской литературы дана в Краткой еврейской энциклопедии конца XX века (автор статьи Шимон Маркиш)^[18].

В классификации израильского ученого Йеуды Слуцкого история русско-еврейской прессы (где печатались тексты всех разделов русско-еврейской литературы: публицистика, беллетристика – проза и поэзия, наука о еврействе – иудаика – и еврейская история) разбита на три периода.

1–й период: с 1860-го по 1899-й, начинается выходом в Одессе первых органов русских евреев «Рассвет» (1860–1861), «Сион» (1861–1862), «День» (1869–1871); продолжается издательской и публицистической деятельностью А. Ландау в Петербурге – ежегодники «Еврейская библиотека» (1871–1880), ежемесячный журнал «Восход» (с января 1881-го) с еженедельным приложением «Недельная хроника “Восхода”». К этому периоду относятся и выходившие в Петербурге русско-еврейские еженедельники «Русский еврей» (1879–1884) и второй «Рассвет» (1879–1883), который характеризуется

исследователем как выразитель национального пробуждения в среде образованной еврейской молодежи.

2-й период: с 1899-го по 1917-й, начинается переходом «Восхода» от А. Ландау к новой редакции и выпуском еженедельника «Будущность» (1899–1904). По характеристике Слуцкого, в этот период происходит партийная дифференциация русско-еврейской прессы: сионистское движение основывает ряд русско-еврейских изданий, среди которых ведущим является ежемесячник «Еврейская жизнь» (1904–1906) – с 1907 года выходит еженедельник «Рассвет» (третий); антисионистская группа, защищавшая принципы сближения с русской культурой и устройства еврейской жизни в галуте, связана с изданиями «Новый восход» (с января 1910-го), «Еврейская неделя» (1910) и др. Выходили также партийные издания Бунда на русском языке «Вестник Бунда» (1904) и др. В этот период развивается научная русско-еврейская периодика – ежеквартальные сборники «Еврейская старина» (с 1909-го) под редакцией С. Дубнова и др.

3-й период: 1920-е – 1930-е годы, период упадка и угасания русско-еврейской журналистики. В 1920-х годах в России еще выходят некоторые русско-еврейские издания, последнее из них – «Трибуна», ежемесячник общества ОЗЕТ – закрылось в 1937 году. В те же годы за пределами Советского Союза выходит «Рассвет» (четвертый) – сначала в Берлине, затем в Париже (до 1934-го); региональные русско-еврейские издания выходили в Маньчжурии, Китае, в странах Балтии. Все эти издания, отмечает Слуцкий, также принадлежат к периоду угасания русско-еврейской журналистики^[19].

Приведенная классификация Йеуды Слуцкого отражает реальное существование русско-еврейской литературы, функционально связанной с печатными органами русских евреев. С их закрытием русско-еврейская литература сходит на нет, становясь на исходе XX века предметом исследований и отвлеченных построений.

^[1] Левинсон Й. Атлет веры: кровавые сюжеты и сюжеты вымышленные // Вестник Еврейского университета. М. – Иерусалим, 2003. № 8 (26). С. 155.

^[2] Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 15.

^[3] Лилиенблом М. Умственные потребности русских евреев в связи с их материальными нуждами // Рассвет. 8 ноября 1879. № 9.

^[4] Без подписи. Необходимость создания русско-еврейской литературы // Рассвет. 1879. № 9.

^[5] [Л.Пинскер]. Для кого существуют русско-еврейские органы? (По поводу письма г. Минора) // Русский еврей. 1880. № 1, 2.

^[6] Рабинович О.А. Сочинения. Изд. Одесского общества «Труд». СПб., 1880. Т. I. С. I.

^[7] Гершон-бен-Гершон [Г. Лифшиц]. Пионер русско-еврейской литературы // Рассвет. 1880. № 36, 38, 41.

^[8] О прозе О.А. Рабиновича см.: Маркиш Ш. Осип Рабинович // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1 (5). С. 145–146; № 2 (6). С. 106–139, 153–160.

^[9] Гершон-бен-Гершон. Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. Том VIII. Издание А.Е. Ландау. СПб. 1880 // Рассвет. 1880. № 19.

^[10] Кельнер В. Книжное дело в контексте русско-еврейской культуры на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 3 (16). С. 131, 134.

^[11] Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы: 1848–1908 гг. СПб., 1909. С. 97–98.

^[12] Мечтатель. Литературные заметки. Еврейская печать / Так называемая «желтая пресса» // Рассвет. 1909. № 6.

^[13] Лазарев М.Н. Литературная летопись. Задачи и значение русско-еврейской беллетристики. (Критический эскиз) // Восход. 1885. № 5, 6.

^[14] Критикус. Общий взгляд на историю еврейской литературы // Восход. 1886. № 9.

^[15] См. об этом: Львов-Рогачевский В. Русско-еврейская литература. М., 1922.

^[16] Критикус. О жаргонной литературе вообще и некоторых новейших ее произведениях в частности // Восход. 1888. № 10.

^[17] См. об этом: Кобринский А. К вопросу о критериях понятия «русско-еврейская литература» // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1 (5). С. 101.

525–552. [\[18\]](#) Русско-еврейская литература // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1994. Т. VII. С.

[\[19\]](#) Слуцкий И. Еврейско-русская журналистика в 19 веке. Иерусалим, 1970. С. 11–12 (н

ХУДОЖНИК КАПЛАН И ПИСАТЕЛЬ ЭРЕНБУРГ

(по страницам переписки)

Борис Фрезинский

На рубеже 1953–1954 годов, когда гигантская советская империя вползла в новую эпоху, названную Ильей Эренбургом «оттепелью», ленинградский график Анатолий Каплан почувствовал, что, пожалуй, уже можно, не опасаясь серьезных неприятностей для работы и жизни, вернуться к еврейской теме. Он вернулся – и обрел мировое имя.

Анатолий Каплан.

Родившийся в 1902 году в черте оседлости (Рогачев Могилевской губернии), Анатолий (Танхум) Львович Каплан впитал в себя традиции и быт местечка и, приехав учиться в Ленинград, увиденного и пережитого в детстве никогда не забывал.

Первый и заслуженный успех Каплану принес выполненный им сразу после войны цикл литографий «Ленинград в блокаде» (1946). Но впереди ожидали страшные

времена, и в 1950 году художник устроился работать на завод художественного стекла (эта ниша решала не только вопрос пропитания семьи, но, в известном смысле, и ее безопасности)... Когда же время немного отпустило и диктатор умер, в стране потеплело, и Каплан снова занялся графикой, еврейскими сюжетами. Конечно, приглушенный страх все еще им владел. Каплан жил в коммунальной квартире и, рисуя, прихлопывал ватман к двери, открывавшейся вовнутрь комнаты: если заглядывают соседи, содержания рисунков им не видно... Так рождались дивные серии литографий по мотивам прозы Шолом-Алейхема.

К концу 1957 года Каплан, при всей его поразительной скромности, ощутил высокое значение своих новых работ. Чтобы добиться тиражирования листов с еврейской тематикой, требовалась мощная поддержка. Ждать помощи от предельно косного и трусливо-враждебного Союза художников было бессмысленно. Новые работы Каплана имели несомненную литературную основу, но и на поддержку писателей, измученных не только блокадой, но и безжалостными сталинскими зачистками последующих лет, рассчитывать не приходилось. В поисках помощи Каплан отправился с новыми литографиями в Москву.

Расчет был прост: если московские художники, способные оценить и поддержать его работы, находились, как правило, в опале, то среди неопальных московских писателей с именем найти тех, кого не оттолкнет графика на сюжеты Шолом-Алейхема, было реально.

17 декабря 1957 года Анатолий Львович Каплан показывал свои литографии Самуилу Яковлевичу Маршаку (до войны Маршак жил в Ленинграде, и Каплан, подрабатывавший тогда книжной графикой, возможно, был с ним знаком). Маршаку литографии Каплана понравились; он подарил ему очередное издание своих переводов из Бернса, а в следующем году написал статью «“Заколдованный портной”, сюита Анатолия Каплана» и передал ее художнику (она так до сих пор и не опубликована). В последующие годы, приезжая в Москву, Каплан иногда навещал Самуила Яковлевича, дарил ему новые работы. Маршак охотно показывал их московским знакомым (так, в 1959 году у него работы Каплана увидел превосходный график и давний автор «Литгазеты» Н.В. Кузьмин, и Маршак предложил ему написать о Каплане – Кузьмин сделал это с удовольствием, но газета печатать статью отказалась).

Зная дальнейшую судьбу Каплана, следует, однако, признать, что во время его декабрьской поездки 1957 года наиболее значимая для него встреча состоялась 19 декабря, когда со свертком литографий он явился к Илье Григорьевичу Эренбургу.

В кругах подлинной интеллигенции (особенно еврейской) Эренбург имел в ту пору непререкаемый авторитет писателя, любящего и понимающего пластические искусства. Еще в годы парижской юности он подружился с художниками, прославившими XX век, – Пикассо, Модильяни, Риверой, Леже, Сутиным, Шагалом, Цадкиным, Липшицем. Позже в число его добрых знакомых вошли Матисс и Марке. Его друзьями были и большие отечественные мастера Лисицкий, Фальк, Кончаловский, Альтман, Сарьян, Тышлер, С. Лебедева, Осмеркин... Их работы висели у Эренбурга дома (в Москве и на даче в Новом Иерусалиме) – при любой погоде в области советской художественной политики (даже в 1949 году, в пору людоедской борьбы с «низкопоклонством перед Западом», когда Фадеев в узком кругу пошутил, назвав квартиру Эренбурга «последним форпостом формализма в СССР»).

Судьба Эренбурга сложилась так, что и в сталинскую и в послесталинскую пору он имел возможность по делам общественным постоянно ездить на Запад и поддерживать дружеские контакты с деятелями культуры многих стран. Пожалуй, другого такого писателя в СССР не было. Как президент общества «СССР – Франция» Эренбург в определенной мере влиял на культурную политику, и если в пределах СССР его возможности все-таки были минимальны, то за рубежом через своих друзей, левых западных интеллектуалов, он мог влиять на переводы советских книг, организацию выставок, показы спектаклей и кинофильмов.

Обращаясь к Эренбургу, Каплан несомненно учитывал и его вкусы, и его возможности. Не знаю, была ли известна художнику давняя ассимилянтская позиция писателя, но что Эренбург – едва ли не самый решительный в СССР борец с антисемитизмом, Каплан знал безусловно (наиболее отчетливо личная позиция писателя по еврейскому вопросу была сформулирована им чуть позже, в день его семидесятилетия, в выступлении по всесоюзному радио: «Покуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду с гордостью отвечать на вопрос о национальности – “еврей”»^[1]).

Тематика каплановских литографий сама по себе не гарантировала восторга Эренбурга, иное дело – их художественное качество.

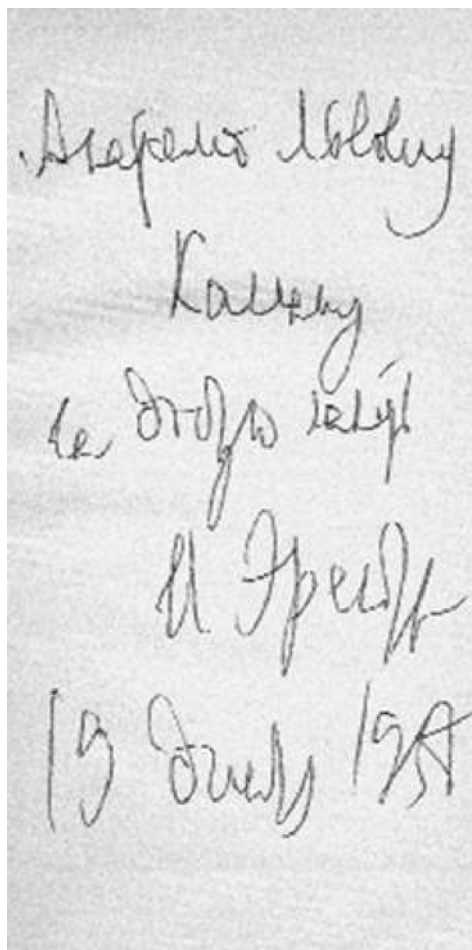
У себя дома писатель впервые увидел не только художника Каплана, но и его литографии. Они его восхитили, как и Л.М. Козинцеву-Эренбург – художницу, ученицу Экстер, Родченко и Фалька, неизменно боготворившую Пикассо. Литографии были автором немедленно и щедро подарены, а Эренбург, в свою очередь, выдал Анатолию Львовичу тоненькое первое издание своей знаковой повести «Оттепель» (М., 1954), написав на нем: «Анатолию Львовичу Каплану на добрую память. И. Эренбург. 19 декабря 1957».

Допускаю, что разговор о выставках и тиражировании работ Каплана возник уже в ту, первую, встречу. Значимость советов человека, неплохо понимавшего механизм осуществления советской культурной политики и умевшего ее использовать вопреки ее же тайным целям, художник смог оценить очень скоро. О возможностях (в большей степени – невозможностях) Каплана в СССР Эренбург, полагаю, говорил напрямую, предложив официально, через советские культурные каналы, выставляться на Западе – путь, который и привел Каплана к международному успеху (а вместе с тем и к некоторой известности в СССР).

Каплан-художник был, мне кажется, неизмеримо интересней Каплана-человека, и это определило характер взаимоотношений с ним Эренбурга: работы художника вызывали восторг и желание ему помочь, а близкого человеческого общения не сложилось.

Вернувшись в Питер, Каплан отправил Эренбургам свое первое письмо. Оно написано с характерной для него провинциально-еврейской интонацией, смущенно и неловко; в его робости читается безусловное почтение к адресату и затаенная надежда на помощь. В оценке людей творчества Эренбург неизменно исходил из достоинств их работы, а не из человеческих черт (в том числе – слабостей и недостатков). Поэтому его ответ Каплану внимателен и доброжелателен – хотя, разумеется, лапидарен. Дело не в какой-то природной сухости, а исключительно в немыслимом объеме его почты. Большинство корреспондентов были совершенно незнакомые люди, но Эренбург (пусть и с помощью секретаря) отвечал всем. Стиль переписки Каплана с Эренбургом установился сразу и навсегда. Каплан сообщал о своих художнических планах и новых работах (для

его биографов это надежный источник полезной информации), присылал или привозил их в подарок и деликатно просил помощи либо совета по части выпуска изданий и организации выставок (задавать Эренбургу «лишние» вопросы о его работе и т. д. он себе не позволял, хотя о прочитанном в новых эренбургских книгах всегда сообщал); Эренбург (сам или через секретаря) отвечал благодарностью на подарки, давал – и всегда по существу – запрашиваемые советы, если было нужно – писал Каплану сам, не дожидаясь его сообщений, а когда считал это реально осуществимым, оказывал необходимое содействие. Если из писем Каплана читатель узнает о ходе и результатах работы художника, о его планах и надеждах, то в ответах Эренбурга искать информацию о его литературной или общественной деятельности не приходится: темой переписки неизменно оставалась именно работа Каплана.

Анастасия Ивановна
Каплану
в дорогу
И. Эренбург
19 июля 1957

Автограф И. Эренбурга на издании его повести «Оттепель».

Эпистолярный дуэт Каплан–Эренбург вписан в контекст эпохи «оттепели»; ее специфика и обстоятельства определяют тон переписки никак не меньше, нежели индивидуальные особенности адресатов.

Теперь – собственно переписка^[2].

30 декабря 1957 года

Дорогие Любовь Михайловна и Илья Григорьевич!

*Поздравляю Вас с новым годом и желаю Вам много счастья, добра и здоровья.
Особенно – много здоровья.*

Я очень рад, что побывал у Вас, показал свои литографии к Шолом-Алейхему¹³ и посмотрел очень хорошие вещи, которые висят у Вас на стене.

И если я еще буду знать, что мои работы в какой-то мере Вам понравились, буду больше рад и еще лучше и много работать.

Дорогой Илья Григорьевич, если у Вас окажется полчаса свободного времени, пожалуйста, напишите мне отзыв о работах, которые показывал Вам, потому что для нас, художников, очень важно и дорого Ваше мнение.

Желаю Вам всего хорошего.

Будьте здоровы и счастливы.

Уважающий Вас художник

Каплан Анатолий Львович.

Ленинград Д – 187, ул. Чайковского, д. 8, кв. 11.

4 января 1958 года

Дорогой Анатолий Львович,

спасибо за память, в свою очередь желаю Вам мирного и радостного года.

Хочу еще раз поблагодарить Вас за Ваши прекрасные литографии к рассказу Шолом-Алейхема. Я их показывал многим друзьям и все разделяют наше восхищение. Ваши работы вдохновенны, пластически прекрасны и выражают душу Шолом-Алейхема.

Я хочу застеклить несколько литографий и повесить их у себя в комнате, чтобы они были постоянно у меня перед глазами¹⁴.

Любовь Михайловна и я, мы оба счастливы, что увидели Ваши работы. Желаю Вам сил и здоровья.

Ваш И. Эренбург.

Это письмо Эренбурга давало Каплану в руки документ, говоривший определенному кругу влиятельных людей о безусловном признании работ художника высокоавторитетным писателем и общественным деятелем. В двух следующих письмах Каплана ощущается попытка это признание использовать:

20 января 1958 года

Глубокоуважаемый Илья Григорьевич!

Альбом автолитографий «Заколдованный портной» печатается в Ленинграде вручную, с оригинальных камней в количестве 500 экз.

В настоящее время литографские камни пришли в такое состояние, что дальнейшая печать будет вовсе прекращена.

По мнению многих, эта работа нуждается в издании в несколько уменьшенном формате, при тираже 30–40 тысяч экземпляров по офсету.

Я знаю Ваше отношение к этому произведению и обращаюсь к Вам с убедительной просьбой помочь своим высоким авторитетом для того, чтобы эта работа была издана в одном из центральных издательств.

Офсетная фабрика в Ленинграде берется выполнить эту работу отлично и в короткий срок, но нужен издатель.

Может быть, комитет по проведению юбилея Шолом-Алейхема сделает это?

Привезу оригиналы (42 листа) по первому требованию.

Глубоко уважающий Вас А. Каплан.

17 мая 1958 года

Дорогой Илья Григорьевич!

Прошу прощения, что без Вашего разрешения отправил Вам бандероль. Там листы по поводу романа Шолом-Алейхема «Тевье молочник» и некоторые листы к сказке «Козочка»¹⁵.

Очень бы хотелось знать, как сильно Вы меня поругаете за эти работы. Ваше письмо от 4 января обязывает меня больше и лучше работать, а я хорошо пока ничего не сделал.

Альбом «Заколдованный портной» издан в количестве 200 экз. и распродан. Напечатали его ручным способом с оригинальных камней чисто, хорошо и на приличной бумаге. Всего в папке 26 листов.

Краткое содержание повести, предисловие и теперь на листах на русском языке послал Вам.

Сотрудники междун<ародной> книги в Москве показывали альбом в Минист<ерстве> культуры и ЦК партии и получили одобрение на продажу его за границей. Если будут заявки, то возможно напечатают еще несколько экземпляров, а то зашлифуют камни.

Очень бы хотелось к юбилею Ш<олом>-Алейхема (март 1959 г.) напечатать эту работу тиражом, дешевым изданием с текстом, вроде книги. Об этом <я> просил Моск<овский> Гослитиздат. Отказ мотивируют тем, что в прошлом году издали эту повесть массовым тиражом.

Дорогой Илья Григорьевич! Скажите пожалуйста, нельзя ли через общество «Франция – СССР» устроить выставку автолитографий: 40 листов «Заколдованный портной», 16 листов сказки и листов 20 «Рогачев», «Прошлое» или листов 25 пейзажей Ленинграда?

Желаю Вам и Любовь Михайловне здоровья, добра и счастья.

Ваш А. Каплан.

Р. С. Если для Ваших друзей понадобится несколько экземпляров альбома, то издательство немедленно вышлет по цене 260 р. экз.

На майское письмо Эренбург ответил не сразу – он зачастую отсутствовал в Москве:

Москва, 13 июня 1958 года

Дорогой Анатолий Львович!

Вернувшись из командировки, нашел Ваши рисунки. Сердечно Вам за них благодарен. Они очень понравились нам, а также многим иностранным гостям, которым я их показывал. Вопрос о выставке сейчас нереален, но, когда будут возможны какие-либо подобные выставки, к этому вопросу можно будет вернуться.

От души желаю Вам дальнейших успехов в работе.

Ваш И. Эренбург.

Ответ может показаться формальной отпиской, но делать невозможное Эренбург не умел, а, человек внимательный, он не упускал реального случая сделать все возможное, и в этом мы еще убедимся.

Каплан писал Эренбургу нечасто – обычно по завершении нового цикла работы (при этом он тут же присылал или привозил свежие литографии); письма его отличает повышенная деликатность:

2 декабря 1958 года

Дорогой Илья Григорьевич!

Посылаю Вам 12 автолитографий по поводу двух глав Шолом-Алейхема «Тевье молочник» (это не иллюстрации).

Не знаю, какие листы из них лучше и что хуже, поэтому прошу Вас негодные литографии, с Вашей точки зрения, – уничтожить. Когда у Вас будет досуг, напишите, пожалуйста, несколько слов, какие листы Вам более или менее понравились.

У нас в залах Русского музея открылась всесоюзная выставка эстампов. Там много литографий, гравюр и офортов.

Участвую десятью работами.

В настоящее время работаю к выставке «Советская Россия» на тему «Революцион<ный> Ленинград». Рисую с натуры места, связанные с этой темой.

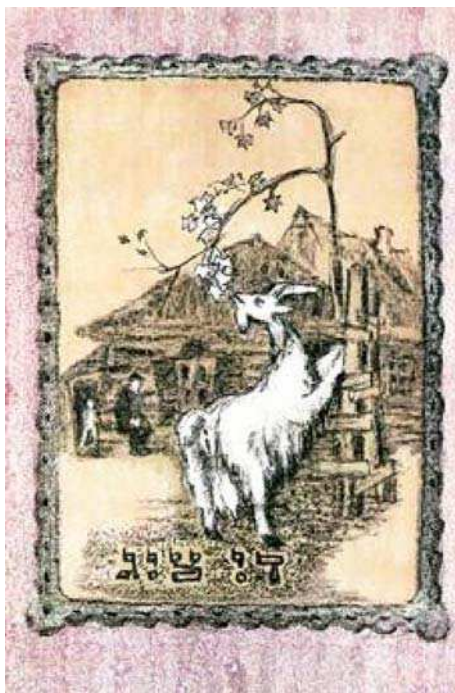
Дорогой Илья Григорьевич! В начале марта 59 года исполняется сто лет со дня рождения Шолом-Алейхема. Не считаете ли возможным написать об этом статью или несколько слов о моих работах, сделанных по поводу его произведений?

От всего сердца желаю Вам здоровья и много лет бодрой жизни.

Ваш А. Каплан.

Сердечный привет Любови Михайловне.

P. S. Прошу прощения, что посылаю листы, не спросив Вас об этом.

Фрагмент цветной литографии из альбома

«Заколдованный портной».

Письмо и бандероль на сей раз застали Эренбурга дома:

Москва, 8 декабря 1958 года

Дорогой Анатолий Львович!

Ваши рисунки доставили мне огромное наслаждение, я от души Вам за них признателен.

Что касается юбилея Шолом-Алейхема, с моей стороны будет сделано все, что в моих возможностях, которые однако не очень велики.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш И. Эренбург.

Привет от Любови Михайловны.

За пределами сохранившейся переписки остается важное для Каплана событие, к которому Эренбург имел прямое отношение – отправка альбома «Заколдованный портной» в Париж, где французам его вручил В.С. Володин, приставленный к обществу «СССР – Франция» (в отличие от президента общества Ильи Эренбурга он был всего лишь чиновником, но все реальные решения без него не утверждались).

Следующее письмо Эренбурга не было ответным: оно написано потому, что писатель считал полученную им информацию важной для художника и имел к ней прямое отношение как один из вице-президентов Всемирного совета мира.

Москва, 30 декабря 1958 года

Дорогой Анатолий Львович!

Могу сообщить Вам, что по линии Всемирного совета мира решено отметить в международном масштабе столетие со дня рождения Шолом-Алейхема в 1959 году.

Пользуюсь случаем, чтобы пожелать Вам счастливого года.

Ваши И. Эренбург.

Каплан надеялся, что решение Всемирного Совета мира широко отметить юбилей Шолом-Алейхема будет воспринято в СССР как руководство к действию, но Эренбург особых иллюзий на сей счет не питал:

Москва, 6 февраля 1959 года

Дорогой Анатолий Львович!

Я получил Ваше письмо, но боюсь, что не могу помочь Вам. Отметить юбилей Шолом-Алейхема было предложено исполкомом Всемирного совета мира. Я не знаю, как будет отмечаться юбилей у нас и ничего не слыхал о создании юбилейного комитета.

Может быть, Вам следует обратиться в Гослитиздат с предложением издать Ваши литографии-иллюстрации к рассказам Шолом-Алейхема? Все иностранные друзья, которым я показывал Ваши работы, очень высоко их оценивают.

От души желаю Вам удачи

Ваши И. Эренбург.

Официально юбилей Шолом-Алейхема в СССР праздновали скромно: торжественное заседание провели не в Большом театре, как полагалось по традиции круглых юбилеев классиков, а в небольшом зале московского Литмузея, и никакое начальство его своим присутствием не почтило. Судя по тому, что открывал его и вел Эренбург, он и проявлял в том деле главную активность (выступали несколько старичков, еще заставших еврейского классика живым, и чудом не расстрелянный замечательный поэт С. Галкин). Одно только стало заметным событием – распоряжение издать Собрание

сочинений Шолом-Алейхема в шести томах (без «Кровавой шутки»!) вполне приличным даже по тогдашним временам тиражом в 225 тысяч... Но иллюстрированных изданий, на что надеялся Каплан, выпускать не стали.

До осени, когда Каплан написал следующее письмо Эренбургу, его литографии экспонировались на выставке к 100-летию Шолом-Алейхема в Нью-Йорке (где похоронен писатель), их собирались показать на аналогичной выставке ЮНЕСКО в Париже. Искусство Каплана начало приоткрываться миру, и начало этому было положено именно в московском доме Эренбурга, где с работами ленинградского художника знакомилась масса влиятельных иностранцев.

«Возмущение». Фрагмент литографии к «Тевье-молочнику».

Ленинград, 4 ноября 1959 года

Дорогой и любимый Илья Григорьевич!

Не один раз садился к столу, чтобы написать Вам. Письма выходили малосодержательные, и я их не отправлял Вам. В данном случае воспользуюсь, чтобы поздравить Вас и многоуважаемую Любовь Михайловну с наступающим праздником и, главное, пожелать Вам много-много хорошего, здоровья и счастья. Быть очень здоровым особенно необходимо, дорогой Илья Григорьевич!

По многу раз читаем и перечитываем Ваши прекрасные статьи. Жаль, что нигде нет в продаже Вашей книги об искусстве, выпущенной 1 1/2 – 2 года назад¹⁶¹.

Новых работ у меня не много, потому что уничтожил большую часть рисунков. Плохо выходит.

Есть листы, выполненные темперой, они, возможно, понравятся Вам. Буду в Москве, охотно поделюсь.

Альбом «Заколдованный портной» издан вторично, 500 экземпляров.

В некоторых странах положительно писали об этой работе. Мечтаю порадовать Вас новой удачной работой, но пока не получается.

Желаю Вам столько доброго, сколько могу пожелать себе и своей семье.

Ваш Каплан.

Короткий, но не формальный ответ Эренбурга таков:

Москва, 3 декабря 1959 года

Дорогой Анатолий Львович!

Спасибо Вам за поздравления и добрые пожелания. Мы Вас помним и Ваши работы я часто показываю моим советским и зарубежным друзьям.

Буду рад видеть Вас, когда будете в Москве.

Ваш И. Эренбург.

Окончание следует

^[1] И. Эренбург. Собр. соч. в 8 томах М., 1996. Т. 6. С. 313.

^[2] Письма Каплана приводятся по подлинникам из архива Эренбурга: РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1651. Письма Эренбурга печатаются по фотокопиям, любезно переданным, наряду с несколькими автографами писателя Каплану, моим (теперь уже американским) другом А.М. Щедринским. – Б. Ф. Все письма публикуются с сохранением пунктуации оригиналов. – Ред.

^[3] Цикл цветных литографий «Заколдованный портной», тиражированный в 1957–1958 годах Ленинградским отделением Художественного фонда СССР.

^[4] На даче в Новом Иерусалиме, где Эренбург главным образом и работал, в его кабинете застекленные литографии Каплана действительно были повешены; кроме того, он дарил их самым близким друзьям (например, Лизлотте Мэр).

^[5] Циклы литографий «Тевье-молочник» (черно-белые) и «Козочка» (цветные) были выпущены тиражами 125 экземпляров издательством «Художник РСФСР» в 1961 году. В 1967-м книга Шолом-Алейхема «Тевье-молочник» в оформлении и с иллюстрациями А.Л. Каплана была массовым тиражом отпечатана по-немецки в ГДР. В СССР в оформлении и с иллюстрациями Каплана том прозы Шолом-Алейхема издан в серии «Библиотека мировой литературы» (М., 1969; тираж 200 тыс. экз.).

^[6] Видимо, речь идет о книге: И. Эренбург. Французские тетради. М., 1958.

ГРУЗИНСКАЯ ВОЙНА ДЛЯ ИЗРАИЛЯ

Éáíí èä Dääçè õí áííéé

Прошедшая российско-грузинская война ярко показывает, какое особое положение в мире занимает Израиль.

В самом деле: Грузия не требовала от России ничего. Грузия пыталась бороться со своими сепаратистами, которым покровительствовала Россия, – бороться теми же методами, какими Россия боролась со своими сепаратистами в 1990-х и в 2000-м годах. Но в действительности российское общественное мнение вступилось даже не за сепаратистов, а за «честь России»: как «какая-то Грузия» смеет открыто не слушаться Россию, ругать Россию и т. д.

Что же – по этой «русской логике чести» – должен был бы делать Израиль с государством, которое еженедельно отрицает его право на существование или просто обещает «стереть его с лица земли»?

А с другой стороны, представьте себе, что Саакашвили начинает работы в области «атомной энергетики». Как на это будет реагировать Россия?! Между тем та же самая Россия полна достаточно искреннего негодования: как это Израиль смеет угрожать Ирану по поводу его «мирной атомной программы»?

Да, что позволено России, то в голову не придет Израилю, а что разрешено Ирану, то немислимо для Грузии.

Но мало того. Теперь сравним Израиль с Грузией.

Грузия нападает с установками «Град» на сепаратистский анклав, гибнут не то сотни мирных жителей, не то полторы тысячи.

Почему? Разве Южная Осетия – какая бы она ни была – угрожает уничтожить Грузию? Разве Абхазия и Осетия отрицают право Грузии на существование? Разве они посылают шахидов внутри Грузии убивать женщин и детей? Ничего подобного. Они всего-то требуют признания своей независимости.

В ответ Грузия обстреливает их из «Града», а мировое сообщество, во главе с США, по мере сил защищает Грузию!

Между тем Израиль а) охотно признает все права Палестинской автономии и только и мечтает от нее отделаться, б) причем Израиль фактически содержит эту самую расчудесную автономию и в) в благодарность получает шахидов к себе в дом!

Но Израиль и при этом не ведет, не думает себя вести как Грузия – он долго мнется и отвечает лишь одиночными убийствами особо отмороженных вождей террористов. И только когда мера терпения уже переполнена, Израиль начинает боевые действия. Разумеется, не «Градами», а «умными бомбами», да еще и предупреждая палестинцев – «отойдите, сейчас бомба упадет».

В результате мировое сообщество яростно проклинает Израиль, а благородные британские университеты все время порываются устроить ему темную – полноценный научный бойкот!

Да, что позволено Грузии, то в голову не придет Израилю, а что разрешено палестинцам, то невысказано для Южной Осетии и Абхазии.

Наконец, в ходе войны грузинская армия просто разбежалась при появлении русских войск.

Я не стану обсуждать такую деликатную тему, как особенности национального характера, – в любом народе есть трусы и храбрецы. Но дело не только в том, что израильская армия, конечно же, гораздо сильнее, чем грузинская. У ЦАХАЛ просто нет выбора: грузинская армия могла фактически капитулировать, полагаясь а) на то, что мировое сообщество остановит русскую армию, и б) на то, что если даже русские не остановятся, они, в конце концов, уж точно не будут заниматься ни геноцидом грузинского народа, ни уничтожением грузинского государства. В конечном счете это – война «с ограничениями».

У евреев такой возможности нет. Арабские армии, палестинцы, Иран и т. д. – если бы им представилась такая возможность – занялись бы именно геноцидом, уничтожением государства, стиранием Израиля с лица земли.

Да, у грузин при поражении страдает самолюбие – евреи были бы просто перебиты.

Но эту маленькую разницу между Израилем и любой другой страной человечество странным образом «не замечает».

Теперь несколько слов о последствиях этой «чужой войны» для Израиля.

Последствия неприятные.

Самый очевидный результат войны: раскол между Россией и Западом резко углубился. А это значит: углубился раскол между Россией и Израилем (как частью Запада), но зато неизбежно «сближение против Запада» между Россией и Ираном.

Таким образом, Россия теперь «из принципа» будет еще больше блокировать любые попытки обуздать Иран – при том, кстати, что Иран ни звуком не выразил

солидарности с Россией в этой войне. Нет, Россия и Иран никогда и ни в чем не будут симпатизировать друг другу – но их объединяет общая ненависть к США.

Дальше: значительно теснее станут отношения России с Сирией – что тоже едва ли приведет Израиль в восторг.

В общем, Израиль кровно заинтересован в том, чтобы Россия не стала СССР-2 – ядерной державой, которая покровительствует всем террористам мира.

Но, к сожалению, не от Израиля зависит, восстановятся отношения России с Западом или нет.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КРАСОТЫ

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Продолжение диалога, начатого в книге «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем».

– Откуда вы взяли, что Далила была хороша собой? Уж во всяком случае не из текста.

– *А как же иначе! Отчего тогда Самсон потерял голову?*

– Вы меня удивляете. Притягательность женщины совсем не обязательно связана с красотой. Самсон был простой еврейский парень, она такая филистимская штучка, и этого было ему довольно. Его вообще тянуло на филистимлянок. Ему говорили: послушай, что ты в ней нашел? что в ней такого особенного? тебе что, мало еврейских девушек? Но он смотрел в другую сторону, в конце концов для него это плохо кончилось. Есть такой сорт мужчин, для которых важно, что перед ними женщина, а уж хороша она или нет – дело десятое. Самсон был как раз таким.

– *У Федора Павловича Карамазова имелась на сей счет интересная теория, и сам он был из этой породы.*

– И Петр Первый.

– *Петр Первый? Вот уж Петра от вас не ожидал. А Йезавель? Она-то была хороша?*

– Где вы это прочли? О ее внешности вообще ничего неизвестно, но она была великая царица и сильная личность, вроде вашей Екатерины Второй. Смерть она встретила и мужественно, и красиво¹¹, но душа ее была поражена злом, нравственная сфера вообще для нее не существовала. Йегу, отдавший приказ о ее убийстве, – тоже живописный персонаж: выглядит скорей уж героем Шекспира, нежели Библии.

– Хорошо, относительно Йезавель и Далилы – это мои фантазии. А есть персонажи, о которых известно, что они были красивы?

– В Талмуде говорится, что Ривка была необыкновенно хороша собой. Правда, рядом с Сарой она казалась бы дурнушкой. Что касается Сары, то рядом с Евой она выглядела бы просто обезьяной.

– Стало быть, идеал красоты перемещается в рай, и со временем образцы становятся все бледнее. Что ждет наших внушек?

– Они будут неплохо смотреться рядом с правнучками. В Библии и в Талмуде говорится об очень красивых людях. Причем не только о женщинах, но и о мужчинах. Давид был красив и Йосеф. Красота рабби Йоханана бар Напфаха сравнивается с сиянием только что вышедшего из плавильной печи серебряного кубка, наполненного зернами граната, обложенного розами и поставленного на границе света и тени.

– Изысканный образ. Здесь эстетическое и этическое счастливо совпадают.

– Единство добра и красоты – это такой золотой сон, монистическая мечта человечества: чтобы все было, как до первого греха. Да только так бывает крайне редко, и в этом есть глубокий смысл. Представьте себе, что красота всегда добра, а зло безобразно. Конец свободы. Кто бы в таком случае избрал зло?

– Ну почему же, не скажите: всегда найдутся люди с нестандартной эстетической ориентацией. Да и потом не зря же мы начали разговор с Самсона, которого Далила, как выясняется, прельстила не красотой, а какими-то иными своими качествами – я бы очень удивился, если нравственными или интеллектуальными. Рабби Йеошуа бен Хананья считал, что красота – помеха мудрости.

– Для рабби Йеошуа проблема соотношения красоты и мудрости не была академической. Он был человеком редкостного ума, но, в отличие от рабби Йоханана, невероятно уродлив, просто из ряда вон, и это обстоятельство не могло не влиять на его размышления о красоте. Высказывание, которое вы привели, – ответ на адресованный ему вопрос, почему сосуд мудрости столь вызывающе безобразен. Рабби Йеошуа считает, что лучшего и не придумать: вино хранят в глиняном сосуде – в золотом и серебряном оно скиснет.

– То, что вы назвали золотым сном и монистической мечтой, отражает глубокую потребность в гармонии. Достоевский вздыхал: кабы красота добра была! Кабы!

– Гармония, как всем хорошо известно, в наличном мире сплошь и рядом отсутствует. Красота глубоко амбивалентна. Это тема Бодлера, тема Уайльда.

– Один из выводов, к которому подводит читателя «Портрет Дориана Грея», состоит в том, что «на самом деле» зло безобразно.

– Это «на самом деле» обнажается только после смерти героя – при жизни он был внешне прекрасен. Красота, связанная со злом, – проблема не только нравственного порядка: самые красивые грибы – ядовитые. Об опасности красоты, о ее возможной разделенности с добром говорится уже в самом начале Библии, причем в предельно острой форме: Дерево познания прельщает Еву, помимо всего прочего, и эстетически – оно

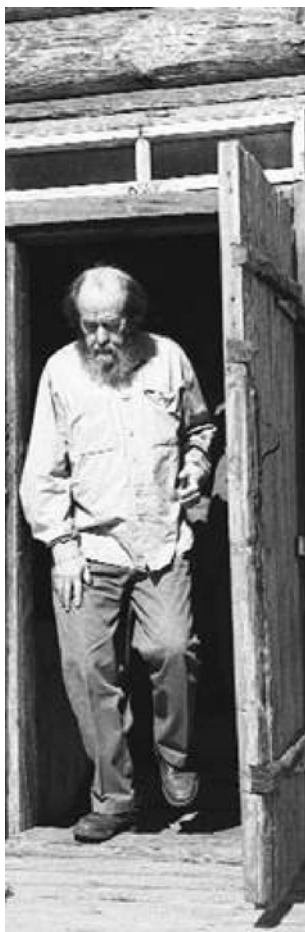
«улада для глаз». В Талмуде существуют разные подходы к красоте. С одной стороны, есть трезвое осознание, что красота может быть связана со злом. С другой стороны, она может рассматриваться и как самостоятельная ценность. Однажды красота женщины так поразила рабби Гамлиэля, что он произнес благословение, которое обычно произносится раз в году во время цветения деревьев. Это благословение содержит благодарность за красоту, которую создал Всевышний. Кстати, женщина была нееврейка.

^Ш Царица Йезавель, гонительница пророков, в ожидании убийц, которых вел совершивший военный переворот Йегу, «подвела глаза и украсила голову» (Царей II, 9:30). Царствование Йегу отмечено массовыми убийствами.

90 ЛЕТ ВМЕСТЕ

Ėāī ēā Ėāōēī

Уход из жизни 90-летнего Александра Солженицына вызвал, естественно, шквал откликов, в основном, учитывая печальное событие, почтительных. Прозвучали даже слова о том, что начало XX века ознаменовалось уходом Толстого, а начало века XXI – уходом Солженицына. Если же что-то стыдливо замалчивается или называется под сурдинку, то это известное сочинение «200 лет вместе». Сказано о нем достаточно, в том числе и нами. И оно не стало бы поводом к этим заметкам. Однако это полумолчание, полусмущение в узком вопросе совмещается с другим общим обстоятельством – постоянными сравнениями масштаба фигуры покойного со Львом Толстым. И именно это сочетание наводит на размышления, связанные со смертью Толстого, с реакцией на нее тогдашней еврейской печати. И так же как Солженицын продолжил русскую литературную традицию, по-видимому, неизбежно продолжение параллельной ей русско-еврейской традиции прощания с классиками.

Вот что писал на эту тему в «Новом восходе» 1910 года Аркадий Горнфельд: «Непосредственно Лев Толстой не сделал для евреев почти ничего или ровно ничего, если сопоставить то, что он сделал, с тем, что мог сделать. Если бы мы должны были ценить в Льве Толстом поборника еврейского равноправия, то мы спокойно могли бы сказать, что в его лице русское еврейство потеряло немного.

Чувствовалось, да и сам он говорил, что еврейский вопрос для него один из многих, нуждающихся в решении, но более чем второстепенных. Евреев это всегда волновало. Если вспомнить даже не тот величественный пафос, который охватывал Толстого, например, при мысли о страданиях русских сектантов или о практике телесных наказаний, даже не те огненные слова, которые он находил, чтобы бросить их в лицо насильникам всех сортов, если вспомнить лишь то тихое внимание, которое встречали в нем муки бессловесных животных, для жестокой забавы избиваемых человеком, и тут же припомнить, что этого внимания оказалось недостаточно, чтобы сказать в защиту своих еврейских сограждан свое прямое, решительное, могучее слово, то, естественно, становится обидно».

Обидно было на протяжении всей жизни Солженицына и тем многочисленным еврейским интеллектуалам, писателям, историкам и собеседникам, которые готовы были пойти на все, чтобы помочь своему кумиру. А вот насколько Солженицын умел быть за это благодарным, рассказал в общем-то далекий от национально мыслящего еврейства Ефим Эткинд в интервью Рикардо Сан-Висенте, говоря о книге «Бодался теленок с дубом»:

«Это было, наверное, в семьдесят седьмом-восьмом году. С тех пор он порвал и с Копелевым, и со всеми. Особенно с евреями.

– Хотя он постоянно говорит, что у него нет никаких антиеврейских, антисемитских побуждений.

– Во-первых, есть, а во-вторых, прочтите в одиннадцатом или двенадцатом номере “Нового мира”: он рассказывает о том, как Прицкер, мой друг, водил его по Таврическому дворцу. Я договорился с Прицкером, привез к нему Солженицына, и Прицкер, профессор Высшей партийной школы в Таврическом дворце, показал ему Таврический дворец. Это Солженицыну нужно было для романа, потому что там происходило заседание Государственной думы. И он пишет так: “Не удивительно ли, что русский писатель, который пишет о русской истории, должен был пользоваться помощью двух евреев?!” <...> Ну вот я все это прочел, и, вы знаете, ничего худого тут не сказано. Действительно русский писатель, действительно два еврея... Но я, оказывается, был для него евреем! Он для меня никогда не был русским. Он был для меня моим другом Александром Солженицыным <...> Я ведь тоже русский писатель или русский литератор. Это ж поразительно».

Эта картинка явственно демонстрирует то, как Солженицын использовал окружающих его евреев, как умел мягко и неназойливо отделять себя от любого типа евреев из своего окружения: и либералов-интернационалистов, и выкрестов, и антропософов, и лагерников-собеседников, чьи мысли раскавыченно включены в «Архипелаг ГУЛАГ». Сегодня эта книга снабжается списком собеседников Солженицына, однако в 1970-х все это наследие оказалось сосредоточено вокруг одного имени. И с этим сделать уже ничего нельзя, даже если расставить в будущем академическом издании все сноски.

Солженицын писал «200 лет вместе», зная еврейство лишь на примерах своего окружения. Именно чуждое ему либерально-еврейское, денационализированное отношение к миру «русских литераторов», (которое и Солженицына-то числили русским только по языку, а так – своим другом) и сбрасывал с себя русский писатель, мыслитель и идеолог. Себя-то он по праву считал русским далеко не только по языку.

И вот теперь даже поэтесса Юнна Мориц, после «200 лет», вдруг написала:

*Евреи России сошли с ума, / От счастья, что расступилась тьма, / И
солженицынские тома / Они размножали невероятно, / В диких количествах... И –
бесплатно. //*

*Такого читателя больше нет. / И веки не будет у Солженицына. / А книга его
про двести лет / Русских с евреями – ох грешна... //*

*Да простит ему Б-г / Этот подлог, / Этот выгодный бред, / Где Огромный
Секрет – / Что такого читателя / Больше нет / И веки не будет!..*

И лишь единицы, такие, как Шимон Маркиш, сумели преодолеть романтический морок 1960-х. Уже прочтя «200 лет вместе», он написал: «Оставляя в стороне концепцию русской революции как стопроцентно чуждой русскому народу и навязанной ему бандою инородцев, в первую голову и по преимуществу евреев, взгляды в главаря банды, еврея Парвуса, опять-таки как в художественный образ, выражающий определенную авторскую позицию. Образ этот чудовищен, и каждая его черточка, каждая деталь, буквально каждая восходит к той же юдофобской мифологеме еврея. От тошнотворного “болотного дыхания”, варианта “еврейского смрада”, пресловутого foetor judaicus, до предательства и злопамятной мстительности. По-моему, нет во всей русской литературе более яркого и страшного примера “сатанизации” еврея, чем солженицынский Парвус. На этом фоне, рассуждал я больше четверти века назад, и надо рассматривать альтернативу, которую предлагал Солженицын российским евреям в “Августе Четырнадцатого”: пусть каждый решит для себя и твердо держится своего решения – либо сказать России “я – твой, а ты – моя” и “включиться в терпеливый процесс истории”, либо, если нет, можно разрушать ее, можно бросить на произвол судьбы. Позволю себе процитировать себя же: “Сказать „моя“ – куда как просто, но услышать в ответ “да, твоя” оказалось невозможным. Никому и ни от кого. Ни созидателям, ни разрушителям. Ни от монархистов, ни от либералов; ни от большевиков, ни от эмигрантов. И в будущем взаимности не предвидится. Все равно ведь мы чужие, чужой крови, и чужую эту кровь нам помянут из любого лагеря».

Это и есть ответ на недоумения друга Маркиша, Ефима Эткинда.

Когда меня спросил один из старых «новомирцев», нельзя ли увидеть в «200 годах вместе» что-то положительное, я однозначно ответил: нет. Теперь же можно сказать иначе: провальная книга Солженицына породила целый новый вид «еврейского текста» – ответы Солженицыну. Сегодня можно со всей уверенностью сказать: такого еврейства Солженицын никогда не видел и себе не представлял.

Главная же ошибка писателя состояла в том, что решить заведомо мессианский русско-еврейский или христиано-иудейский спор он решил методами плоского исторического позитивизма. То, что это именно так, подтверждает открытое письмо ко мне Н.Д. Солженицыной после статьи в «Независимой газете», где сочинение Солженицына было мной оценено с использованием выражения «антисемитская мысль». Жена писателя удивленно написала, что если все евреи думают так, как я, то идея писателя о примирении двух народов нереализуема. Действительно, набором общих мест из «Еврейских энциклопедий» такие вопросы не решаются.

Да и «ответ» писателя мне, правда далеко не прямой, был более чем характерен для Солженицына. В главке о Булгакове «Из литературной коллекции» он высказал мне

претензию за переиздание в спецномере «Литературного обозрения» 1991 года старой антибулгаковской пьески, разумеется не упомянув, что рядом находится и статья, где этот текст разбирается. Да и действительно, не ради же литературоведческого спора писал все это Академик РАН. Ему было важнее в сотый раз напомнить статьи критиков-евреев с демонстративно раскрытыми в скобках псевдонимами. Поэтому, даже похвалив кое-что из этого номера, писатель не заметил имени одного из составителей. В общем, ситуация та же, что и со «сносками» в «200 годах вместе». Даже в поздних «Двухчастных рассказах» не дают ему покоя эти критики-псевдонимщики. Однако это уже слишком сильное снижение образа автора рассказов. Сделаем, традиционно для евреев, вид, что мы ничего не заметили и что позорная сталинская дискуссия о псевдонимах мне не известна.

И закончим вновь Толстым, о котором в 1910-м писал Аркадий Горнфельд: «Все это – именно с еврейской точки зрения – страшно бедно, когда думаешь о том громадном действии на умы, которое производил Лев Толстой и которое есть необходимый шаг в освобождении еврейства».

Советская «тьма» и для евреев «расступилась» не без участия Солженицына и его еврейских помощников и почитателей. А вот сказать, что для евреев Солженицын сделал мало, невозможно. Два его закатных тома о двухстах годах оказались остальных томов премного тяжелей. И с этим сделать уже ничего нельзя.

КАВКАЗСКАЯ ПЛЕННИЦА

Áíðēñ Ēēēí, обозреватель газеты «Известия» специально для «Лехаима»

Конфликт России с Грузией скажется не только на отношениях с Европой и Америкой, экономике и обороне. О далеко идущих последствиях «пятидневной войны» в религиозной сфере, а стало быть, и в национальной сегодня мало кто задумывается. А ведь, несмотря на победу российских войск, ничего хорошего именно в этих областях ожидать не следует.

Под бомбежками и артобстрелами погребен миф о единстве православных народов. Таким образом, по престижу православия нанесен серьезный удар. Должно ли это беспокоить евреев? Да, должно. Между Русской православной церковью и Федерацией еврейских общин России ведется интенсивный диалог. Идет он не всегда гладко. Относительно преподавания религиозных знаний в школах есть серьезные разногласия, но это тема отдельного разговора. Сегодня важно другое. Русская православная церковь последовательно выступает против антисемитизма. И не только на словах, хотя и само по себе это важно, но и принимает вполне конкретные меры. В частности, Священный Синод запрещает торговать в церковных лавках антисемитскими газетами. Наблюдая за деятельностью псевдоправославных радикальных группировок, нельзя не заметить, что в своих нападках на иерархов Церкви во главу угла они ставят именно ненависть к евреям и поиск мифических еврейских корней русских архиереев. Даже называют их «архиевреями»...

Учитывая и эту специфическую проблему, надо отдавать себе отчет: при отсутствии внятной государственной идеологии положение крупнейшей Церкви не может быть безразлично всем, кто живет в России. Особенно на фоне антисемитских заявлений лидеров Совета муфтиев России. Весной 2008 года ФЕОР даже приостанавливала отношения с этой религиозной организацией. И, вопреки ожиданиям, их авторы так и не ушли в отставку. Более того, говорят: и не надейтесь.

На этом, пожалуй, вводную часть можно завершить.

Итак, много лет мы слышали о единстве православных народов. Именно этим единством объясняли российские политики необходимость поддержки Сербии в ее борьбе за территориальную целостность и контроль над Косово. Возникла целая теория западного заговора против мирового православия. Она и служила объяснением возвращения российской политической элиты к антизападной риторике. Как говорится, два мира – два Шапира. Только до 1985-го один «Шапиро» был советским, коммунистическим, а другой капиталистическим. Теперь новая линия разделения – религиозная. Ведь неудобно объяснять противостояние особенностями управления государством. А так вроде все сходится: у нас тут духовность растет, мы храмы строим, у них сплошной разврат, гей-парады и мэры-педерасты... Были, конечно, неувязочки. Скажем, отчего среди злодейского НАТО числится православная Греция? Но на это внимания не обращали.

Война с Грузией полностью изменила расклад. Назвать Грузию, где на 4 млн жителей православных храмов больше, чем в Москве на 10 млн, неправославной язык не поворачивается. Московские пропагандисты по привычке попытались списать все на кровавый режим Саакашвили, а народ, мол, не при делах. Но тут Грузинская православная церковь выступила за территориальную целостность Грузии и в поддержку наведения грузинского конституционного порядка в «Цхинвальском регионе». Да еще и про Чечню напомнила. Призывы Московского Патриархата к мирному решению конфликта действия не возымели.

А ведь еще в июне, накануне визита Алексея II в Украину, ведущие российские политологи, вкуче с депутатами и федеральными телеканалами, уверяли, что только православие может уберечь нас от войны с Украиной. После войны с Грузией стало ясно: православие от войн с единоверцами не спасет. Политический престиж Московского Патриархата пострадал. Оказалось, его влияние на политиков, как российских, так и зарубежных, весьма ограничено.

После признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии положение РПЦ еще более осложнилось.

Формально, на территории новых государств живут православные. Но насколько глубока их вера – большой вопрос. Семнадцать лет назад они изгнали грузинских священников. В Абхазии создали самозваную епархию, в которой даже епископа нет (для православия это абсурд), а в Южной Осетии стала действовать раскольническая греческая группировка, не признанная ни одной православной Церковью. Так называемый «епископ Аланский (югоосетинский) Георгий» заявляет в интервью журналистам: «Мы кричим уже 20 лет, что Грузинская Патриархия – мать фашистской идеологии». В общем, декларируемой христианами братской любовью там не пахнет. На этом фоне активисты «политического православия» требуют от Московского Патриархата взять себе эти приходы. Тут к ним два вопроса. Один духовный и, в общем, может, даже наивный: вам «шашечки» или ехать? Зачем Московскому Патриархату люди, называющие себя православными, но переполненные злобой к своим соседям? Православные, презревшие каноны, изгнавшие своих священников и епископов и ушедшие в раскол? Ведь, согласно православному вероучению, грех раскола не искупается даже мученической кровью. Внятных ответов, естественно, нет. Но есть еще и организационный вопрос. Несмотря на независимость Абхазии и Южной Осетии, они остаются канонической территорией Грузинской православной церкви. Заместитель главы отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерей Всеволод

Чаплин, отвечая на вопрос о том, станут ли теперь Абхазия и Южная Осетия частью канонической территории Русской церкви, сказал: «Политические решения не определяют вопросы о церковных юрисдикциях и сферах пастырской ответственности. Эти вопросы должны решаться на каноническом поле в ходе диалога между двумя Церквями».

Но политическое давление-то на священноначалие растет. Можно, конечно, последовать примеру российских или американских властей, которые объявили, что в международном праве есть теперь только одно правило: правил больше нет. Но такой подход политиков-то не красит, а уж тем более религиозных лидеров. К тому же такое каноническое нарушение, скорее всего, будет иметь крайне неприятные последствия для РПЦ в Украине. Стоит только РПЦ подать пример нарушения принципа нерушимости канонической территории, как константинопольский патриарх Варфоломей может открыть в Киеве свою епархию. В этом случае РПЦ может потерять значительную часть вполне реальных украинских приходов, а взамен получить нищие, виртуальные структуры. В общем, РПЦ как общественный институт оказалась в положении цугцванга – ход делать надо, но любой из них несет ухудшение позиции.

Пользуясь этим, Совет муфтиев России развернул бурную деятельность на Кавказе. Муфтии выступили с призывом к исламским странам признать Абхазию и Южную Осетию. РПЦ пока таких заявлений не делала. Ее сдержанность понятна: разрыв отношений с Грузинской церковью нежелателен, а с другой стороны – опять никто не услышит. Трудно себе представить такое признание со стороны православных Греции, Румынии или Болгарии. А вот Иран или Ливия могут себе это позволить. И тогда российские муфтии объявят это успехом своей «народной дипломатии». И наберут очки среди граждан новых государств.

Совет муфтиев направил в Абхазию и Южную Осетию свою официальную делегацию, которая встретила с уже упомянутым раскольничьим «епископом Аланским». В рамках межрелигиозного диалога это было откровенной грубостью по отношению к РПЦ. На итоговой пресс-конференции в Москве руководитель делегации Абдул-Вахид Ниязов на вопрос, не опасается ли он осложнений в отношениях с РПЦ, ответил, что тонкости внутриправославных отношений его не интересуют. «Епископ Георгий – настоящий духовный лидер нации, сидящий по правую руку от президента Кокойты», – подчеркнул Ниязов. Ну и, разумеется, мусульмане России пообещали своим единоверцам в Южной Осетии помощь в налаживании духовной жизни.

В Абхазии давно уже действует представительство Совета муфтиев. И там же создано Духовное управление мусульман. Руководит им Абдель Габля, репатриант из Турции. Свыше 500 тыс. абхазов бежали туда и на Ближний Восток в XIX веке от русских войск. По словам заместителя абхазского муфтия Тимура Дзыбы, молодежь мечтает вернуться на родину. Тут следует отметить: уже принятый абхазский закон о гражданстве принципиально не отличается от израильского «Закона о возвращении». То есть любой абхаз, вернувшись на историческую родину, становится ее гражданином. Пока процесс репатриации шел не слишком активно. Тимур Дзыба считает, что возвращение сдерживалось неопределенным статусом республики. Теперь все может измениться.

Конечно, трудно представить, что все абхазы поедут в Абхазию. Ведь и евреи не все вернулись в Израиль. Однако сегодня Абхазия – это 100 тыс. человек. По словам Дзыбы, 35% из них мусульмане, а вот в диаспоре мусульман 80%. То есть если в Абхазию приедут еще 150 тысяч, религиозная карта изменится существенно. И политическая тоже.

В условиях религиозного разброда Абхазия и Южная Осетия могут быть исламизированы. Не сразу, не в один день. Однако если так случится, всевозможные оппозиционеры внутри РПЦ запишут поражение на счет нынешнего священноначалия. В Кремле тоже могут вменить иерархам в вину провал на Кавказе. Потому как совершенно не факт, что новые страны, получив из рук России независимость, будут хранить ей верность. Кто может быть уверен, не вспомнят ли абхазы о старых обидах? Тот же Тимур Дзыба сегодня говорит: целью сталинских репрессий 30-х годов был геноцид абхазов. С таким подходом к истории он вполне может найти общий язык с Виктором Ющенко и адептами голодомора как геноцида народа украинского. А там, глядишь, и общий враг найдется. Русские? Евреи? А вот Совет муфтиев России, если его проект окажется успешным, существенно укрепит свои позиции внутри России.

СМЕРТЬ АБУ-ДЖИХАДА

Î àdè Çàé:èé

Халиль аль-Вазир, или Абу-Джихад, был начальником оперативного отдела «Фатх» и правой рукой Ясира Арафата. Специалисты – израильские и иностранные – в один голос утверждают: операция по уничтожению Абу-Джихада не уступает операции «Весна юности» ни по дерзости, ни по безупречному исполнению.

Граффити с изображениями Ясира Арафата и Абу-Джихада.

Сведения относительно операции по ликвидации Абу-Джихада получены как из источников израильских, так и иностранных. Имеются в виду «Бамахане», Си-эн-эн, «Ле Монд», «Таймс», Эн-би-си и др. Помимо этого в арабской печати были опубликованы материалы следствия об убийстве, проведенного тунисской полицией.

В последнюю неделю февраля и в первых числах марта 1988 года в Израиле была получена достоверная информация о передвижении, проживании и ближайших планах Абу-Джихада в Тунисе.

На правительственном уровне было принято решение о проведении операции по ликвидации известного террориста.

«Никто того решения, шестнадцатилетней давности, не отменял», – сказал один из главных людей страны по получении доклада от «Моссада» и военной разведки. (Имелось в виду решение о физической ликвидации ответственных за убийство одиннадцати израильских спортсменов в Мюнхене.) Спецотдел разведки – «Малам», – разрабатывающий особые операции, собрал дополнительные данные о пребывании Абу-Джихада в Тунисе. Составили план дома, в котором он жил, собрали данные о членах семьи, их привычках, количестве телохранителей и их именах, типах оружия, находящегося в распоряжении охраны...

На встрече начальника Генштаба генерал-лейтенанта Дана Шомрона и некоторых членов кабинета министров было принято принципиальное решение: кто, где и когда разберется с матерым террористом, виновным в смерти многих людей.

Был построен дом, точная копия виллы Абу-Джихада, выставлены часовые, выправлены подъезды и вкопаны фонари. Все точно как в Тунисе.

Согласно иностранным источникам, группа морских командос (из «Отряда № 13») была высажена в Тунисе. В течение нескольких дней десантники собирали данные для подробнейшей карты предполагаемого места операции. Помимо этого была осуществлена аэрофотосъемка дома Абу-Джихада.

Осуществление операции поручалось разведке Генштаба, которой командовал тогда уроженец Хайфы Моше (Боги) Аялон. (В 2002 году Аялон был назначен начальником Генерального штаба израильской армии. В 2005 году оставил пост, по причинам, не связанным с профессиональной деятельностью.)

Опять-таки, согласно иностранным источникам, агенты «Моссада» смогли проникнуть в дом Абу-Джихада. Таким образом, был воспроизведен подробный план внутреннего устройства двухэтажной виллы. Каждый солдат из группы ликвидации знал, как устроен дом, наизусть.

Напомним, что руководство «Фатх» оставило Бейрут в августе 1982 года в результате давления израильской армии, проводившей операцию «Мир Галилее». Палестинцы перевели свой штаб в Тунис и, естественно, попали под пристальное внимание израильских спецслужб уже в этой североафриканской стране.

У израильтян были не только группы своих агентов в Тунисе, действовавшие под тем или иным прикрытием. Целая сеть завербованных агентов из местных граждан разных социальных групп работала на израильскую разведку. Одни из тунисцев служили «Моссаду» за деньги, другие делали это, не зная, кому и для какой цели служат. «Моссад» энергично пытался завербовать и агентов из числа боевых террористических групп палестинцев, но неизвестно, насколько удачными были эти попытки.

Несколько лет все телефонные разговоры Абу-Джихада прослушивались израильской разведкой.

Для участия в группе ликвидации столь высокопоставленного террориста были отобраны лучшие офицеры разведки Генштаба. Причем из-за особой важности и сложности предстоящей операции функции командира исполнителей и общего командира были разделены. На деле тот, кто должен был исполнить смертный приговор Абу-Джихаду, обязан был быть старшим офицером подразделения. Его именовали странной кличкой «Голосующий». Тогдашний командир подразделения разведки Генштаба тридцативосьмилетний Моше Аялон, человек с внешностью профессора, настоял на том, что должен быть лично среди солдат первой группы.

Дата покушения была назначена на ночь с 15 на 16 апреля 1988 года. За неделю до этой даты офицер подразделения, который должен был осуществить покушение, взял домой на выходной день пистолет с глушителем и упражнялся несколько часов в стрельбе по мишени из разных положений.

Еще несколько человек из ведущей (первой) группы были вооружены такими же пистолетами с глушителями. Помимо этого у всех были автоматы, гранаты, холодное оружие. Бойцы групп, одетые в легкие бронежилеты, были снабжены мини-микрофонами и наушниками для осуществления связи с прямым командиром, который вел операцию. Он находился на одном из судов в районе побережья.

В среду 13 апреля четыре судна ВМС в сопровождении подводной лодки вышли из базы в Хайфе и по курсу южнее Крита направились к берегам Туниса.

На одном из судов была оборудована операционная, на другом находился штаб, на третьем – два вертолета («Белл-206»), в задачу которых входило помогать солдатам в критических ситуациях. Врачи, обслуживавшие операционную, были призваны заблаговременно в качестве резервистов и приняли участие в генеральной репетиции, разыгранной в Израиле.

На одном из судов находились лодки «Зодиак», служившие бойцам морского десанта, известного в Израиле как «Шаетет 13» («Отряд № 13»). Во время высадки сначала морских десантников, а затем и разведчиков на тунисский берег в воздухе находилось звено боевых истребителей израильских ВВС, которые обеспечивали воздушное прикрытие.

В последний момент операция чуть было не сорвалась, так как служба сбора информации военной разведки перехватила 14 апреля срочную депешу «Фатх» из официальных французских источников, в которой говорилось, что «израильцы что-то готовят, и, возможно, в самое ближайшее время». Предупреждение носило общий характер, и, несмотря на серьезные сомнения у армейского командования, решено было операцию не отменять.

На берегу солдат разведки ждали три автомобиля, нанятых за день до этого агентами «Моссада» в трех разных компаниях по найму машин. Это были два минибуса «фольксваген»-транспортер и «пежо»-305. За все было заплачено вперед и наличными. Агенты выглядели богатыми туристами из арабских стран.

Любопытная деталь. Агенты, следившие за передвижением лидеров «Фатх» в Тунисе, сообщили в тот момент, когда солдаты-исполнители уже расселись по машинам, что руководство палестинского движения в эту ночь разошлось по своим домам. Сообщалось и о количестве охраны, патрульных полицейских машинах на улицах города, направлении отходных путей, а также другие подробности, необходимые для возможных действий.

Несколько наблюдательных пунктов вокруг дома Абу-Джихада в аристократическом районе города, организованные за много дней до операции, действовали постоянно. Они передавали подробнейшую информацию. Малейшее изменение обстановки, смена деталей, незаметная для обычного прохожего или соседа, фиксировались и сообщались в штаб операции.

Позже один из лидеров палестинцев рассказал журналистам, что в ночь проведения операции (15 апреля) в Газе был арестован родственник Абу-Джихада. Таким образом, телефонный звонок на виллу Абу-Джихада, который должен был установить, дома ли хозяин, был обманом. Таково мнение палестинцев, но это кажется игрой воображения, так как у руководства операцией были другие возможности для выяснения этого факта.

Суда остановились вне территориальных вод Туниса в ночь на 15 апреля. Служба слежения тунисских ВМС не «доставала» до израильских судов.

Четыре водолаза были отправлены на берег и уже оттуда передали сообщение: берег пуст и контролируется, машины с агентами за рулем ждут исполнителей.

Кодовое слово, посланное в штаб, послужило сигналом начала действий.

Пять резиновых лодок типа «Зодиак» спустили на воду, и двадцать бойцов разведки Генштаба были доставлены на берег. Наблюдатели за домом Абу-Джихада сообщили, что возвращение хозяина задерживается, но он позвонил и сообщил жене, что скоро будет. Интересно, что, по сообщениям иностранных источников, один из наблюдательных пунктов не только контролировал телефонные звонки в доме Абу-Джихада, но и фильтровал их, то есть одни звонки пропускал, другие нет. Наблюдателями контролировались также телефонные звонки в другие дома лидеров «Фатх», которые жили неподалеку.

Трое старших детей Абу-Джихада учились в США. Дома находились его жена Ум-Джихад и дети – шестнадцатилетняя Ханан и двухлетний Надаль.

Все спали, когда за полночь хозяин приехал домой. Его сопровождали двое телохранителей. Один прошел с Абу-Джихадом в дом, а второй остался снаружи, в машине у входа. Лучший телохранитель террориста в эту ночь взял отпуск.

Вот что спустя четыре года после покушения на Абу-Джихада рассказывала его жена Ум-Джихад, служившая высокопоставленной чиновницей в администрации Палестинской автономии.

Встреча гробов с телами одиннадцати атлетов, погибших при теракте в Мюнхене

5 сентября 1972 года.

«Когда Абу-Джихад вернулся, я спросила его, не хочет ли он пойти спать. Он ответил, что у него много работы, которую нужно сделать сегодня. Мой муж сидел за письменным столом в нашей комнате и писал рабочее письмо, в комнате спала также наша дочь Ханан. Потом она проснулась и о чем-то говорила с отцом, я не помню уже о чем, так как слушала их разговор невнимательно, что-то о кино, об Энтони Квине, который собирается сыграть Арафата. Или это должен был сделать его друг, я не помню... Потом она еще рассказала ему свой сон, как она встречает его в окрестностях Иерусалима

и Абу-Джихад говорит, что идет в город. “Как так, – спросила его Ханан, – ведь там полно израильских солдат?” И он ей ответил во сне, что приедет на белом коне в город.

После этого Абу-Джихад снял очки, повернулся к ней и сказал: “Да-да, Ханан, я иду в Иерусалим”. Они засмеялись, Ханан поцеловала его, пожелала доброй ночи и пошла спать в свою комнату. Потом, я помню, она вернулась и поцеловала его еще раз и еще раз, всего три раза. Что-то она чувствовала».

Через час примерно, в половине второго ночи, свет в комнате Абу-Джихада на первом этаже погас. Затем погас свет в спальне, дом заснул.

Солдаты высадились на тунисском берегу и расселись по ожидавшим их машинам. По прибрежному шоссе машины проехали до виллы, в которой проживал Абу-Джихад. Расстояние от места высадки солдат до цели, на вершине небольшого холма, составляло около пяти километров. Со времени высадки разведчиков на берег прошел час. В два часа ночи солдаты были у дома, выкрашенного в белый цвет, окруженного каменной оградой.

Они вышли из машин и разделились на четыре группы. Вторую группу задержало с исполнением поставленной перед ней задачи неожиданное препятствие – неизвестно откуда появившаяся собака, яростно лающая на солдат. Пес лаял до тех пор, пока командир группы не приказал «убрать» животное.

По свидетельству Ум-Джихад, каждый из солдат прикрывал лицо небольшой маской, похожей на те, которыми пользуются хирурги во время операций. Между 2 часами 30 минутами и 3 часами ночи был дан приказ о начале операции, которую осуществляли солдаты первой и второй групп. Две другие прикрывали атаку.

Двое солдат подошли к машине, в которой дремал охранник Абу-Джихада.

Один из подошедших был переодет женщиной и нес в руках коробку с конфетами. Он и выстрелил в голову телохранителя через боковое стекло из пистолета с глушителем.

Входная дверь в виллу была сделана из толстых досок, обитых сталью. Солдаты первой группы взломали дверь при помощи специального механического устройства, сделав это и быстро, и бесшумно. Солдаты второй группы тут же спустились вниз, в подвальное помещение, и уничтожили второго телохранителя Абу-Джихада. Оба телохранителя не успели воспользоваться личным оружием. В то же время в другом помещении виллы был уничтожен садовник Абу-Джихада, который тоже был вооружен и специально обучен.

Солдаты первой группы один за другим взбежали по ступенькам к комнате Абу-Джихада. Первым в этой группе был молодой израильский офицер, который должен был застрелить террориста.

По свидетельству Ум-Джихад, ее муж проснулся, услышав шум внизу, быстро подскочил к шкафу и достал пистолет. «Я спросила его: что случилось? Тут я услышала глухой вскрик человека и некое движение теней, наподобие того, как бегают люди по ступенькам. Я поняла, что происходит внизу, быстро сказала мужу “Верден, Верден” (именно на этой улице в Бейруте жили уничтоженные израильтянами в апреле 1973 года лидеры “Черного сентября” – операция “Весна юности”. – М. З.). Абу-Джихад ничего мне

не ответил. Он шагнул к двери с пистолетом в руке, я шла за ним. Потом я увидела людей с масками на лицах, видны были только глаза этих мужчин. Абу-Джихад оттолкнул меня в глубь комнаты. Один из израильтян шагнул к нему и молча выстрелил – Абу-Джихад тут же упал навзничь».

Иностранные источники свидетельствуют, что израильтянин (по некоторым данным, это был Амос Б. А.) опередил Абу-Джихада, выстрелив в него несколько раз. Офицер стрелял до тех пор, пока Абу-Джихад не упал. Ум-Джихад бросилась к мужу, обняла его. Другой израильтянин с силой отбросил женщину в сторону и поставил лицом к стене. После этого каждый из четырех покушавшихся выстрелил в террориста по очереди, уступая своему товарищу это право.

Ум-Джихад утверждает, что автоматы у израильтян светили сильными лучами. Потом в комнату поднялся еще один, пятый израильтянин и тоже несколько раз выстрелил в Абу-Джихада.

Тело убитого позже, когда израильтяне оставили это место, было осмотрено людьми «Фатх», и они обнаружили в нем около семидесяти (!) пулевых отверстий.

По свидетельству дочери Абу-Джихада Ханан, проснувшейся от шума и прибежавшей в комнату, она застала там четырех израильтян, трое из них были в масках, четвертый, вероятно командир, с незакрытым лицом. Девушка утверждает, что запомнила этого человека, цвет и выражение глаз, короткую стрижку, лицо, оттенки кожи. Женщины с криком побежали в спальню, где находился двухлетний Надаль, боясь, что его убьют по законам мести. Но ребенок находился в кровати и только плакал из-за того, что какой-то посторонний рылся в письменном столе его отца.

Вторая группа солдат обыскивала рабочий кабинет Абу-Джихада, из которого забрали все предметы, включая небольшой сейф – его, вероятно, не смогли открыть на месте, компьютер, папки с бумагами, телефонный автоответчик и прочее. По словам жены, солдаты разбили телефон, радиоприемник и сломали систему электронной охраны дома.

Жену и детей Абу-Джихада не тронули.

В иностранной печати было опубликовано сообщение, согласно которому вся операция в доме заняла тринадцать (!) секунд. Это не так. С момента первого контакта с телохранителем в машине на улице перед входом в дом и до того, как последний солдат оставил виллу убитого, прошло около пяти минут.

Последствия теракта в гостинице «Савой» в марте 1975 года.

Ум-Джихад выскочила на балкон и увидела, что солдаты собираются у ворот дома. «Я сосчитала их и дошла до цифры двадцать четыре. Потом начала кричать, чтобы кто-нибудь сделал что-либо, проследил их путь, но никто, абсолютно никто – я видела лица в окнах соседских домов – не открыл двери, никто не вышел на улицу – все боялись».

Участники операции вернулись на берег, который сторожили морские десантники. На лодках солдаты были возвращены на суда. Вместе с солдатами ушли и агенты наблюдения, и «шоферы» машин.

Результат этой операции: убиты Абу-Джихад и три его телохранителя (один из них в должности садовника). Среди покушавшихся потерь и раненых не было.

По сообщениям иностранной прессы, кто-то отправил тунисскую полицию телефонными сообщениями в противоположную сторону от того места, от которого отплыли в море лодки с солдатами и агентами.

Как только о происшедшем стало известно высокопоставленным правительственным чиновникам, авиации и ВМС Туниса был отдан приказ о прочесывании берегов и территориальных вод страны. Кроме брошенных на пустынном пляже автомобилей не нашли ничего. В территориальных водах тоже.

Израиль не взял на себя ответственности за уничтожение Абу-Джихада.

Тогдашний министр жилищного строительства Ариэль Шарон через два дня после событий публично дал высокую оценку действиям покушавшихся. Министр обороны Ицхак Рабин отказался ответить на вопросы журналистов, касавшиеся операции в Тунисе. Утверждают, что во время возвращения разведчиков в Израиль они получили приветственную и благодарственную телеграмму от главы правительства Ицхака Шамира. Но ни один журналист никогда не читал и не видел той телеграммы.

Когда через два дня (17 апреля) Шамира спросили о возможном участии Израиля в убийстве Абу-Джихада, он ответил: «Мне нечего сказать по этому поводу, я слышал обо всем по радио».

Последствия теракта с захватом автобуса на израильском побережье в марте 1978 года.

Абу-Джихад не был лирически настроенным мечтателем – пятнадцать лет он руководил всеми военными действиями «Фатх», нес прямую ответственность за десятки, сотни террористических актов, совершенных против Израиля и израильских граждан, в том числе: убийство одиннадцати спортсменов в Мюнхене, варварская атака в Нагарии, в ходе которой погибли четыре человека, маленькие дети двух и четырех лет, кровавая атака на гостиницу «Савой» в Тель-Авиве, итогом которой стали восемь погибших заложников и трое солдат, захват и убийство заложников в автобусе на берегу моря в марте 1978 года – погибло тридцать шесть человек и десятки ранены... Этот страшный список можно продолжить. Абу-Джихад был прямым командиром первой интифады, которая пылала в конце 80-х годов на улицах палестинских городов. Уничтожение этого человека не повлияло на размах и силу интифады – демократическое государство не всегда успешно справляется с партизанской и уличной борьбой принятыми полицейскими методами, особенно в современных условиях почти полной прозрачности действий для средств массовой информации.

Независимое государство может долго сдерживать военную мощь и умение, ограничиваясь угрозами в адрес противников и врагов. Но хотя бы иногда, в редкие часы гнева, необходимо показать всем, что за совершенные злодеяния преступники заплатят дорогую цену. Наказание и мщение придут неожиданно, страшно и неотвратимо.

«АЛЕКСАНДР ГЕЛЬМАН: Я СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК И МОЛОДОЙ ПОЭТ»

Аהאבא אהאבא אהאבא אהאבא אהאבא

25 октября 2008 года Александру Гельману, автору широко известных пьес, киносценариев, статей, публиковавшихся в центральной прессе, исполняется 75 лет. Начиная с выхода на экраны СССР фильма «Премия», на протяжении более трех десятилетий его слово оказывает влияние на самосознание нашего общества.

– Александр Исаакович, я хотел бы начать с довоенных времен. Помните ли вы что-то из тех лет?

– Помню... тридцать восьмой или тридцать девятый год, толпа людей на перроне нашей станции Дондюшаны встречает поезд, на котором король Карл с королевой Марией и королевичем Михаем объезжают свою Romania Mare – Великую Румынию. Папа посадил меня на плечи, и я видел всю венценосную троицу – они вышли на перрон, приняли приветствия, хлеб с солью, две минутки постояли, вернулись обратно, поезд тронулся. Больше ни разу я царственных особ не встречал. Но однажды встретился с человеком, который произвел на меня царственное впечатление, это был седьмой Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон. Встреча была короткой, произошла примерно года за три до его кончины у него дома в Нью-Йорке. Я был тогда народным депутатом СССР и ходатайствовал о возвращении любавичских книг, поэтому и был приглашен к Ребе, когда оказался по своим театральным делам в Нью-Йорке. «Надо им объяснить, – сказал Ребе, – что для верующих евреев эти книги так же священны, как для православных – иконы». Он говорил негромко, но голос его обладал явственной энергией,

ты его осязал. Его русский язык был весьма приличный, просто чувствовалось, что он редко на нем изъясняется. Мы вместе спустились вниз, его ждала машина, это был день, когда он посещал могилу своего предшественника, Йосефа-Ицхака Шнеерсона, которому и принадлежала конфискованная библиотека. К сожалению, книги эти до сих пор не возвращены...

– Во время войны вы около трех лет находись в гетто. Возможно ли, на ваш взгляд, повторение Холокоста?

– Из Бессарабии нас погнали через Днестр почти до Буга. Поместили в гетто – город Бершадь, Винницкая область. Из четырнадцати человек нашей семьи выжили двое – мой папа и я. Не хочу сейчас об этом рассказывать, я об этом написал в очерке «Детство и смерть». О Холокосте рассказано, показано, написано подробно и внушительно, но нельзя сказать, что это воспринято. В истории не было случая, когда бы возникла злоедеящая идея уничтожить всех людей одной национальности. Только по отношению к евреям возникла такая идея, и не только идея, но и весьма эффективные практические действия. Казалось, после такой жути антисемитизм больше невозможен. Ничего подобного, вполне возможен. Вот уже несколько лет президент Ирана во всеуслышание заявляет, что Холокост выдумка, что еврейское государство надо смести с лица земли. Его спокойно слушают, его принимают. Один Саркози, если не ошибаюсь, громко заявил, что руки ему не подаст. Антисемитизм бессмертен! Подлинной причиной этого бессмертия является равнодушие к юдофобии большинства не антисемитов. Невольно возникает вопрос: не является ли это равнодушие большинства своего рода скрытым, пассивным, ленивым антисемитизмом?

– Вы были профессиональным офицером, закончили военное училище. Что определило такой выбор?

– Когда я вернулся из гетто, мне было одиннадцать лет, а я не умел ни читать, ни писать. Поэтому пошел сразу во второй класс, потом в четвертый, в шестой, чтобы догнать свой возраст. С аттестатом за семь классов я поступил в Профтехшколу трикотажников в городе Черновцы. По окончании меня направили на Львовскую чулочную фабрику. Во Львове у меня появилась девушка, чтобы с ней не расставаться – приближался призыв в армию, – я поступил во Львовское военное училище имени Щорса. Правда, это мне не помогло: девушка, из-за которой я пошел в офицеры, вышла замуж за курсанта, окончившего это же училище годом раньше, чем я. А я в результате прослужил восемь лет – в Севастополе и на Камчатке – и уволился из армии в чине старшего лейтенанта в шестидесятом году, когда Хрущев стал сокращать армию. На Камчатке моими непосредственными начальниками были два еврея: сначала майор Урисман, потом майор Табакман. Первый был ретивый офицер, еврейского вопроса для него не существовало, второй, наоборот, зазывал меня в свой кабинет, и мы до позднего вечера обсуждали еврейские дела, ситуацию в Израиле, вспоминали местечки, из которых произошли, родителей, немного говорили на идише. На Камчатке появились мои первые публикации – рассказы, очерки.

– Когда вы занялись исключительно литературой?

– После армии года три проработал фрезеровщиком в Кишиневе. Мой товарищ по Камчатке к тому времени стал большим начальником на строительстве Киришского нефтеперерабатывающего завода под Ленинградом. Он меня позвал, я поехал. Так я расстался и с родной Молдовой, и с первой семьей. В Киришах на моих глазах построили первую очередь гигантского нефтезавода. Там я познакомился с моей женой Татьяной

Калецкой, переехал в Питер, несколько лет проработал в ленинградских газетах «Строительный рабочий» и «Смена». Жилось трудно, из трех комнат нашей квартиры две сдавали внаем. Прилично зарабатывать литературным трудом можно было только в кино. И мы с женой подали заявку на «Ленфильм». Заявку приняли, дали аванс, полторы тысячи. По тем временам серьезная сумма. Я сразу ушел с работы. Первый наш фильм – «Ночная смена», 1970 год. Следующий – «Ксения, любимая жена Федора». В 1973 году я написал сценарий к фильму «Премия». Картина не понравилась первому секретарю ленинградского обкома Романову. Председатель Госкино Ермаш показал картину на правительственной даче Косыгину, тот одобрил. Ермаш попросил позвонить Романову, Косыгин перепоручил своему помощнику, в результате цепочки этих событий фильм вышел. Резонанса, который он вызвал, я не ожидал. Кинотеатры, набитые зрителями, в середине картины раздавались аплодисменты. Один из редакторов «Ленфильма» показал сценарий Товстоногову, Товстоногов позвонил мне и сказал, что это – пьеса, он готов ставить ее, не меняя ни слова. Актер МХАТа Виктор Сергачев, снимавшийся в «Премии», показал сценарий Ефремову, Олег позвонил и сказал, что начинает репетиции. Короче говоря, благодаря этому тексту в шестьдесят страниц передо мной открылись двери двух замечательных театров, неожиданно я стал известным драматургом и сценаристом. Вскоре я переехал в Москву. Олег Ефремов поставил семь моих пьес. Эти пьесы шли и в других театрах, у нас и за границей. Две из них до сих пор меня кормят: «Наедине со всеми» и «Скамейка». Отчасти это связано с тем, что в каждой из них всего два персонажа: мужчина и женщина. Но надеюсь, это связано и с тем, что они неплохо написаны. «Скамейку» поставили в сорока четырех странах. Я рад, что эту пьесу сейчас играют в Израиле на иврите и по-русски замечательные артисты – Владимир Фридман и Елена Саханова. Володя Фридман в прошлом году получил высшую театральную награду Израиля за исполнение роли в этой пьесе.

– С чем связан особенный успех «Премии»? Ведь в середине семидесятых годов было немало фильмов и пьес на производственную тему?

– Я хорошо знал то, что называется «производством», – реальные конфликты, хитросплетения взаимоотношений, всю механику господствовавшего тогда застоя. Я хотел честно рассказать об этом. Но как в условиях цензуры это осуществить? Единственная возможность обмануть цензуру – сделать главным героем рабочего. Все время шли демагогические призывы отражать жизнь рабочего человека. И я решил сделать главным героем бригадира строительной бригады. Умного, толкового мужика, члена партии. Поступок он, правда, совершил несколько странный: его бригада отказалась от квартальной премии. Такие случаи редко, но бывали. Советская власть не любила, когда отказываются от ее наград. Отказ воспринимался как протест. Но мой герой готов был рассказать, почему отказались, – и не корреспонденту Би-би-си, а родному парткому. Премия была фальшивая – вроде бы свидетельствовала об успехах, а на самом деле прикрывала крупные просчеты, из-за которых основной заработок рабочих был очень низким. И вот собралась члена парткома – хитрые, тертые товарищи: ну, расскажи, расскажи, что ты там за глупость спорил. И тут мой бригадир, шаг за шагом, подробненько, на конкретных примерах и с каждым новым поворотом обсуждения все глубже, все убедительнее выложил все то, что хотел выложить я. Ну не все, конечно. Но почти все. Это заседание парткома показывало, что социалистический способ хозяйствования обречен на безалаберность, низкое качество, бессмысленные затраты сил и средств. Все зиждется на обмане, на приписках – снизу доверху. Сложные вещи были объяснены простыми словами, внятно, это был своего рода учебник политэкономии социализма для чайников. Мой маневр удался, цензуру удалось обойти. «Премия», показанная в театрах, в кино и по телевидению, многим прояснила, что происходило в обществе. Конечно, была и спекуляция со стороны властей, дескать, мы позволяем

откровенно говорить о недостатках, не боимся правды. Но, глядя из сегодняшнего дня, я уверенно могу сказать: пьеса принесла больше пользы обществу, чем тогдашней власти.

– Это было время жесткой идеологической цензуры. Как жилось писателю в этих условиях?

– Нет на свете более мерзкого явления, чем цензура. Именно она – не только цензура текстов, но цензура всей жизни, существовавшая при советской власти, – и погубила эту власть. Вот пьеса «Скамейка», – казалось бы, из-за чего ее запрещать? Мужчина и женщина, политики нет. Вычеркнули из плана театра. Ефремов звонит Демичеву: прошу вас, прочитайте пьесу. Демичев долго читал, наконец прочитал. Пригласил Ефремова, Ефремов взял меня с собой. Уже по тому, как Демичев придвинул к себе папку с текстом пьесы, я понял: ничего хорошего мы не услышим. «Олег Николаевич, ну что это такое? Мерзкий обманщик, жалкая проститутка, ничтожнейшие личности, зачем это МХАТу?!» – «Петр Нилович, я не хочу вас сейчас переубеждать. Но прошу об одном: разрешите поставить и показать вам». – «Но у меня тут замечания. Я передам заместителю, он с вами свяжется». Месяц передавались замечания. Наконец замминистра нас приглашает. Зам – полная противоположность шефу, сияет, как луна, приветливый: «Может, коньячку?» И обращается уже ко мне: «Александр Исаакович, вы знаете, как я ценю ваши пьесы. Но, поверьте мне, на этот раз не получилось. Какие-то мелкие людишки. И у большого мастера бывает брак...» Ефремов приготовил удар: «Вы знаете, я уже назначил артистов. Это Татьяна Доронина и Олег Табаков». – «Олег Николаевич, МХАТ этого ставить не будет! Я категорически против!» Когда мы вышли, я матерился минут десять. А Олег был спокоен. Он никогда не сдавался. В ситуациях, когда, казалось бы, уже ничего нельзя изменить, он находил выход. Он пригласил Таню Доронину и говорит: «Ты приходишь рано утром, без предварительной записи, в приемную Демичева, ждешь его. Он является: “Татьяна Васильевна!” – приглашает в кабинет. И ты – ему: “Петр Нилович, я очень хочу сыграть эту роль. Позвольте нам сыграть! Ради меня! Умоляю! Неужели вы думаете, что я хочу сыграть проститутку?!”» Ход королевой принес победу. Начались репетиции «Скамейки». А ведь порядок был такой: если МХАТу нельзя – никому нельзя, ни в стране, ни за границей. А если МХАТу можно, то и другим можно. Тут же в Питере в Малом драматическом «Скамейку» начал репетировать Женя Арье, кажется, это был чуть ли не первый его спектакль. Художественным руководителем постановки был Додин. Спектакль в Питере получился замечательный, он шел многие годы.

Сцена из спектакля «Протокол одного заседания» по пьесе А. Гельмана.

МХАТ. 1975 год.

– Вы стремились воздействовать на общество – у вас была надежда, что пьесы и киносценарии смогут изменить общую ситуацию?

– У Ефремова была политическая идея, которую оба мы разделяли. Олег был абсолютно уверен: в той стране, где мы жили, реальные перемены в сторону демократии, свободы могут начаться только сверху. Мы много об этом говорили. Эта была горькая, мрачная правда, но это была правда. Мы понимали, что перемены сверху будут ограниченными, непоследовательными, мы видели это наглядно на опыте хрущевской «оттепели». Но других путей не было. Ефремову и мне приходилось выслушивать упреки, нам говорили: на что вы надеетесь? Вы рассчитываете, что в этой партии найдутся люди, которые могут сделать что-то толковое? Где они? Кто они? Сколько их? Мы отвечали: а больше не на что надеяться... Ефремов хорошо знал советскую политическую элиту. Там были люди, которые в свое время помогали встать на ноги «Современнику», поддерживали Театр на Таганке. Порядочные люди во власти помогали осторожно, скрытно, нередко они не могли и отказывались помочь, но тем не менее, если бы их не было, в искусстве господствовала бы одна мертвечина. Был спектакль по моей пьесе «Обратная связь», по тем временам предельно острый. Его не принимали, секретарь ЦК Зимянин, министр Демичев даже смотреть отказались. Но нашелся человек, помощник Брежнева по международным вопросам, Андрей Александров-Агентов. Ефремов был с ним знаком, он приехал, посмотрел. Не знаю, с кем он говорил, кого убеждал, но в результате мы убрали несколько реплик, и спектакль пошел. А потом мы эти реплики восстановили. Ведь начальство смотрело спектакли только на сдаче или на премьере. Спустя два-три показа можно было вернуть все, что было изъято. Застой был настолько глубок и обширен, что к концу семидесятых им была охвачена даже цензура, она была рыхлой, ленивой. Конечно, мы не ожидали, что наша надежда на перемены сверху будет так быстро воспроизведена в жизни, как это получилось в начале перестройки. То, что предпринял Горбачев, слишком уж соответствовало нашим предположениям. Настолько,

что нам было даже неловко, что все развивается «как по писаному»... В ту пору был и другой путь гражданского поведения – стать диссидентом. Я не мог об этом не думать. Тем не менее я этого шага не сделал. Удерживало прежде всего то, что все-таки удавалось, несмотря на компромиссы, многое сказать со сцены, с экрана о том, что с нами происходит, обнажить порочность системы. И это был разговор с многомиллионной аудиторией. Конечно, мы не были последовательными противниками власти – мы не отказались от Государственной премии СССР за фильм, герои которого от своей квартальной премии отказались, поскольку она прикрывала обман, очковтирательство. По существу, герои фильма «Премия» оказались честнее, принципиальнее его создателей. Мы довольно резко критиковали власть, но одновременно хотели, чтобы эта власть нас уважала и награждала. И она это делала! Не знаю уж, как насчет уважала, но награждала! Потому что и власть в эпоху застоя вела двойную игру: с одной стороны, не отказывалась от жесткой цензуры, боялась правды, а с другой – хотела выглядеть цивилизованной. Награды и звания были желанны еще и потому, что с награжденными, известными деятелями культуры начальству приходилось считаться, их было сложнее заставлять.

– Почему вы стали драматургом, а не прозаиком?

– Оказалось, что у меня есть способности, которые важны для этой профессии. Это обнаружилось в процессе работы, при сочинении первых сценариев. Я умею строить фабулу, резкие повороты сюжета, способен внутренне перевоплощаться в других. Текст «Премии» дался мне нелегко. Что может быть скучнее заседания парткома строительного треста? Но мне удалось это заседание построить таким образом, что и фильм, и спектакли смотрели с неотрывным вниманием. И не только в Москве, но и в Париже, и во многих странах. Меня никто не учил писать. Я учился сам, читая чужие пьесы. Прежде всего Шекспира, Сухово-Кобылина, из современных драматургов многому научился у Фридриха Дюренмата. Я написал четыре пьесы, где соблюдено классическое единство места, времени и действия. Это «Премия», «Мы, нижеподписавшиеся», «Наедине со всеми», «Скамейка». Писать пьесы такого рода сложно. Гораздо проще, если действие перемещается из одного места в другое. Главное умение драматурга – управлять вниманием. Надо приковать внимание зрителя с первой фразы и не отпускать его до финала. Это требует не только литературных способностей. Надо быть конструктором. Я сам этому научился, умею и люблю это делать. Хотя последние годы почти не пишу пьес.

– В работу драматурга нередко вмешиваются продюсеры, режиссеры, даже артисты. У вас есть свои методы защиты от таких вмешательств?

– Лучшая защита – толково сделанный текст, где нет лишнего, все отжато, жестко мотивировано, где сама логика и структура текста не позволяют вносить изменения без явных потерь. К тому же мне везло – мои тексты брали в работу замечательные режиссеры. В кино это были Виталий Мельников, Сергей Микаэлян, Татьяна Лиознова, Виктор Трегубович, Павел Чухрай. Они относились бережно к моим сочинениям. Почти все мои пьесы были экранизированы, а текст «Скамейки» послужил основой для трех фильмов: один сняли на Ленфильме – с Ирой Муравьевой и Сашей Калягиным, две картины сделали в Польше – для телевидения и для большого экрана.

– Мешала ли вам популярность, то негативное, что с ней связано?

– Я же не артист, которого узнают на улицах. Один раз снялся в крошечной роли в фильме «Арье», но так загримирован, что меня никто не узнал. Для меня бремя известности выражалось и выражается до сих пор в том, что приходится читать много никуда не годных текстов. Тем не менее в течение двадцати лет я вел семинар молодых

драматургов в Щельково, на этом семинаре читали первые пьесы многие известные сегодня драматурги. В прошлом году я в последний раз этим занимался. Расчищаю время, его осталось мало.

– Вы писали для театра и кино. Как началось ваше занятие публицистикой, «уход в политику»?

– Я из публицистики пришел в театр. А когда началась перестройка, редактор «Московских новостей» Егор Яковлев позвал меня в эту газету. В самые бурные годы перестройки я был обозревателем, членом Совета учредителей. Тем временем Горбачев изменил закон о выборах – народные депутаты СССР могли избираться не только по округам, но и от общественных и творческих организаций. Эта реформа была существенным шагом к демократии: депутатами стали не только функционеры, но и нормальные люди. Я был избран народным депутатом от Союза кинематографистов. Появилась парламентская оппозиция, куда я вошел, – Межрегиональная депутатская группа, лидером ее был Андрей Дмитриевич Сахаров. Политических авторитетов еще не было, а люди науки, искусства, ставшие депутатами, были известны в стране, к ним прислушивались. Был принят закон о ликвидации цензуры. Я участвовал в работе Конституционного совещания, подготовившего проект конституции, которая сейчас действует.

– Ваша работа в документальном кино стала продолжением публицистики?

– Я был сценаристом двухсерийного фильма «Горбачев. После империи», его снял Виталий Манский. В течение года тесно общались с Михаилом Сергеевичем, добрые товарищеские отношения у нас были и до этого фильма, они сохраняются по сей день. Еще один документальный проект, в котором я был одним из сценаристов, – десятисерийный фильм «Свобода по-русски». Он сделан к столетию Государственной Думы России, автор идеи и проекта – Андрей Смирнов, этот сериал телеканалы отказываются показывать.

С М.С. Горбачевым. 1990-е годы.

– Сегодня вы отошли от дел? Я имею в виду участие в каких-либо государственных или законодательных институтах.

– Человек моего возраста имеет право «выйти из истории». История длинная, жизнь короткая. В истории были, есть и будут много разных людей. А у себя ты единственный, и дан ты сам себе ненадолго. Разобраться в себе не менее интересно и важно, чем понимать других. Писатели нигде так тесно не были увязаны с политическим строем, как в СССР. Периоды творчества диктовались не переменами в наших настроениях, в нашем понимании жизни, а сменой вождей: «при Сталине», «при Хрущеве», «при Брежнев» и так далее. Это ужасно!

– В большинстве ваших пьес в основе конфликта лежала социальная проблема. Что вас как драматурга интересует сегодня?

– Последние несколько лет я увлечен фигурой еврейского мудреца Нахмана из Брацлава. Может быть, удастся написать пьесу. Он прожил всего тридцать восемь лет. Оставил очень интересное литературное наследие – «Рассказы о необычном». Есть свидетельства, что его тексты читал Кафка, и они повлияли на его творчество. Впервые я заинтересовался рабби Нахманом, прочитав в одной книге о случае на кладбище. Он умер в 1810 году и похоронен в Умани. Вскоре после его смерти в Умани умер его злейший противник, тоже раввин. Надо сказать, что у рабби Нахмана было много непримиримых врагов, некоторые даже доносили на него царским чиновникам. Это связано с особенностями его религиозных воззрений. Например, рабби Нахман считал важным молиться в одиночестве на природе: в поле, в лесу, вместе с деревьями и растениями. У такой молитвы, считал он, больше шансов быть воспринятой Всевышним. И вот тому раввину, его врагу, выкопали могилу рядом с могилой рабби Нахмана. Когда похоронная процессия приблизилась, люди увидели, что в могиле сидит человек. Это был местный житель. «Пиня, что ты там сидишь?» – «Я не позволю, чтобы этот негодяй был похоронен рядом с моим ребе, которого он оскорблял, унижал! Вот нож, если попробуете меня вытащить, я себя зарежу. Могила будет осквернена». Решимость этого человека была такова, что пришлось выкопать новую могилу на другом конце кладбища.

– В июньском номере «Лехаима» опубликованы ваши стихи. Как давно вы их пишете?

– Я старый человек и молодой поэт. Последние несколько лет начал писать стихи. (Александр Гельман находит и кладет перед собой листок.) Вот, если хотите:

Ī ū - ääò è ñēīā

āīçäēäī ū ñēīāāī è,

ñēīāāī ī ðäīīðó: è ē Ā-ñīīāü

ī ðē äÿäüāāò ü çà ī āī è:

ī āī ðī ò ū ðä: è ī ī ðäīäē è è

ī ī āī ðī ò ū ī à è ð ñüāāī,

áóéāāī è ī ū ñēīāāī ū, è ä è ö āī ū ð, -

è çī ó ò ð è ī à ð ä è ó

è ñī à ð ä è è āī ó ò ð ū

ЕЩЕ РАЗ О ШЕСТИ МИЛЛИОНАХ

На четыре вопроса отвечают: Альфред Кох, Марк Куповецкий, Павел Полян, Даниил Романовский

Беседу ведет Афанасий Мамедов

Работая в журнале, заметил, как медленно, но верно становлюсь коллекционером голосов. Вот вспомнил даже строки из «Служебной лирики» Игоря Померанцева: «Я выпустил в космос тысячи голосов. / Это значит, что по законам физики / эти голоса будут жить вечно». До тысячи мне еще далеко, но не согласиться с радийным асом не могу: да, «вечно» – по законам и физики, и метафизики, потому как голос человеческий есть не меньшее мерило сокровенного, чем глаза его, голос – неотъемлемая, важная часть души. Нередко я «заряжаю» свою машинку на «обратный ход» – ход прослушивания, ловлю мамин голос: помнится, мне нужно было проверить диктофон перед началом работы, и я попросил ее сказать пару-другую «проверочных» слов. Через несколько месяцев мамы не стало. А голос ее так молодо и так звонко звучал и звучит, отсылая к одному и тому же интервью – «Фигура речи, или “клиника”?» Посвящено оно было Холокосту. Я остался недоволен собой в этом интервью, и не только потому что оно было всего лишь вторым по счету и я не успел овладеть необходимыми навыками. Такое случается порою в нашем журналистском ремесле. Но интервью это важно для меня по целому ряду причин, основной из которых является беспрерывно длящийся во времени беззвучный мунковский крик шести миллионов евреев, умерщвленных нацистской машиной, который мы по-своему, по-человечьи обязаны «выпустить в космос». Потому нет ничего удивительного в том, что стоило мне ознакомиться на сайте «Полит.ру» со стенограммой и видеозаписью встречи Альфреда Коха и Павла Поляна с собравшимися на очередную «Гуманитарную среду», как я немедленно определился с темой: хорошо бы продолжить не остывшую еще беседу, начатую в феврале 2007 года. Только отправной точкой теперь будет не бесовская конференция, затеянная иранским президентом в 2007 году, а проект «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем».

ИХ МИШЕНЬЮ ЯВЛЯЕТСЯ ИЗРАИЛЬ

Àèüóðáä Èíõ, ìðááíðéíèì àòáèü ìóáèèòèñò

– В литературе есть такое понятие – «первичный посыл», некая (пусть в значительной мере условная) точка отсчета, с которой то или иное произведение, или, как бы сейчас выразились литературные имиджмейкеры, проект, начинает свое не условное существование. Почему вас зацепила именно эта проблема, почему господа отрицатели, с чего вообще все началось?

– Главный «посыл» и главная «зацепка» – это удивление. Удивление тем, сколь бедна аргументация отрицателей и сколь успешна их пропаганда, вопреки этой бедности, а может быть, и благодаря ей. Удивление вызывало и то, что в какой-то момент отрицателей начали сажать в тюрьму. Я недоумевал: зачем делать из них страдальцев, когда ничего иного, кроме шутовского колпака, они не заслуживают?

– Дает ли ваша книга ответ, почему именно еврейские жертвы войны являются объектом пристального внимания отрицателей? Кому сегодня может быть выгодно отрицание Холокоста, какую выгоду это сулит отрицателям?

– Нет, не дает. Этот «выбор» сделали сами отрицатели: они отрицают именно еврейский этноцид, цыгане их совершенно не интересуют. В какой-то момент я осознал неафишируемую связь «отрицательства» с геополитикой, осознал то, что сознательной или бессознательной их мишенью являлся Израиль.

– В свое время вы высказались так: «Если бы дискуссия вокруг Холокоста развернулась вокруг цифр три и шесть миллионов, я бы в ней не участвовал». Я понимаю, этими словами вы как бы обозначили рамки своего интереса. Но вы же не возьметесь отрицать, что между тремя и шестью миллионами тоже колоссальная разница? Вообще, не кажется ли вам, что это шелканье костяшками счётов в значительной мере кощунственно, какую бы благую цель ни преследовало?

– Я не оспариваю того, что разность между тремя и шестью миллионами жертв огромна, но отрицатели-то замахиваются на куда большее – они утверждают, что истинное число жертв – сто тысяч человек, триста тысяч человек, ну полмиллиона. Вот на этом я сломался и дал волю тому, что, отвечая на первый вопрос, назвал удивлением. Само отрицательское движение тоже эволюирует: чистого отрицателя уже почти и не встретишь, главной задачей современных отрицателей стало обосновать как можно более низкую цифру еврейских жертв (мы их называем «редукционалистами»).

– Вы говорили, что опасаетесь проблем с немецкой юстицией, связанных с тем, что в книге «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем» публикуются тексты ревизионистов, являющиеся уголовным преступлением с точки зрения германского права. Насколько это может быть серьезно и, если не секрет, как вы намерены защищаться?

– Мы с Павлом Поляном никак не намерены «защищаться», ибо решительно ни в чем «не виноваты». Мы хотели создать ситуацию прямого диалога концепций и их аргументации, для чего предполагали дать в нашей книге слово и отрицателям – в виде публикации фрагментов их работ, посвященных вопросам демографии. Уважая сложившееся в этой сфере правовое поле Германии и других стран, мы раскассировали соответствующий раздел в книге и ограничились характерными цитатами из отброшенных текстов – цитатами, повторю, посвященными интересующим нас демографическим аспектам.

БОЛЬШИНСТВО НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ НЕ ПОНЕСЛИ НАКАЗАНИЯ

Ἰ ἀδὲ Εὐρί τ᾿ αἰῶσέε, ἐπὶ ἰδέε, αἰὶ ἰάλαο

– **Шесть миллионов погибших евреев. Вопрос к вам как к демографу: когда появилась именно эта апокалипсическая цифра и после каких подсчетов?**

– Оценка жертв Холокоста в Европе – около шести миллионов – впервые официально прозвучала на Нюрнбергском процессе, в одном из свидетельских показаний со ссылкой на пресловутого Адольфа Эйхмана, по словам которого в концлагерях было убито примерно четыре миллиона евреев, остальные – другими способами. Таким образом, эта оценка основана на собственных нацистских подсчетах числа уничтоженных ими евреев. По подсчетам различных исследователей количество жертв Холокоста варьируется от более чем пяти до более чем шести миллионов евреев. Собственных исследований оценки числа жертв Холокоста в Европе я не проводил, мои исследования касались только оценки людских потерь еврейского населения СССР в годы второй мировой войны.

– **Вы, наверное, слышали об Абе Ковнере – участнике виленского восстания, лидере «Некоме». Полагают, что «мстителям» сливала информацию о местонахождении нацистских преступников британская разведка, поговаривают – не только сливала, отсюда и безупречная засекреченность организации... Может ли месть служить доказательством/еще одним доказательством содеянного преступления, в данном случае против еврейского народа?**

– Все, что связано с деятельностью группы Абы Ковнера, опутано мифологемами и легендами, я не хотел бы сейчас вдаваться в подробности того, как и что делала эта группа в первые послевоенные годы, отвечу только на последнюю часть вопроса. Даже если бы не было миллионов уничтоженных, а только, допустим, евреи Вильно (подавляющее их большинство было уничтожено нацистами и их пособниками), откуда происходил Ковнер, потерявший практически всех своих родственников и друзей, уже одно это могло толкнуть его, как и других «мстителей», на столь неоднозначный поступок, как месть. Оправданием этому может служить и тот факт, что подавляющее большинство нацистских преступников не понесли заслуженного наказания в судебном порядке. Позиция Ковнера тогда не встретила единодушной поддержки среди евреев и до сих пор вызывает споры, но лично мне его позиция понятна.

– «Алия» и «йерида» термины оппозиционные, один обозначает «восхождение» для еврея, второй – его «нисхождение», удаление от истока. Насколько сегодня Германия и по традиционно-галутным, и по либерально-еврейским меркам «неправильное» место? О чем больше говорит отъезд некоторых евреев в Германию? О непоказном покаянии немцев, забывчивости и цинизме части евреев, а может, об особом отношении их предков к догитлеровской Германии?

– Вопрос о том, насколько моральна или аморальна эмиграция евреев, допустим из бывшего СССР в Германию, – вопрос сложный и далеко не однозначный. В принципе любой человек имеет право свободно выбирать место, где ему хорошо и удобно жить. И это право гарантировано Пактом о правах человека. Но в данном случае, действительно, немалую роль играет моральный аспект. По мнению значительной части евреев Европы да и всего мира, с которой лично я вполне солидарен, еврей, выбирающий местом постоянного жительства послевоенную Германию, совершает с этической точки зрения весьма и весьма сомнительный поступок.

– Не секрет, что Холокост сегодня не только наука, исследующая страшный опыт человечества, но кое для кого – как для «отрицателей», так и для «традиционалистов» – не пустеющая кормушка, беспроектный горемычный мотив для самоутверждения, и чем дальше, тем больше. Как уберечь память о невинно убиенных евреях от людей, озабоченных исключительно собственным жизнестроительством?

– К великому сожалению, в современном мире эксплуатация трагедии Холокоста действительно имеет место. Кстати, это отнюдь не всегда связано с личными амбициями отдельных исследователей. В качестве примера могу сослаться на все возрастающую роль памяти о Холокосте в структуре современной еврейской национальной идентичности. Что же касается меня лично, то я писал свою статью «К оценке численности людских потерь еврейского населения СССР в годы второй мировой войны» полтора десятилетия назад, накануне полувекового юбилея Победы. Как мне представляется, все сказано эпиграфом к этой статье: «Светлой памяти сестры моей бабушки Софьи Сирота и ее мужа Якова, расстрелянных нацистами в Днепропетровске. Их сына Юдея, моего деда Маркуса Тимашпольского и дяди Калмана Куповецкого, погибших на фронтах войны». Таким образом, для меня эта статья была, кроме анализа трагического периода в демографической истории советского еврейства, еще и данью памяти родственникам и – шире – данью памяти всем советским евреям, кто погиб на фронтах и был уничтожен нацистами во время войны.

ШОА – ЭТО БЕСПРИМЕРНАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

יְאִיִּי יִשְׂרָאֵל, עִנּוֹתֶיךָ, אֵיךְ יִבְרָאֵל

– Если предположить, что цифры погибших европейских евреев умышленно завышены, куда тогда делась идишская культура? Не могла же просто раствориться. Несомненно, случилось что-то грандиозно трагичное, смывшее начисто культуру европейских евреев вместе с языком. Если отрицатели признают само понятие Катастрофы, как могут не соглашаться с цифрами жертв?

– У Холокоста есть как своя количественная сторона (установление масштабов потерь еврейского населения), так и качественная: погибла большая часть целого культурного мира восточноевропейского еврейства – мира местечек (штетлов), мира, говорившего на идише. Соответственно, пострадала, то есть почти погибла, идишская культура. Сохранились лишь осколки ее (например, на Северной Буковине). Отрицателей, по большому счету, не огорчает ни исчезновение миллионов индивидуальностей, ни в целом еврейского конфессионально-культурного «космоса».

– В какой степени вы опираетесь на демографию как науку в исследовании Холокоста? Сталкивались ли с таким понятием, как «засекреченные документы»?

– В весьма высокой. То, чем пришлось заниматься в работе над этой книгой, является своеобразным синтезом демографии, истории и социологии. С «засекреченными документами» я дела не имел, но с документами «секретными» еще не так давно имел, и много.

– Готовясь к настоящему интервью, я столкнулся с разного рода научными терминами: одни обходил стороной, другие привлекли мое внимание. Не могли бы вы объяснить, что такое «поэшелонная статистика»?

– Депортации евреев из многих стран Западной и Южной Европы (в частности, из Франции, Голландии, Греции и других стран) очень подробно задокументированы. То есть имеются поименные списки (а в случае Греции – даже железнодорожные билеты) в разрезе конкретных эшелонов, направляемых из транзитных лагерей в гетто или лагеря уничтожения. Это и есть «поэшелонная статистика». Что-то похожее, но не столь детальное есть и для эшелонов, направлявшихся из восточноевропейских стран.

– Среди шести миллионов уничтоженных евреев – а, как я понимаю, вы все-таки склонны, пусть с некоторыми оговорками, остановиться именно на этой

цифре – как много было не алахических евреев, евреев не иудейского вероисповедания и каким образом их отслеживали?

– Стремление к структуризации многомиллионного корпуса еврейских жертв совершенно необходимо. Но главное в другом: Шоа – это беспримерная еврейская трагедия, катастрофа такого значения и такого масштаба, что некоторые старые понятия не выдерживают ее веса и рушатся на наших глазах, требуя своего пересмотра. Уничтожение евреев немцами осуществлялось не по Алахе, а по самому массовому – расово-этническому – признаку, не пощадившему почти никакие различные еврейские идентичности. После Холокоста уже нельзя делить евреев «по сортам» или, что еще хуже, уподобляться нацистам и проводить селекцию, отделяя внутри этих шести миллионов истинных евреев от «неевреев», – это кощунственно по отношению ко всем погибшим: никто не интересовался истинностью или глубиной их веры, прежде чем отправить в расход. Заостряя проблему, усомнимся в совместимости Шоа как исторического явления с Алахой как монопольным критерием еврейской идентичности.

ОТРИЦАНИЕ ХОЛОКОСТА – ОТРИЦАНИЕ НАУКИ ВООБЩЕ

*Αὰίεεë Ðì àííáíεεë, εñðíðεë, ðòðáíεë Óáíòðà íí εññεááíááíερ
áí òεñáí εòεçí à εì. Αεάαεά Νáññí à á Αάδáεíεíí óí εάáðñε òáò á á Εάδύñáεεí á*

– В конце осени должна выйти в свет книга «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем». Инициаторами и исполнителями проекта являются Альфред Кох и Павел Полян. Думается, в задачи Коха и Поляна входило нечто большее, чем доказать оголтелым ревизионистам и господину Ахмадинежаду, что Холокост все-таки был, и тем самым уберечь Израиль от возможной иранской агрессии. Сам Кох говорит, что задача проекта – смоделировать дискуссию, объединив под одной обложкой труды отрицателей и традиционалистов. При этом Альфред Рейнгольдovich добавляет: «Современный уровень развития демографических и статистических, исторических и всяческих других исследований позволяет показать всю несостоятельность тезисов, которые отстаивают ревизионисты». Если так, к чему дискуссия? Легализируют «несостоятельные тезисы», снимут табу – и что? Как вы думаете, будет ли прок от этой книги, изменит ли она что-либо в науке о Холокосте?

– Заранее прошу прощения у Альфреда Коха и Павла Поляна – я не видел их книги и не знаю, какова будет ее структура. Но в целом я скорее не одобряю идею поставить на один уровень, «на одну доску» историческую науку и так называемый ревизионизм. И дело здесь не только в легитимации «несостоятельных тезисов». Общепринято мнение, что отрицание Холокоста – одна из форм антисемитизма. Но у

этого, широко распространившегося ныне, явления есть еще, по меньшей мере, два аспекта. Один из них – отрицание Холокоста есть частный случай современного отрицания науки вообще. Посмотрим на историческую науку: разве рядом с ней подвизаются только Артур Батц и Роже Гароди, отрицающие Холокост? Нет, не только: достаточно войти в любой российский Дом книги и посмотреть на батарею произведений Фоменко и Носовского, отрицающих древнюю историю. А известно ли российскому читателю о еще нескольких ревизионистских школах? Например, о ревизионистской школе в советологии, крайние адепты которой отрицают сталинские репрессии 1930–х и начала 1950–х годов? Или о школе, отрицающей Великую Отечественную войну и утверждающей, что на советском театре военных действий с 1941 по начало 1944 года не было ничего, кроме партизанской войны, а единственные два значимых события в освобождении Европы от фашизма – это высадка союзников в Северной Африке в ноябре 1942 года и, естественно, высадка в Нормандии в июне 1944-го?.. В 1990–х и 2000–х годах в жизнь вступило поколение, разочарованное в культуре последних двух столетий. Оно разочаровано не только в политических и философских идеях, таких, как социализм или атеизм, но и в науке. Отсюда, например, стремление лечиться не у врачей, а у «целителей», присущее какой-то части нашего поколения. Отсюда же и популярность «негационизма», как элегантно называют свою сферу деятельности отрицатели Холокоста. Ставить на одну доску историческое исследование Холокоста и «негационизм» – это все равно что ставить на одну доску современную хирургию и знахарство. Сомневаюсь, что научное опровержение тезисов ревизионистов образумит широкие массы читателей (а книга, как я понимаю, апеллирует именно к ним). Сколько ни пропагандируй медицинские знания, какая-то часть нуждающихся в лечении будет обращаться за помощью к безграмотным целителям (кстати, далеко не все из них безграмотны, некоторые имеют неплохое медицинское образование). Изменит ли книга Коха и Поляна что-либо в науке о Холокосте? Нет, не изменит. Наука не должна полемизировать со знахарями. Я хочу сделать одну оговорку. Кроме «негационистов», имеются ученые-историки, склонные пересмотреть некоторые принятые мнения в истории второй мировой войны и Холокоста в частности. Это – совершенно иное явление. Арно Майер, автор книги «Почему небеса не потемнели...», – не отрицатель Холокоста! И функционалистская школа не имеет ничего общего с «негационизмом». Полемика с Майером, Гансом Моммзеном, Эрнстом Нольте и даже с Дэвидом Ирвингом должна вестись, но на академическом уровне. Еще один аспект в отрицании Холокоста является проявлением «культы Гитлера», распространяющегося среди нынешнего поколения. Аффектация к «фюреру Третьего рейха» – причина, превратившая настоящего (в прошлом) ученого Дэвида Ирвинга в примитивного неонацистского агитатора. «Культ Гитлера» – серьезная и очень печальная тема, которую мне сейчас не хотелось бы обсуждать «на одной ноге».

– Павел Полян в своей статье, посвященной Залману Градовскому, «И в конце тоже было слово...» пишет: «Его письменного свидетельства совершенно достаточно, чтобы прекратить все пошлые дебаты о том, “был или не был” Холокост. Тем поразительней, что ни в одной из центральных экспозиций Шоа – ни в Иерусалиме, ни в Вашингтоне, ни в Берлине и Париже – фигуре Градовского не нашлось не просто заслуженного, а вообще никакого места!» Чем обусловлено такое отношение?

– Признаться, я не вижу в этом ничего поразительного. Во-первых, Градовский – не единственный член зондеркоманды Биркенау, оставивший свои записки. Просто сейчас его записки готовятся к публикации в переводе на иврит. Во-вторых, Градовский – не единственная и даже не самая значительная фигура среди свидетелей нацистской системы лагерей уничтожения, которой не нашлось место в экспозиции, например, музея

Яд ва-Шем. Главному свидетелю процесса уничтожения людей в Биркенау – недавно скончавшемуся Рудольфу Врбе – также не нашлось там места.

– Фашисты всячески поощряли еврейские погромы на захваченных территориях. Скажите, погибшие, например, в балтийских погромах учитываются исследователями Холокоста или их гибель приравнивается к «общевоенным потерям»? Вообще, какими способами сегодня исследователи и отрицатели разделяют и определяют группы погибших евреев?

– Кровавые погромы, сопровождавшие вступление немецкой армии, происходили не только в странах Балтии, но также и в Украине, и в Белоруссии. Только в Западной Украине летом 1941 года погромщиками было убито 24 тысячи евреев. Эти жертвы учитываются историками как жертвы Холокоста, равно как и жертвы погромов, устроенных румынской армией в Яссах, Галаце, Бессарабии и Буковине; равно как и евреи – жертвы железногвардейского путча в Бухаресте в январе 1941 года; равно как и евреи – жертвы бесчинств фашистов «Нылашкерестес» («Скрещенных стрел») в Будапеште в октябре 1944 года; равно как и евреи, убитые хорватскими усташами; равно как и евреи Триполи, умершие в итальянском концлагере Джадо в Ливии. Что касается разделения на группы – ну, конечно, прежде всего, исследователи разделяют погибших евреев на национальные группы: польские евреи, французские евреи, венгерские и тому подобные. Можно также разделить погибших на тех, кто погиб с ноября 1938 года по июнь 1941-го, и на тех, кто погиб позже; на жертв массовых расстрелов на советской территории, на жертв лагерей уничтожения и на жертв нацистских рабочих лагерей. Можно пытаться учитывать отдельно погибших в гетто от «естественных причин» – тифа, голода. Не засчитываются как жертвы Холокоста евреи – военнослужащие советской, британской, югославской и других армий, погибшие в боевых действиях. Проблематичная группа – евреи-военнопленные: те из них, кто погиб в плену, погибли как евреи или как жертвы преступлений нацистов против военнопленных вообще? Здесь слово доктору Павлу Поляну.

– Чем, на ваш взгляд, отличаются отрицатели Холокоста в России от своих западных коллег?

– Простите, но прежде всего – интеллектуальным уровнем. Батц перелопатил массу литературы и архивных документов, прежде чем решился на написание своего опуса «Обман двадцатого века». Лейктер – действительно техник-специалист по газовым камерам, но не нацистским, а применяющимся в США для совершения смертной казни. А филолог Вадим Кожинов разделался с Холокостом на двух страницах одной из своих последних книг, причем не удосужился даже привести ссылки на источники. Последнее, мне кажется, свидетельствует не только о низком интеллектуальном уровне, но и о глубоком неуважении к читателю. Отрицание Холокоста в России – явление вторичное, позаимствованное на Западе. Для СССР более характерно было не отрицание Холокоста, а его тривиализация: геноцид евреев рассматривался как часть геноцида народов СССР. Отрицание Холокоста, в отличие от его тривиализации, подразумевает обеление нацизма и Гитлера; этого в «классическом» СССР, по крайней мере до 1980-х годов, не было. Российские «негационисты» – подражатели, они пользуются готовыми аргументами и не утруждают себя поисками «свежих» идей. Уровень их писаний – соответствующий. Сказанное здесь о российских ревизионистах не относится к современным украинским ревизионистам. Украинский ревизионизм – явление куда более сложное.

Мне кажется, я начинаю догадываться, почему остался недоволен собой в первом интервью и, скорее всего, останусь недоволен во втором: мои собеседники если не с неохотой, то с большой осторожностью вовлекались в разговор. Не понять их нельзя: моральный аспект, эмоциональный окрас сугубо личного отношения к Катастрофе, который они упорно не желали демонстрировать. В подтверждение запоздалой догадки вспоминаю беседу с раввином Адином Штейнзальцем. Вначале раввин был крайне любезен, слушать и следить за ним было одно удовольствие, но на втором витке беседы я имел неосторожность задать вопрос о возрождении идишской культуры. Раввин закрылся, посуровел, глаза его стали цвета табачного дыма, который он до того аппетитно цедил через гнутый мундштук трубки. «Возрождение идишской культуры после того, что случилось, невозможно. Все попытки это сделать станут жалкой пародией на нее». Сейчас я понимаю раввина Штейнзальца. Мы потеряли не только носителей одной из европейских культур, мы потеряли вместе с ее маминым языком и мамин голос. Можно возродить язык, но голос... Что же касается проекта «Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем», пожалуй, соглашусь с Даниилом Романовским: не стоит ставить на один уровень историческую науку и так называемый ревизионизм. Может, лучше не обращать внимания на этих самых Ахмадинежадов?

«ЕВРЕЙСКИЕ ШТУЧКИ»

Аааааа І і і і і

Я тут, получается, всю вторую половину лета шатался по миру. Побывал в городах (по алфавиту) Берлин, Будапешт, Варшава, Гжатск, Екатеринбург, Клермон (штат Нью-Гемпшир, США), Мидлберри (штат Вермонт, США), Минск, Мюнхен, Нью-Йорк, Смоленск, Ярцево.

Везде было очень жарко. В Ярцево я купил пятилитровое ведро белых грибов за 400 рублей. В Смоленске был поражен его красотой. В Нью-Йорке видел по телевизору Барака Обаму. В Мюнхене, покуривая под развесистым немецким каштаном, встретил на площади Мариенплац художника Андрея Бильжо. В Минске выслушал восхищенный рассказ неизвестного белорусского гражданина о строгом, но справедливом Лукашенко, который сказал своим нерадивым министрам, что они выйдут из его кабинета в одних трусах, если намерены и дальше так работать. В Мидлберри прочитал лекцию о современной русской литературе американским студентам-русистам, которым во время девятинедельного обучения в летней русской языковой школе запрещено под угрозой штрафа говорить по-английски, они и пели даже по-русски, молодцы! В Клермоне познакомился с о. Андреем Трегубовым, настоятелем церкви, которую в свое время посещал живший в тридцати минутах езды в деревне Кавендиш Александр Солженицын, отстоял службу, причастился. В Екатеринбурге поздравил с днем рождения родную сестру Наташу, которой исполнилось 70 лет. В Гжатске думал о Юрии Гагарине, уроженце города. В Варшаве заблудился, но был выведен на правильный путь поляком, с которым пришлось говорить на английском языке. В Будапеште подвергся на вокзале угрозам со

стороны валютчика-албанца, украдкой показавшего мне нож, и съел вкуснейшие в мире голубцы, любезно предложенные мне доброй старушкой, матушкой философа Ласло Киша.

Но самое яркое впечатление оставило у меня, православного, короткое посещение так и называемого «Еврейского Артека», детского оздоровительного лагеря, расположенного на землях бывшей Гэдээрии в 80 километрах от столицы нынешней объединенной Германии, куда меня и моего сына Васю привезла Лариса Сысоева, урожденная Грудьян, вдова великого рисовальщика прошлого века Славы Сысоева, некогда отсидевшего за свои карикатуры два года в отечественном концлагере близ населенного пункта Холмогоры, откуда Ломоносов пешком пришел в Москву получать высшее образование.

Здесь, на берегу озера, вот уже третий год собирают еврейских деточек в возрасте от восьми до четырнадцати лет. Сюда приезжают не только из Германии или, к примеру, Израиля, но в основном-то, граждане земляки вы мои родные, из нашей России, из разных городов и весей ее, включая Тамбов, Йошкар-Олу, Красноярск, упомянутый Екатеринбург. И говорят здесь, как и в американском Мидлберри, только по-русски, а не на идише или иврите, ибо родители многих бывших россиян всерьез обеспокоены тем, что их чада, растущие за рубежом, забывают язык той родины. Деточек разбивают на отряды, они записываются в кружки, поют, пляшут, играют не только на «еврейских скрипочках», но и на саксофоне, кларнете, трубе, ставят мюзиклы, сочиняют стихи, занимаются живописью в студиях «Мой храм» и «Дикий дизайн», гоняют в футбол, катаются на лодках, купаются в озере.

Все это придумал и осуществил Всемирный конгресс русскоязычного еврейства, президентом которого является Борис Шпигель, сенатор, член Совета Федерации России, а Лариса – директор Европейского бюро Конгресса. Мне было неизвестно, что существует в мире и такая организация, все мероприятия которой рассчитаны, естественно, на еврейскую традицию, но язык общения здесь – русский, и нынешнюю Россию здесь уважают, а не плюют на различные части все еще обширного тела ее. Лично я считаю логичным, что программа «Еврейского Артека» посвящена в этом

году 60-летию Израиля и знакомит участников не только с историей государства, но и с его культурой и искусством, а если кто из читателей считает, что это очередные «еврейские штучки», то пусть это остается на его темной совести. Не «штучки» это, а реальная работа над воссозданием мира доброты человеческих взаимоотношений, незлобивости, широты восприятия, сохранения памяти обо всем плохом и хорошем.

Не случайно ведь детей во время этих каникул возят на экскурсию в Берлин, где показывают остатки знаменитой стены, через которую люди бежали на Запад, а коммунисты за это в них стреляли. И возят на знаменитую виллу на озере Ванзее, где товарищ Гитлер некогда провел конференцию, посвященную «окончательному решению еврейского вопроса». Но и дом-музей всемирно известного еврейского художника Макса Либермана посещают дети, и знаменитый кинопарк Бабельсберг, немецкий Голливуд. А я слушал их чудное детское пение про неведомый мне кибуц и все терзался вечным русским вопросом: почему У НИХ все это получается, а У НАС пока все еще нет. А про «грузино-осетинский конфликт» я вам ничего не скажу. Не хочу. Не могу. Как же это так можно в XXI веке? Живым людям убивать других живых людей и говорить, что так и надо.

БЕДНЫЙ РОТШИЛЬД

Àdè à dè é Èàí í àè ÷

Окончание. Начало в № 9, 2008

В местечке не нашлось ни одного способного передвигаться еврея, который не пришел бы попрощаться со старым банщиком и проводить его в последний путь. Когда его, легкого, почти невесомого, накрытого белой, впрок купленной простыней, вынесли на нетесаных досках из хаты, рабби Гилель заплакал, и слезы, крупные, спелые слезы оросили его густую бороду.

– Не плачьте, рабби, – сказал Бедный Ротшильд. – Отец мечтал о смерти.

– Что ты говоришь, что ты говоришь... – залопотал тот. – Кто же, Ицик, мечтает о смерти?

– Тот, кому надоело жить. – Бедный Ротшильд замолчал, стал кусать губы и, сглотив саднящую, стесняющую дыхание горечь, выдавил: – Тот, кто наверняка знает, что это – единственная мечта, которая обязательно сбудется. И неважно – когда...

На кладбище терпко пахло похоронной хвоей. Над застывшими надгробными плитами роем летали бесшабашные, одуревшие от июньского солнца шмели, и их непрерывное жужжание примешивалось к поминальной молитве, которую, заикаясь от сострадания и жалости, нараспев читал рабби Гилель.

– Аминь! – после каждого посмертного благословения повторяли завсегда и бани.

Внизу, под косогором, по-крестьянски степенно текла река-кормилица, из которой Авигдор сорок с лишним лет черпал воду, и ее тихое прощальное плескание сливалось с шорохом глины, осыпавшейся в отверстие яму. С мохнатой сосны на свежий холмик смотрела остроглазая ворона, давно привыкшая к молитвам и слезам. Залман Амстердамский замахнулся на нее своей тростью с костяным набалдашником, но ворона на ветке только недовольно каркнула и впилась в аптекаря своим таинственным, не предвещавшим ничего хорошего взглядом.

Лето и впрямь ничего хорошего не предвещало. В Литве обосновалась чужая армия, части которой расположились в уютных перелесках и рощах вокруг местечка. Касса на железнодорожной станции стала продавать билеты только на местные поезда – в Каунас или Шяуляй, а почта перестала отсылать письма в Париж и Лондон, а корреспонденцию принимала лишь в Ригу и Минск, в Ленинград и Москву. Президент Литвы, у которого знатный гость – барон Ротшильд якобы собирался купить местечко со всеми живущими в нем евреями, решил, видно, не дожидаться выгодного предложения банкира и, бросив все свои владения, бежал за границу.

Б-гомольцев в синагоге вдруг заметно убавилось, их стало гораздо меньше, чем прежде, а в аптеку зачастили жены русских командиров, покупавшие у впавшего в черную меланхолию Залмана Амстердамского не только порошки и таблетки, но и духи и мази, шампунь и краску для волос. Уныние своим клеймом пометило и лицо непреклонного рабби Гилеля, который все чаще поглаживал свою бороду, будто в ее гуще таились ответы на все мучительные вопросы.

По пятницам рабби Гилель и Залман Амстердамский по-прежнему приходили попариться в баню, но они, убедившись в полной тщете своих усилий, больше не донимали Бедного Ротшильда разговорами о родстве с неизвестными ему богачами, которые при желании могут осчастливить любого еврея. Озабоченные собственным будущим, они в предбаннике о чем-то все время шушукались, вздыхали и, так и не выпарив из души тревогу, молча уходили домой.

Перемены, наступившие с приходом в Литву Красной Армии, не задели только Ицика. Он по-прежнему спускался с коромыслом по воду к реке, колол дрова, вязал веники, топил по пятницам баню и больше не морочил себе голову родством с заграничными богачами. Как туман рассеялись и томившие его сны о великолепии чужеземных городов, о банях, выложенных мрамором и отапливаемых не дровами, а электричеством, о королевских рукопожатиях...

– Сейчас о богатых родственниках лучше не говорить, – как бы оправдываясь за свою бездеятельность и за то, что даже из разговоров исчезли заграничные названия то и дело мелькавших чужеземных городов, сказал рабби Гилель, когда на тридцатый день после смерти отца Бедного Ротшильда он встретился с Ициком на кладбище. – Русские не любят богатых, а Ротшильды... ну, те, которые обитают в Париже и Лондоне, не любят русских, ибо русские забирают у богатей все нажитое ими богатство. Поэтому ты, Ицик, пока постарайся забыть их имена и звания и ни в коем случае не болтай при посторонних о своем родстве с ними. Ты меня понял?

– А чего тут не понять, – ответил Ицик. – И так все ясно. Я никогда не болтаю лишнего. А что до родственников, то – вы, рабби, только надо мной не смейтесь, – я вдруг подумал, что и без всех этих парижских или лондонских Ротшильдов у меня и так родственников полно.

Рабби Гилель не любил, когда с ним шутили на кладбище, и потому на шутку Ицика не обратил никакого внимания. Парень спорил глупость. С кем не бывает. Ведь всему местечку известно, что Ицик может похвастаться только одной родственницей – бедной и скаредной теткой Фейгой. Да и та давно уже не Ротшильд, а Уманская.

– Деревья и птицы в небе – мои родственники, река – родственница, даже кошка Хая – моя родственница, – промолвил Ицик. – Их у меня никто не отнимет. Никто. Правда? Ни русские, ни литовцы, ни французы... Это родство дано мне Самим Г-сподом Б-гом до моего смертного часа.

– Да ты, Ицик, не так прост, как с первого взгляда кажешься, – воскликнул рабби Гилель, глаза у него засверкали, ноздри раздулись, и рука нырнула в дебри бороды за уловом какой-нибудь похвалы для банщика. – Тебе не дрова колотить, а из Торы мыслью искры высекать.

– Спасибо, рабби, вы всегда были добры ко мне.

– Кто же благодарит не за суп с мясом, а за пустую миску? Мы для тебя ничего ровным счетом не сделали. Только раздразили тебя. – Рабби Гилель нагнулся, поднял с земли сиротливый камешек и положил на могилу старого Авигдора. – Это плохо, что новые власти взяли и отменили маршрут Каунас – Париж, а вместе с ним отменили и нашу надежду. Но ты не расстраивайся: надежды долговечней любой власти.

У Бедного Ротшильда не было повода для расстройства – он и раньше ни на что не рассчитывал, хотя и не осуждал рабби Гилеля и Залмана Амстердамского за то, что они поверили в чудо, которому с самого начала не суждено было свершиться. Ицик жил без родственников, проживет, если Б-г будет милостив, и остальной, отмеренный ему небесами остаток лет.

Смена власти его мало интересовала. При любой власти люди ходят в баню, а значит, без работы и без куска хлеба он не останется. Рабби Гилелю не придется у входа в синагогу просить за него милостыню. Слава Б-гу, Ицик неплохо зарабатывает – на хлеб хватает. При Советах любителей горячего пара даже прибавилось – каждый вторник русские командиры повзводно приводили мыться своих солдат. Предбанник был завален красноармейскими гимнастерками и уставлен кирзовыми сапогами, которые были прикрыты наспех брошенными портянками. От портянок и кирзовых сапог, составленных в ряд по ранжиру, шел острый запах победы, которая больше походила на воскресную прогулку. Аптекарь Залман Амстердамский клялся, что русские заняли всю Литву за одну ночь без единого выстрела.

Был среди победителей и офицер-еврей из Белоруссии – Бедный Ротшильд его, голого, сразу и вычислил. Молодой курносый боровичок с иссиня-черными глазами и такими же черными кудрявыми волосами.

– Как тебя зовут? – спросил он у банщика на покалеченном, но вполне терпимом идише.

– Ицик.

– Стало быть, по-нашему, по-советски ты – Игорь... А фамилия?

– Ротшильд.

– А я Аркадий... Шульман, то есть Школьников... – Он зачесал свои мокрые кудри и, по-родственному улыбаясь, спросил: – А банк твой, Игорь Ротшильд, где? В Лондоне или в Париже? Где ты стрижешь купоны? – И снова улыбнулся, оскалив белые, как рафинад, зубы. – Тебе сколько?

– Чего? – уставился на него Бедный Ротшильд

– Сколько, спрашиваю, лет тебе?

– Двадцать.

– Скоро солдатом станешь. В твоём возрасте я уже был на втором курсе пехотного училища в Рязани.

– А мне не нравится быть солдатом, – неожиданно промолвил Ицик.

– Нравится, не нравится – все равно призовут. В Союзе от воинской службы уклоняться нельзя. Это священная обязанность каждого гражданина. Может, ты будешь служить Родине поблизости от дома – где-нибудь в моей Белоруссии, около Гродно или Молодечно, но могут тебя послать и на Дальний Восток, на китайскую границу. В любом случае, я в этом не сомневаюсь, о тебе напишут во всех советских газетах, тебя обязательно покажут всем в кинохронике. Шутка ли – первый Ротшильд в Красной Армии!

Аркадий Шульман расхохотался и стал медленно натягивать казенные сапоги.

– Разве Родине нельзя служить тут, в бане? – с простодушной хитрецей спросил Ицик.

– А ты, Ротшильд, оказывается, еще и юморист...

– Кто-кто?

– Шутник, – сказал по-русски Шульман.

Но Бедный Ротшильд по-русски не понимал. В пятницу придут рабби Гилель и Залман Амстердамский, Ицик спросит у этих ученых мужей, что значит «шутник», и они, наверно, переведут ему непонятное слово, ведь оба родились на свет еще при царе и в юности должны были хоть немножко разбираться в русской грамоте.

Настала пятница, однако мыться пришел только один рабби Гилель, и Бедный Ротшильд по его унылому виду сразу определил: произошло что-то неладное, но из вежливости ни о чем у своего наставника допытываться не стал.

Рабби Гилель задумчиво оглаживал бороду, неохотно, с какой-то не свойственной ему медлительностью снимал с себя одежды, долго и тщательно выбирал веник и наконец с какими-то болезненными придыханиями чуть слышно прошептал молитву. Чуткое ухо Бедного Ротшильда уловило, что его наставник и опекун попросил Г-спода Б-га, чтобы Он защитил от безбожников и маловеров Свой Дом в местечке.

– Я чувствую, Ицик, что у тебя на языке вопросы вертятся, как окуни на сковородке, но ты меня только не торопи, на все, что тебя интересует, я отвечу, когда попарюсь.

Рабби Гилель парился терпеливо и деловито, а Бедный Ротшильд послушно ждал его с полотенцами в предбаннике.

– Кончается, Ицик, терпимое для евреев время, – начал рабби Гилель, отдышавшись. – И наступает время дикое и злое, и если Г-сподь Б-г не вмешается, то несчастья – одно за другим – обрушатся на наши головы. Ты живешь себе на отшибе и еще ни о чем не знаешь. Вчера увезли Залмана Амстердамского.

– Куда?

– Куда всех неблагонадежных, как говорили при царе, увозят? В Сибирь. Туда, где морозы за сорок. А завтра могут и синагогу закрыть. Только ты не спрашивай меня почему.

– Почему, рабби? – все же спросил Бедный Ротшильд. Он никак не мог взять в толк, о чем говорит рабби Гилель, первым записавший его имя в книгу живущих на свете. Было время, когда ему, Ицику, казалось, что все в мире вроде бы устроено хорошо и справедливо – он колет дрова и топит баню, аптекарь Залман Амстердамский торгует порошками и таблетками, рабби Гилель учит каждого добру и совестливости, днем светит солнце, ночью высыпают на небосводе звезды. Зачем Залмана увозить в Сибирь, о которой, он, Бедный Ротшильд, ни разу не слышал – ведь там же, наверно, есть свои аптекари, которые стоят в белых халатах за прилавком и порой за лекарства тоже у бедных и немощных денег не берут? Зачем закрывать синагогу – ведь Всевышний если никому и не помог, то никому в местечке и не повредил. Пусть все останется как вчера, как сегодня, как завтра.

– Сорок с лишним лет, с той поры, когда еще при царе я начал тут свое служение, я сам пытался найти ответ, почему злые времена надолго одолевают времена добрые. И вот к чему я пришел. Наверно, потому, что люди выбирают себе в вершителя жизни и поводыри не Г-спода Б-га, а какого-нибудь отпетого грешника и следуют за ним послушным стадом... Выбрали же немцы этого сумасшедшего австрияка, а русские – безродного грузина...

Рабби Гилель помолчал и вдруг обратился к Ицику с просьбой:

– Если дело дойдет до того, что красные выгонят нас из храма, который их местный начальник, заместитель бургомистра Иткис, называет не иначе как «гнездо

мракобесия», ты не побоишься приютить у себя свитки Торы? Сорок с лишним лет я носил их на руках, как своих любимых детей. Надеюсь, баню обыскивать не будут.

Бедный Ротшильд в знак согласия несколько раз тряхнул своей растрепанной чуприной.

– Я знаю – на тебя можно положиться, – рабби Гилель снова помолчал, словно в этом молчании черпал упорство и силу. – Как хорошо, что ты меня и несчастного реб Залмана не послушался – никуда отсюда не уехал. Поехал бы за счастьем к родственникам-неродственникам, а угодил бы по дороге прямо в беду. Немцы хозяйничают в Варшаве. Немцам уже сдался Париж. Видно, всех тамошних богатеев Ротшильдов там уже и в помине нет. Может, сели в свой самолет, погрузили все свое добро и вовремя махнули к своим родичам в Америку. А может, не успели, и немцы их... – Он выразительно провел своей пастырской рукой по шее. – Ведь от смерти никакими деньгами не откупишься. Красные, конечно, безбожники и негодяи, ничего хорошего и от них не дождешься, но они, слава Тебе, Г-споди, пока евреев не убивают.

– А за что они господина аптекаря упекли в Сибирь? Чем он перед ними провинился? Тем, что продавал их женам французские духи и мази без скидки?

– В чем провинился? А в том, что мечтал хотя бы на старости лет поменять всех своих прежних покупателей – литовцев, русских, поляков – на одних евреев и закончить свою жизнь не в Литве, не в России, а на Святой земле, – сказал Ицику его наставник. – Я этого его желания никогда не одобрял. Я всегда хотел дожить свой век и умереть тут, в синагоге, на Кирпичной улице.

– И мне бы хотелось прожить все мои годы тут... над рекой... под этими густыми липами, под эти перепевы птиц по утрам. Другой святой земли мне не надо. Для меня, рабби, вокруг бани вся земля святая.

Рабби Гилель натужно рассмеялся. Что с неотесанного парня возьмешь?

– Ты меня не понял. Да ладно. Заболтались мы с тобой. Пора возвращаться на Кирпичную. А мне страшно – вдруг там все заколочено? Плохо, очень плохо, когда дышишь страхом, а не воздухом. Так долго не протянешь, – признался рабби Гилель, нахлобучил на ермолку шляпу и вышел.

В следующую пятницу он почему-то не пришел, и Бедного Ротшильда охватило беспокойство. Заперев баню, Ицик отправился в синагогу.

Старик сидел в пустом зальце, на передней скамье, и страстно молился.

– Садись! Вместе помолимся. Может, одного из нас Г-сподь Б-г все-таки услышит, – рабби Гилель подождал, пока Бедный Ротшильд зашевелит губами, и продолжал: – У меня такое чувство, будто на всех нас скоро обрушится большая беда. Ибо недаром сказано у мудреца: кто спешит преждевременно и напрасно радоваться, тот раньше всех заголосит от горя.

Бедный Ицик не знал, кого в своих предсказаниях рабби Гилель имел в виду, но не перечил ему. Да и как перечить мудрецу, если своим заурядным умом ты не можешь постичь всей глубины его мудрости.

Но рабби Гилель оказался пророком – беда и впрямь нагрянула.

Тихим воскресным утром началась война.

Два дня на другом берегу реки, не умолкая ни на минуту, грохотала канонада и, поднимая клубы пыли, рвались тяжеловесные снаряды. Видно, расположенные на подступах к местечку части, в которые входил и взвод боровичка еврея из Белоруссии – Аркадия Шульмана, держали там оборону против наступающих немцев.

К вечеру грохот утих, и к бане подтянулись потрепанные в бою остатки взвода во главе с его командиром.

Не переставая обливать себя холодной водой и отплевываясь кровью, он попросил у Игоря-Ицика чистое полотенце, разрезал его штыком, перевязал раненую руку и перед тем, как попрощаться, прохрипел:

– Какими же мы были олухами! С кем ручкались и миловались? С берлинскими волчарами.

Он смотрел на Бедного Ицика затравленными глазами и, облизывая шершавым языком потрескавшиеся от жажды и злости губы, на ломаном идише повторял:

– Если хочешь еще в жизни когда-нибудь попариться в баньке, бросай все и уходи с нами! Кого-кого, а Ротшильдов и всяких там Шульманов они по головке не погладят.

На рассвете, не дожидаясь, когда противник наладит переправу и переберется через реку, красноармейцы и их командир Аркадий Шульман покинули местечко.

После их ухода наступила какая-то грозная, удушающая тишина, которую вдруг взорвал победоносный рев мотоциклов.

Размахивая шлемами и флягами, немцы беспрепятственно двигались к местечку.

Первым, о ком Ицик подумал, был рабби Гилель. Теперь уже точно закроют синагогу, в которой он сорок с лишним лет верой и правдой служил Г-споду Б-гу и людям; теперь уже точно сожгут эти свитки Торы, которые он носил на руках, как собственных детей; теперь уже точно, одевшись в отрепье, он не соберет у входа молельни ни гроша для нищего Авнера и уже никого не соблазнит родством с кем-нибудь из богачей в Париже и Лондоне. Бедному Ротшильду хотелось бежать ему на помощь, но что-то его удерживало. Страх ли, расчет ли? Наверно, и то и другое. Что он, безоружный,

беспомощный, может противопоставить этой огромной, пышущей ненавистью силе? Деревянную шайку? Березовый веник? Пар?

Почему, терзал он себя несправедливым вопросом, Г-сподь Б-г устроил так, что там, где богатые, там непременно и нищие, там, где свои, там обязательно и чужие, там, где сильные, там по Его воле и слабые? Разве Он не мог всех одинаково оделить и породнить, чтобы всюду были одни богатые, одни сильные и чтобы во всех странах все – литовцы и русские, немцы и евреи, французы и англичане – были не дальними, а близкими родственниками? Создатель, если Он и впрямь существует, должен бы одарить мир таким чудом, и тогда, может быть, на свете никогда не было бы и никакой розни и никакой вражды между теми, кого Он для родства создал.

Бедный Ротшильд несколько не удивился, когда вечером того же треснувшего, как стекло от орудийного грохота, дня во двор бани вкатили победные мотоциклы с колясками, груженные какими-то узлами. Еще аптекарь Залман Амстердамский рассказывал, что немцы в каждом городе и в каждом местечке сгоняют всех евреев в одно место, выводят за город и расстреливают. Вот, наверно, настал и его черед.

– Bist du hier der Hausherr? («Ты здесь хозяин?») – спросил у Ицика розовощекий, с пухлыми девичьими губами, немец, видно, ефрейтор, явно гордившийся своим чином.

– Их, – сказал на идише банщик, напуганный и сбитый с толку неожиданным появлением немцев.

– Wie heisst du? («Как тебя зовут?») –

– Ицик.

– Familienname? («Фамилия?») –

Ицик замешкался. Он не понимал, зачем им понадобились все эти ненужные подробности, ведь для них у всех евреев только одна обвинительная фамилия – юде, но без колебания, чуть ли не с гордостью ответил:

– Ротшильд!

– Habt ihr gehoert, Leute? («Слышали, ребята?») – задорно обратился он к своим сослуживцам. – Direkt phantastisch! Holt nun aus euren Buendeln die Waesche heraus, die ihr mitgenommen habt! Herr Rotshild persoanlich fuer uns, deutsche Soldaten, den Dampfbad heizen. Wir werden uns im Dampfbad zur Genuege amuesieren, damit wir den Staub der verflixten litauschen Strassen loswerden. («Это просто невероятно! А ну-ка доставайте из своих узлов сменное белье! Герр Ротшильд, сам герр Ротшильд нам, немецким солдатам, баню натопит, и мы смоём с себя пыль этих проклятых литовских дорог».)

Ицик был уверен в том, что после того, как солдаты смоют с себя боевую пыль треклятых литовских дорог, они выведут его в густой ельничек за банькой и в знак благодарности за горячий пар весело пристрелят.

– Beeile dich! Von diesem Staedtchen muessen wir bis nach Moskau noch eine ganze Strecke trampeln! («Поторопись! Нам еще от вашего местечка до Москвы топать и топать!») – сказал с дружелюбной, словно приклеенной к розовым щекам улыбкой ефрейтор.

– Я только воды принесу... Воды нужно много... Какая баня без воды? Он Вассер из а Бод нит кейн Бод, – закончил он на идише.

– Ja, ja, herr Rotshild! Eine Dampfbad ohne Wasser ist doch keinen Groschen wert! («Да, да, герр Ротшильд! Баня без воды и гроша не стоит!») – хором согласились победители.

Бедный Ротшильд снял с гвоздя коромысло, поддел ведра, перекинул через плечо и зашагал к реке.

Вилия, как и время, спокойно текла в вечность, и ее струи переливались в сумерках расплавленным серебром.

Где-то над лесом жалобно прокричала заблудившаяся птица, и Бедный Ротшильд взглядом благословил ее полет.

Ицик зачерпнул полные ведра воды, поправил сползавшее коромысло, но не повернул ни к родной хате, где просвиристело его безмятежное детство и пролетела юность; ни к деревянной баньке, где со сменным бельем его ждали немцы, измотанные треклятыми литовскими дорогами, а вошел с полными ведрами в реку, в ее тихий и загадочный поток.

Он входил в нее все глубже и глубже, не сбрасывая с плеч коромысла и медленно приближаясь к стремнине, пока любезный сердцу звездный небосвод-родственник во всю ширь не распластался над ним; пока не сомкнулись над ним переливающиеся расплавленным серебром воды-родственники; пока заблудшая птица-

родственница не накрыла его своими черными, неистовыми крыльями и трижды в сумерках жалобно не прокричала:

– Бедный Ротшильд! Бедный Ротшильд! Бедный Ротшильд!

ЗАВИСТЬ, ИЛИ ИДИШ В АМЕРИКЕ

לַיִשׁ אֲדֹעֵי יִצְעֵר

Окончание. Начало в № 8, 9, 2008

Снова ложь. К ребенку и близко никогда. Ложь – она как витамин, она все укрепляет. Только в дверь смотрел, смотрел. Светящееся лицо – пылающее пламенем. Или проверял, как знает формы глаголов: паал, нифал, пиэл, пуал, ифил, уфал, испаел. Днем приходил учитель латыни, Эдельштейн, притулившись за порогом, слышал его, mei, mihi, me, me^[1]. Чудесный заморский распев в нос, для богатых. Латынь! Оскверненная губами идолопоклонников. Семейство вероотступников. Эдельштейн с отцом брали их кофе и хлеб, а так жили на вареных яйцах: однажды старший Кириллов привел домой машгиаха^[2] из еврейского приюта, чтобы тот подтвердил, что кухня для слуг чистая, но для отца Эдельштейна весь дом был трейф^[3], да и сам машгиах – подставной, нанятый. Кто будет надзирать над надзирающим? У Кирилловых с их лживым именем главным надзирающим были деньги: они за всем надзирают, все узревают. Хотя и у них был свой особый талант. К механике. Алексей И. Кириллов, инженер. Мосты, башни. Консультант в Каире. Строил Асуанскую плотину, помогал фараону возводить последнюю из пирамид. Так расфантазироваться по поводу важного советского спеца... Алексей, бедный мальчуган, Авремеле, я поставлю под угрозу твое положение, тебя, погибшего в Бабьем Яре.

Только сосредоточься! Герш! Потомок Виленского гаона. Гений рассудительности! Обрати внимание!

Он написал:

Поступь – подскоки, прихрамывание – у идиша совсем не та, что у английского. Для переводчика это, наверное, сплошная головная боль. В идише используешь куда больше слов, чем в английском. Никто этому не верит, но это так. Еще одна проблема – форма. Нынешние, современные, берут старые формы и наполняют их издевкой, любовью, переживаниями, сатирой и т. д. Сплошная игра. Но все те же старые формы, условность, сохранившаяся аж с прошлого века. Неважно, кто из гордости отрицает это: тем не менее это правда. Изливай потоки символизма, импрессионизма, будь сложен, будь изыскан, будь смел, рискуй, хоть зубы обломай – что бы ты ни делал, все это на идише. На маме лошн не напишешь «Бесплодной земли»^[4]. Никакого тебе остранения, ни нигилизма, ни дадаизма. Страдание страданием, но ничего не менять. Ничего бессвязного! Не забывайте об этом, Ханна, если рассчитываете на успех. И еще, помните, когда гой из Коламбуса, штат Огайо, говорит «Илья-пророк», он говорит не об Элиёу а-нови^[5]. Элиёу – один из нас, фолксмен^[6], ходит рядом в поношенной одежде. А их – кто знает, кто он такой? Тот же библейский персонаж, с той же самой историей, но когда он получает имя из Библии короля Якова^[7], это совсем другая личность. Жизнь, история, надежда, трагедия – они все выходят по-разному. Они говорят о библейских землях, а для нас это Эрец-Исроэл. Такая беда.

Он вдруг стукнулся о будку. Телефон! На углу, на улице. Дверь, заваленная снегом, поддалась с трудом. Он протиснулся внутрь. Не пальцы – палки. Ладно блокнот, он даже не помнил, где бумажник. В пальто? В пиджаке? В брюках? Одной палкой он набрал номер Воровского, по памяти.

– Алло, Хаим?

– Это Островер.

– Островер? С какой стати Островер? Что ты там делаешь? Мне нужен Воровский.

– Кто говорит?

– Эдельштейн.

– Я так и подумал. Ты что, меня преследуешь? За такие шуточки я мог бы тебя за решетку посадить...

– Быстро дай мне Воровского.

– Я тебе дам.

– Воровского дома нет?

– Откуда мне знать, есть он дома или нет? В такую рань иди и сам Воровского спрашивай.

Эдельштейн похолодел.

– Я набрал не тот номер.

– Гершеле, хочешь дружеского совета, послушай меня. Я могу найти тебе работу в шикарных загородных клубах, в том числе и в Майами, штат Флорида, будешь читать кучу лекций на свой манер, только им нужны нормальные лекторы, а не психи. Если будешь вести себя так, как сегодня, потеряешь и то, что имеешь.

– Я ничего не имею.

– Эдельштейн, прими жизнь, какая есть.

– Спасибо за науку, мертвец!

– Вчера мне позвонили из Голливуда, там снимают фильм по одному моему рассказу. Так что ты мне не рассказывай, кто из нас мертвец.

– Щенок на руке чревоуцателя! Деревяшка. Язык не твой, а на руке мертвая кукла.

– Умник, ты что, хочешь, чтобы снимали кино на идише?

– В Талмуде сказано, спасти одну жизнь – это все равно что спасти весь мир. А если спасти язык? Выходит, множество миров. Галактики. Всю Вселенную.

– Гершеле, что бы Б-гу евреев не завести Себе сына, это занятие как раз по тебе.

– Вместо этого я буду статистом в твоём фильме. Если штетл будут снимать в Канзасе, вышли мне деньги на дорогу. Приеду, буду обеспечивать местный колорит. Надену штраймл^[8], пусть люди посмотрят на настоящего еврея. А накинете десятку, так и на маме лошн поговорю.

Островер сказал:

– На каком языке ты будешь говорить, неважно, зависть на всех языках говорит одинаково.

Эдельштейн сказал:

– Был некогда один призрак, он думал, что все еще жив. Знаешь, что с ним случилось? Как-то утром он встал, начал бриться и порезался. А крови не было. Ни капли. Он все равно не поверил и посмотрелся в зеркало. Он в нем не отражался, его там не было. Но он так и не поверил и начал кричать, только звука не было, вообще никакого...

Из телефона не доносилось ни звука. Трубка повисла, раскачиваясь из стороны в сторону.

Он стал искать записную книжку. Внимательно осмотрел себя: в отвороты на брюках иногда падает что-то нужное. Номер выпал из его тела. Соскользнул с кожи. Воровский был нужен ему, потому что была нужна Ханна. Может, стоит позвонить Баумцвейгу, узнать номер Воровского, Пола его найдет – номер Баумцвейга он знал наизусть, тут уж ошибки быть не может. Он точно определил, что ему нужно. Свенгали, Пигмалион, Распутин, доктор (шутки в сторону) Франкенштейн. Что нужно, чтобы стать переводчиком? Вторичное занятие. Паразитическое. Но создание получается твоё. Взять эту девочку, Ханну, обучить её. Чтобы принадлежала ему одному. Да, родилась в Америке, но у неё перед ним преимущества – по-английски щебечет дай Б-г как; к тому же она может читать написанное им в оригинале. Племянница покоренного разума, и все же гены – это Б-г и есть, а раз Воровский имеет какую ни на есть склонность к переводу, как знать, может, и племянница... Или вот ещё одна. Из России. Та, из Советского Союза, что написала пару строф на идише. На идише! И ей всего двадцать. Родилась в 1948-м, в тот самый год, когда готовили «дело врачей», и Сталин убивал еврея за евреем: Маркиш, Квитко, Кушниров, Гофштейн, Михоэлс, Зускин, Бергельсон, Фефер, Гродзенский^[9] с деревянной ногой. Всех уничтожили. Как выжил идиш на устах этой девочки? Возвращен тайком. Кто учил – одержимый дедушка, свихнувшийся дядя – марраны^[10]. Стихотворение, говорят, перепечатали на Западе. (Запад! Если еврей говорит «Запад», это полная ахинея. В этой сумятице – где запад, где восток? Цветочки, голубое небо, она ждет конца зимы – очень мило. Ноль без палочки, а из неё вундеркинда делают. Из ряда вон! Чудо! Потому что сочинено на утраченном языке. Это как если бы неаполитанский карапуз залепетал на латыни. Нет, не то же. Просто стишки. Смерть дарует благоговение. Русский язык – богатый, прямой. Густой язык, мировой язык. Он представил, как его перевела на русский, тайком, дочь марранов. Как его распространяют в машинописи, подпольно, и читают, читают!

Поймите, Ханна, то, что наш бесценный язык получен от чужаков, ровно ничего не значит. 90 процентов немецких корней, 10 процентов славянских, это дела не меняет. Иврит принимают как должное безо всяких процентов. Мы – народ, который всегда умел выковать язык нужды из языка необходимости. Мы сами себя считаем ученым народом, но это по большей части одни слова. На самом деле мы сброд рабочего народа, трудяг, дровосеков – уж вы мне поверьте. Лейвик¹¹¹, наш главный поэт, был маляром. Сегодня все фармацевты, юристы, бухгалтеры, но поскреби любого юриста, и окажется, что дед его работал на лесопилке. Вот как все у нас обстоит. Нынче еврей все позабыл, у каждого есть профессия, любой еврейский мальчишка – профессор: справедливость сейчас не ко времени. Большинство не понимает, что это затишье ненадолго. У нас всегда, как в вагнеровских бурях, есть интерлюдии-передышки. Итак... Некогда мы были рабами, теперь свободные люди, но не забывайте хлеб изгнания. Только не забывайте. Кто кричит «Справедливости!», тот раб, получивший свободу. Кто почитает труд – тот раб, получивший свободу. Вот отчего идишскую литературу обвиняют в сентиментальности. Хорошо, пусть так. Карлик, что горбатится за швейной машинкой, может позволить себе расслабиться сердцем. Возвращаюсь к Лейвику. Он умел клеить обои. Я как-то жил в комнате, которую он обклеил желтыми обоями с виноградными лозами. Это было на Ратжержс-стрит. Сработано на совесть, не пузырятся, не отклеиваются. И это сделал поэт с мрачным складом ума. Мани-Лейб чинил обувь. Мойше-Лейб Гальперн работал официантом, был мастером на все руки. Я мог бы назвать вам имена двадцати поэтов высокого полета, которые работали механиками, гладильщиками, раскройщиками. Мани-Лейб не только обувь чинил, он и в прачечной работал. Только умоляю, не сочтите, что я проповедую социализм. По мне, политика – дерьмо. Я о другом: работа есть работа, мысль есть мысль. Политика, в особенности социализм, пытается это смешать в одно. Язык людей, попавших в тяжкие условия, работает по законам чистоты, отделяя призванных от непосвященных. Помню, был у меня один учитель. Он каждый день проводил переключку и в налоговой декларации указывал это как род занятий – чтобы не считали, будто ему платят за преподавание Торы. Это при том, что все его пять учеников жили у него в доме и его жена их кормила. Хотите, назовите это буквоедством, но это та буква, которая отличает необходимое от нужного. Люди, которые считают, что в идише, как им нравится говорить, «много чего намешано», и что в идишкайте присутствие Завета, благочестия чувствуется в обыденных вещах, в обыденных словах, заблуждаются или обманываются. Раб точно знает, когда он принадлежит Б-гу, а когда – угнетателю. Освобожденный раб, не утративший памяти, не забывший, как он сам был артефактом, точно знает разницу между Б-гом и артефактом. Язык тоже знает, кому когда он служит. Я совсем продрог. Надеюсь, Вы понимаете, что, когда я говорю «освобожденный», я имею в виду самоосвобождение. Моисей – не Линкольн и не Франц Йосиф. Идиш – язык самоэмансипации. Теодор Герцль¹¹² писал по-немецки, но его слово распространялось на

маме лошн – мой Б-г, как холодно. Естественно, важно держаться за то, что ты выучил, будучи рабом, в том числе и за язык, не говорить на их языке, иначе станешь как они, будешь, как они, путать Б-га и артефакт, а затем, как они, войдешь во вкус и тоже будешь делать рабами себя и других.

Раб риторики! Эта опасность подстерегает всегда, когда служит музой Б-г. Философы, мыслители – все прокляты. Поэтам лучше: большинство из них греки и язычники, верят разве что в природу, в камни, звезды, тело. Это камера, клетка. Островер уже приговорил его к тюрьме, к келье в заснеженной долине. Белый листок – что-то белое – на полу. Эдельштейн нагнулся за ним и ударился подбородком. За мутным стеклом двери из мглы вставало утро. На листке было написано:

«Все мы люди, но некоторым людям лучше сдохнуть».

Думаете так же?

Тогда звоните TR 5-2530, и вы узнаете,

Выживете ли вы

В недорогой пятидневке для избранных,

Предложенной Христом

«Искусство френологии»

Приобщайтесь бесплатно (атеистам и психам просьба не беспокоить. Мы занимаемся истинно научной духовной социологией).

Спросите Розу или Лу

Мы вас любим

Он был тронут, заинтересован, но как-то вчуже. Холод обжигал по-новому: тело было светящейся пустотой – избавлено от органов, очищено от шлаков, стеклянный сосуд, освещенный изнутри. Прозрачная чаша. Из мелочи были только две монеты в пять и десять центов. На десятицентовик можно было набрать TR 5-2530, получить совет, достойный его чистоты и прозрачности. Розу или Лу. Над их любовью не хотелось смеяться. Как многолико и разнообразно человеческое воображение. Манила простота восхождения, он, если такое возможно, был готов воспарить, но значения этому не придавал. Ученики ребе Мойше из Кобрина тоже не придавали значения подвигам, опровергающим природу, они не трепетали перед учителем, когда он парил в воздухе, а

вот когда спал – чудо его дыхания, его сердцебиения! Он, пошатываясь, выбрался из телефонной будки на набравший силу дневной свет. Один ботинок увяз в сугробе. Змея тоже преуспевает без ног, и он отбросил свои и пополз вперед. Руки, в особенности ладони и пальцы, – соратников ума терять было жалко. Он знал свои глаза, свой язык, свои пылающие чресла. И снова накатило искушение вознестись. Холм был крут. Он обхитрил его – пробрался сквозь, пробуравил сугроб. И тут захотел встать, но без ног не сумел. Он, не торопясь, приподнялся. Ровно настолько, чтобы увидеть заметенные снегом тротуары, заваленные сугробами сточные канавы и ступени, начало рабочего дня. Наплывающий свет. Из здания выскочил швейцар в меховых наушниках – он тащил за собой, как тележку, лопату. Эдельштейн увяз в сугробе на уровне его плеч. Он смотрел, как лопата вгрызается в снег, входит все глубже, но дна не было, земля потеряла основание.

Его накрыло черное крыло. Он подумал, что так, надвигаясь, слепит смерть, но это был всего лишь навес.

Швейцар копал под навесом; под навесом Эдельштейн пил вино – словно на собственной свадьбе, и навес укрывал запотевшие очки в золотой оправе, его ослепило покрывало Миреле. Шесты держали четверо: почтальон – кузен жены, его собственный двоюродный брат-аптекарь и двое поэтов. Первый поэт – нищий, живший на благотворительные средства, Баумцвейг; второй, Сильверман, продавал дамские эластичные чулки, от варикоза. Почтальон и аптекарь оба были живы, только один ушел на пенсию. Поэты стали призраками, Баумцвейг, чесавшийся во сне, тоже был призраком, Сильверман давно умер – лет двадцать назад, его называли лиделе-шрайбер^[13], он писал для эстрады, «Песня третьему классу»: «Третий, третий класс, я помню эти толпы, помню тряпье, которым мы укрывались, мы его скинули, когда заметили берег, – думали, что родимся заново, войдя в золотые ворота». Даже на Второй авеню 1905 год был позавчерашним днем, но на этой песенке шоу прерывалось – восторги, вызовы на бис, слезы, крики. Золотые тротуары. Америка-невеста, под шикарным платьем – ничего. Бедный Сильверман, влюбленный во вскинутую руку Статуи Свободы, что он сделал в жизни, кроме как подержал шест на бесплодной, не давшей потомства свадьбе.

Швейцар раскопал скульптуру – урну с каменным венком.

Эдельштейн взглянул из-под навеса, узнал. В песке, в окурках полуобнаженный ангел верхом на венке. Однажды Эдельштейн обнаружил в венке презерватив. Нашел! Это дом Воровского. Б-га нет, но кто его привел сюда, как не Владыка Вселенной? Не так уж плохо, в конце концов, он может найти дорогу даже в метель, мастер – отличает один квартал от другого в этом разоренном мире.

Он нес ботинок к лифту как младенца, сироту, искупление. Он мог даже ботинок поцеловать.

В коридоре смех, шумит вода в толчках; пронзил запах кофе.

Он позвонил.

За дверь Воровского – смех, смех!

Никто не вышел.

Он снова позвонил. Никого. Он заколотил в дверь.

– Хаим, старый псих, открывай! – Никого. – С холоду помираю, а ты не открываешь! Давай, поторапливайся, я окоченел, хочешь, чтобы я у тебя на пороге окочурился? Имей сострадание! Жалость! Открой!

Никто не вышел.

Он слушал смех. В нем был свой характер, точнее, метод: некий закон, скорее физики, нежели музыки, по которому он то вздымал, то откатывал. Внутри этой формы лай, вой, собаки, волки, дикая природа. Стоит испугаться – разверзается пропасть. Он вдарил ботинком по дверной ручке – как молотом по наковальне. Бил и бил. Давил как айсберг.

Дверная панель у ручки прогнулась и треснула. Не по его вине. Кто-то с той стороны не мог справиться с замком.

Слышал он Воровского, а увидел Ханну.

– Что надо? – сказала она.

– Вы меня не помните? Я тот, кто вечером читал вам свои старые стихи, был поблизости, зашел к вашему дяде...

– Он болен.

– У него припадок?

– Всю ночь. Я здесь всю ночь сижу. Всю ночь...

– Впустите меня.

– Прошу вас, уходите. Я же вам сказала.

– Впустите. Что с вами такое? Я сам болен, я умираю от холода. Эй, Хаим! Ненормальный, давай, прекращай!

Воровский лежал на полу, на животе, затолкав в рот вместо камня подушку, бился об нее головой, но без толку – хохот сотрясал подушку и рвался наружу, но не сдавленный, а набравший мрачной силы. Хохоча, он сказал:

– Ханна! – и продолжал хохотать.

Эдельштейн взял стул, пододвинул к Воровскому, сел. Комната воняла, как отхожее место в подземке.

– Прекрати! – сказал он.

Воровский хохотал.

– Ну и ладно, веселись, давай, радуйся. Ты в тепле, а я намерзся. Деточка, имей сострадание – чаю мне. Ханна... Вскипяти как следует. От меня куски отваливаются. – Он услышал, что говорит на идише, и начал заново – для нее. – Извините. Прошу прощения. Я не прав. Я заблудился, искал и вот вас нашел. Извините.

– Неподходящее время для визита, вот и все.

– И дяде чаю принесите.

– Он не может пить.

– А вдруг сможет, пусть попробует. Кто так смеется, готов к пиршеству – фланкен, цимис, росселфлейш^[14]... – И сказал на идише: – В грядущем мире люди будут танцевать на празднике, везде будут смех и радость. Когда придет Мессия, люди будут так смеяться.

Воровский расхохотался, сказал: «Мессия» и вгрызся в подушку. Лицо у него было насквозь мокрое: слезы катились со щек в глаза, по лбу, вокруг ушей стояли озерца слюны. Он плевался, плакал, задыхался от хохота, снова хватал ртом воздух, рыдал, отплевывался. Глаза в красных прожилках, белки сверкают, как разверстые раны, даже шляпу не снял. Он хохотал, хохотал без удержу. Брюки мокрые, ширинка расстегнута, оттуда нет-нет да и сочится струйка. Увидев чай, он выпустил подушку, рискнул пригубить, вернее, лизнул, как зверь, в надежде – на третьем глотке подкатила рвота, он хохотал между ее спазмами, все хохотал, и от него воняло клоакой.

Эдельштейн наслаждался чаем, чай пробирал насквозь, будоражил нутро куда больше, чем кофе, которым пропах коридор. Он хвалил себя без злобы, без горечи: верх рассудительности! Оттаяв, он сказал:

– Дайте ему шнапс, шнапс-то он наверняка удержит.

– Уже пил, его вырвало.

– Хаим, бедненький, – сказал Эдельштейн, – с чего ты так завелся? Это я. Я там был. Я сказал про это – про могилы, про дым. Я ответственный. Смерть. Смерть, это я это сказал. Над смертью смеешься – значит, не трус.

– Если хотите поговорить с дядей про дела, приходите в другой раз.

– Про смерть – это про дела?

Он оглядел ее. Родилась в 1945–м, во времена лагерей смерти. Не из избранных. Непрошибаемая. В ней эта непрошибаемость, под которой он подразумевал все американское, глубоко засела. И все равно, измученное дитя, заблудшая овца, удивительная девочка – всю ночь просидела с безумцем.

– Где твоя мать? – спросил он. – Почему не пришла присмотреть за братом? Почему все валится на тебя? Ты должна быть свободна, у тебя своя жизнь.

– Что вы знаете про семьи?

Она попала в точку: ни матери, ни отца, ни жены, ни ребенка – откуда ему знать про семьи? Он – отрезанный ломоть, выжил.

– Я знаю твоего дядю, – сказал он, но без особой убежденности: прежде всего Воровский был человек воспитанный. – Когда дядя в себе, он не хочет, чтобы ты страдала.

Воровский сказал сквозь смех:

– Страдала...

– Ему нравится страдать. Он хочет страдать. Он превозносит страдание. Вы все хотите страдать.

Заколело, задергало: у Эдельштейна горели пальцы. Он провел рукой по горячей чашке. Пальцы ощущали тепло.

– Вы все? – переспросил он.

– Вы, евреи.

– Ага! Хаим, слышишь? Твоя племянница Ханна, она уже по ту сторону, хоть и знает маме лошн. Всего через поколение, и уже «вы, евреи». Тебе не нравится страдание? Может, хоть уважение к нему есть?

– Это ни к чему.

– А то, что это история? История тоже ни к чему?

– История – это пустая трата времени.

Америка, полая невеста. Эдельштейн сказал:

– Насчет дел ты права. Я пришел по делу. Дело мое – пустая трата времени.

Воровский сказал, смеясь:

– Гершеле – жаба, жаба, жаба.

– При вас ему стало хуже, – сказала Ханна. – Скажите, что вам нужно, я передам.

– Он не глухой.

– Он потом ничего не помнит.

– Мне нечего ему передать.

– Тогда что вам от него нужно?

– Ничего. Мне от тебя нужно.

– Жаба-жаба-жаба-жаба....

Эдельштейн допил чай, поставил чашку на пол и впервые оглядел квартиру Воровского: прежде Воровский его к себе не пускал. Одна комната, за пластиковой занавеской плита с раковиной, книжные полки, заваленные не книгами, а стопками журналов, заляпанный стол, диван-кровать, письменный стол, шесть табуреток, а вдоль

стен семьдесят пять картонных коробок, где, как Эдельштейну было известно, пылились две тысячи экземпляров словаря Воровского. Бедняга Воровский, поругался с издателем, и тот всучил ему половину тиража. Воровскому пришлось заплатить за две тысячи Немецко-английских математических словарей, и теперь он был вынужден сам ими торговать, но он не знал, что ему делать и как. Ему выпало поглотить то, что он изверг. Из-за провала в бизнесе он располагал своей жизнью, пусть он был раб, но невидимый – этого у него никто не отнимет. Голодная змея вынуждена пожирать себя с хвоста до головы, пока не исчезнет.

Ханна сказала:

– Что я могу для вас сделать... – сказала, не спросила.

– Снова «для вас». Отъединение, разделение. Я одного прошу: забудьте про «вас», забудьте про «меня». Мы пойдем друг друга, мы поладим.

Она нагнулась взять его чашку, и он увидел ее сапожок. Сапожок его испугал. Он сказал тихо, ласково:

– Слушай, твой дядя говорит, ты одна из нас. «Из нас» – в смысле, из писателей. Так?

– «Из нас» для вас – «из евреев».

– А ты не еврейка, мейделе?^[15]

– Еврейка, да не та.

– А что, есть евреи те и не те? Хорошие, плохие, старые, новые...

– Старые и новые.

– Ну хорошо! Пусть будут старые и новые, вот и отлично, разумное начало. Пусть старые работают с новыми. Слушай, мне нужен напарник. Даже не напарник, все куда проще. Мне нужен переводчик.

– Мой дядя, переводчик, нынче нездоров.

Тут Эдельштейн вдруг понял, что ненавидит иронию.

– Не твой дядя! – завопил он. – Ты! Ты!

Воровский, подвывая, подполз к коробкам и заколотил по ним голыми пятками. Хохотать он стал иначе – не театрально, а как в театре – он развлекался, забавлялся, и клоуны маршировали у него между ног.

– Ты спасешь идиш, – сказал Эдельштейн, – ты будешь как Мессия для целого поколения, для целой литературы, разумеется, тебе придется потрудиться, попрактиковаться, тут нужны знания, нужен дар, надо быть гением, прирожденным поэтом...

Ханна ушла в своих сапожках с его грязной чашкой. Он услышал, как за занавеской потекла вода. Она вышла из-за занавески и сказала:

– Вы старики!

– Страницы Островера ты осыпашь поцелуями!

– Вы – старые ревнивцы из гетто, – сказала она.

– А Островер молодой, он – юный принц? Слушай! Ты не понимаешь, ты не улавливаешь – переведи меня, выведи меня из гетто, моя жизнь на тебе!

Ее голос был как удар хлыста.

– Кровососы, – сказала она. – Вам не переводчик нужен, а чужая душа. Вас придавила история – она высосала вашу кровь, вам нужно, чтобы кто-то вас высвободил, диббук...

– Диббук! Островеровское словечко. Будь по-твоему, мне нужен диббук, я стану големом, ну и пусть, плевать! Вдохни в меня жизнь! Оживи меня! Без тебя я – сосуд скудельный! – И завопил в тоске: – Переведи меня!

Клоуны бежали по заколдованному животу Воровского.

Ханна сказала:

– Думаете, я читаю Островера в переводе? Как бы не так! Думаете, переводы хоть как-то передают, что такое Островер?

– Кто учил тебя читать на идише? – набросился на нее Эдельштейн. Такая девушка – знает буквы, ради которых стоит жить, и такая темная! «Вы все», «вы, евреи» – вы, вы, вы!

– Я научилась, меня дедушка научил, я за это не в ответе, я не напрашивалась, умненькая была, золотая голова – такая же, как сейчас. Но у меня своя жизнь, вы сами так

сказали, и я не хочу тратить ее попусту. Так что, мистер Вампир, усвойте: даже на идише Островер не в гетто. Даже на идише он не такой, как вы.

– Он не в гетто? Что за гетто, какое гетто? Так где же он? На небесах? В облаках? С ангелами? Где?

Она задумалась – умная девочка.

– В мире, – ответила она.

– На базаре. Торговка рыбой, кохлефл^[16], он каждой бочке затычка, тебе он – автограф, мне работу, он всех слушает.

– А вы все слушаете только себя.

Что-то из комнаты ушло.

Эдельштейн, сунув ногу в мокрый ботинок, сказал вслед:

– Значит, тебя это не интересует?

– Меня интересует только мощный поток, а не ваши болотца.

– Опять гетто. Из-за чего твой дядя воняет, из-за гетто? Воровский, окончивший в 1924 году Берлинский университет, воняет гетто? Я сам, написавший четыре Б-гом данные книги, которые никто не знает, воняю гетто? Б-г, что четыре тысячи лет, со времен Авраама, обретается с евреями, тоже воняет гетто?

– Риторика, – сказала Ханна. – Идишская литературщина. Вот ваш стиль.

– Один Островер не воняет гетто?

– Это вопрос видения.

– Говори лучше – видений. Он не знает реальности.

– Он знает реальность за гранью реализма.

– Детки американской литературы! А в вашем языке риторики нет? – взорвался Эдельштейн. – Очень хорошо, он всего достиг, Островер знает мир. Пантеист, язычник, гой!

– Вот именно. Попали в точку. Фрейдизм, юнгианство, чувственность. Никаких рассказиков про любовь. Он современен. Он говорит за всех.

– Ага! Знакомая песня. Он говорит за человечество? За человечество?

– За человечество, – сказала она.

– А за евреев говорить – это не то же самое, что говорить за человечество? Мы что – не люди? Мы что, стертые с лица земли? Мы разве не страдаем? В России нам разве дают жить? В Египте разве не хотят уничтожить?

– Странное, странное, – сказала она. – Мне больше всего нравятся черти. Они не думают только о себе, и они не страдают.

Внезапно, взглянув на Ханну – Г-споди, он, старик, смотрит на ее гибкую талию, под которой спрятано яблочко ее утробы, – внезапно, вдруг, в одно мгновение он впал в хаос, в транс правды, реальности: неужели такое возможно? Он увидел, как все чудесным, благословенным образом перевернулось – все было просто, четко, понятно, истинно. Понял он следующее – гетто было настоящим миром, а внешний мир был всего лишь гетто. Потому что в действительности кто был исключен? Кто в таком случае действительно похоронен, убит, скрыт во тьме? Кому, на каком малом пространстве Б-г предлагал Синай? Кто хранил Тераху¹¹⁷ и кто шел вслед за Авраамом? В Талмуде объясняется, что, когда евреи отправились в изгнание, в изгнание отправился и Г-сподь. Быть может, реальный мир – это Бабий Яр, а Киев с немецкими игрушками, Нью-Йорк с его запредельной интеллектуальностью – это все вымысел, фантазия. Нереальность.

Морок! Он был такой же, всю жизнь был такой же, как эта вредоносная темная девица: он жаждал мифологий, призраков, зверей, голосов. Западная цивилизация – его тайный грех, ему было стыдно того, как билась в нем любовь к себе, усугубленная его самососредоточенностью. Алексей со страстно полыхавшей кожей, его грузовички и паровозики! Он жаждал быть Алексеем. Алексеем с немецкими игрушками и латынью! Алексеем, которому судьбой было предназначено вырваться в свободный мир, бежать из гетто, дорасти до инженера при западной цивилизации! Алексей, я покидаю тебя! Я дома только в тюрьме, история – моя тюрьма, враг – мой дом, ты только послушай, допустим, окажется, что судьба евреев – в просторах, открытости, вечности, а западная цивилизация обречена увянуть, иссохнуть, ужаться до гетто мира, и что тогда будет с историей? Короли, парламенты – как насекомые, президенты – как паразиты, их религия – куколки в ряд, их живопись – копоть на стенах пещер, их поэзия – похоть: Авремеле, когда ты скатился с края врага в могилу, ты впервые очутился в реальности.

Ханне он сказал:

– Я не просил родиться там, где был идиш. Так мне было предназначено.

А имел в виду – так я был благословлен.

– Так храни это, – ответила она, – и не жалуйся.

В экстазе гнева он ударил ее по губам. Безумец снова разразился смехом. Только теперь стало понятно, что приступ смеха что-то остановило. Арфа-то умолкала. Пустоту заполнил кровавый хохот, ошметки чего-то красного в блевотине на подбородке Воровского, клоуны сбежали, шапка Воровского меховым пиком свесилась на грудь – он дошел, проваливался в бездну сна, он спал, дремал, из него извергался рокот, он икал, просыпался, смеялся, в нем поселилась тоска, и он продолжал то кемарить, то смеяться, и тоска не разжимала своей хватки.

Рука Эдельштейна, пухлая подушка ладони, запылала от нанесенного удара.

– Ты, – крикнул он, – ты и понятия не имеешь, кто ты есть! – В памяти всплыло, что мудрецы говорили про Иова, шелухой слетело с языка, никогда его не было, не существовало. – Ты не была рождена, ты не была создана! – вопил он. – Так я тебе скажу, мертвый человек тебе это говорит, у меня хотя бы была жизнь, я хотя бы что-то понимаю!

– Умрите, – сказала она, – умрите сейчас, вы, старики, чего вы ждете? Повисли у меня на шее, он, а теперь еще и ты, все вы паразиты, давайте, помирайте.

Ладонь горела, он впервые в жизни ударил дитя. И почувствовал себя отцом. Разверстый рот зиял. От злости, наперекор инстинкту, она даже не прикрыла синяк – он видел ее зубы, слегка наезжающие друг на друга, далекие от идеала – тоже уязвимые. Из носа от возмущения текло. Губа опухла.

– Забудь идиш! – орал он. – Сотри из памяти! Вырви с корнем! Пойди, сделай операцию на мозг! У тебя нет на него права, нет права ни на дядю, ни на деда! Перед тобой не было никого, ты не была рождена! Ты – из пустоты!

– Вы, старые атеисты, – ответно вскинулась она, – вы, старые, дохлые социалисты. Надоели! Надоели до смерти! Вы ненавидите чудеса, ненавидите воображение, вы разговариваете с Б-гом и ненавидите Его, презираете, надоедаете, завидуете, вы пожираете людей своей мерзкой старостью – вы каннибалы, вас не заботит ничья молодость, кроме вашей, но вам крышка, хоть другим шанс дайте!

Это его остановило. Он прислонился к дверному косяку.

– Шанс на что? Я тебе не дал шанса? Да такой бывает раз в жизни! Опубликоваться сейчас, в юности, в младенчестве, на заре жизни! Будь я переведен, я был бы знаменит, этого ты никак понять не можешь. Ханна, послушай, – сказал он ласково, вкрадчиво, уговаривал ее как отец дитя, – тебе вовсе необязательно любить мои стихи, разве я прошу тебя их любить? Я не прошу тебя их любить, не прошу их уважать. Человеку в моем возрасте кто нужен – возлюбленная или переводчик? Я что, одолжения прошу? Нет. Слушай, – вспомнил он, – я забыл сказать тебе одну вещь. Это деловое соглашение. Не более того. Деловое соглашение в чистом виде. Я тебе заплачу. Уж не подумала ли ты, избави Г-споди, что я тебе не заплачу?

Теперь она прикрыла рот. Он, к собственному удивлению, едва сдерживал слезы; ему было стыдно.

– Ханна, прошу тебя, скажи, сколько? Вот увидишь, я тебе заплачу. Купишь себе все, что пожелаешь. Платье, туфли... – Готеню^[18], что нужно этакому дикому зверю? – Купишь себе еще сапожки, любые, какие понравятся, книги, всё... – И твердо подытожил: – Ты получишь от меня деньги.

– Нет, – сказала она, – нет.

– Прошу тебя! Что со мной будет? Что не так? Мои мысли недостаточно хороши? Кто тебя просит верить в то, во что верю я? Я старый человек, отживший свой век, мне больше нечего сказать, все, что я говорил, было подражанием. Я когда-то Уолта Уитмена любил. И Джона Донна. Поэты, мастера. А у нас, у нас-то что есть? Идишский Китс? Никогда... – Сгорая от стыда, он утирал обеими рукавами слезы. – Деловое соглашение, я тебе заплачу, – сказал он.

– Нет.

– Это из-за того, что я тебя ударил? Прости меня, я извиняюсь. Я псих куда хуже, чем он, меня запереть надо...

– Дело не в этом.

– Тогда в чем? Мейделе, ну почему? От тебя что, убудет? Помоги старику.

– Вы меня не интересуете, – горестно сказала она. – Я без интереса не могу.

– Понятно. Конечно... – Он посмотрел на Воровского. – Прощай, Хаим, привет тебе от Аристотеля. Человека от зверя отличает умение делать ха-ха-ха. Так что доброго вам утра, дамы и господа. Всего вам доброго. Чтоб тебе жить, Хаим, сто двадцать лет. Главное – здоровье.

На улице был ясный день, чай его согрел. Блестели дорога, тротуары. Дорожки пересекались в неожиданных местах, лязгали сани, торопливо шли люди. Аптека была открыта, и он зашел позвонить Баумцвейгу: набрал номер, но пропустил одну цифру, услышал железный, как бряцание оружия, шум, и пришлось набирать заново.

– Пола, – репетировал он, – я зайду ненадолго, ладно? Например, на завтрак.

Но тут он передумал и решил позвонить по номеру TR 5-2530. На другом конце провода должна была быть либо Роза, либо Лу. Эдельштейн сказал голосу евнуха:

– Я с вами согласен: кое-кому лучше сдохнуть. Фараону, королеве Изабелле, Аману, королю-погромщику Людовику, которого история называет Святым, Гитлеру, Сталину, Насеру...

– Вы еврей? – спросил голос. По выговору вроде южанин, но не негр – может, потому, что обученный, натасканный. – Примите Христа как Спасителя, и обретете возрожденный Иерусалим.

– Он у нас уже есть, – сказал Эдельштейн. Мешиахцайтн!^[19]

– Земной Иерусалим неважен. Земля – прах. Царство Б-жие – внутри. Христос освободил человека от иудейской исключительности.

– И кто кого исключил? – спросил Эдельштейн.

– Христианство – это универсализированный иудаизм. Христос – Моисей, доступный широким массам. Наш Б-г – Б-г любви, ваш Б-г – Б-г гнева. Вспомните, как Он оставил вас в Освенциме.

– Нас тогда не только Б-г оставил.

– Вы – трусливый народ, вы даже не пытались себя защитить. Заячьи души, вы даже оружия в руках держать не умеете.

– Вы об этом египтянам расскажите, – ответил Эдельштейн.

– Все, с кем вы вступаете в союз, становятся вашими врагами. Когда вы были в Европе, вас там ненавидели все народы. А когда отправились на Ближний Восток, чтобы подчинить арабов, вас возненавидели такие же, как вы, чернявые, ваши кровные родственнички. Вы всему человечеству как кость поперек горла.

– А кто на кости кидается? Одни собаки да крысы.

– И едите-то не по-человечески, так. Чтобы уж никакого удовольствия не получить. Отказываетесь варить ягненка в молоке матери его. Оплодотворенное яйцо в рот не возьмете – потому что в нем капелька крови. Вы распеваете песни, когда моете руки. Вы читаете молитвы на искаженном жаргоне, а не на прекрасном святом английском нашей Библии.

Эдельштейн сказал:

– Вот это точно, Иисус разговаривал на изысканном английском.

– Даже сейчас, прожив Б-г знает сколько лет в Америке, вы говорите с еврейским акцентом. Вы евреи, вы жидаы.

Эдельштейн завопил в телефон:

– Амалекитянин!^[20] Тит!^[21] Нацист! Вы разнесли эту заразу, антисемитизм, по всему миру! Кто наших детей развратил – вы, именно вы! Из-за вас я все потерял, жизнь потерял! Из-за вас у меня переводчика нет!

Ī ādāmā nāi āēēnēiā Āādū Ī dīdēiāē

^[1] Я, меня, мне, мной, обо мне (лат.).

^[2] Наблюдатель, контролер (иврит).

^[3] Трефной, некошерный (идиш).

^[4] В поэме Т.С. Элиота «Бесплодная земля» (1922) фрагментальные символические видения насыщены туманными аллегориями.

^[5] Пророк Илия (иврит).

^[6] Человек из народа (идиш).

^[7] Перевод Библии, сделанный в 1611 году. Самый распространенный перевод на английский.

^[8] меховая шапка, которую носят хасиды.

^[9] Арон Гродзенский, поэт и переводчик, погиб в 1941 году, во время оккупации литовского местечка Понары.

^[10] Марран по-испански – «свинья». Так с XV века правоверные иудеи называли своих соплеменников, которых вынудили принять христианство.

^[11] Г. Лейвик (псевдоним, настоящее имя Лейвик Гальперн; 1888–1962) – еврейский поэт и драматург, с 1913 года живший в США.

^[12] Теодор Герцль (1860–1904) – основатель сионизма.

^[13] Поэт-песенник (идиш).

^[14] Фляки, цимес, жаркое (идиш).

^[15] Девушка (идиш).

^[16] Кухарка (идиш).

^[17] Терах – отец Авраама.

^[18] Б-женька (идиш).

^[19] Времена Мессии (идиш).

^[20] Народ, в библейские времена враждовавший с иудеями.

^[21] Римский император Тит (39–81) разрушил Храм (70 год н. э.) и изгнал евреев с их земель.

НЕМОЙ МИНЬЯН

בְּאֵי אֲדִיאָא

Продолжение. Начало в № 9, 2008

МЕЧТЫ СТОЛЯРА

Столяра сильно огорчило то, что он не может взвалить на себя столько длинных досок, сколько ему хочет дать торговец лесом с Зареченской горы. «Ничего, я заявлюсь к нему второй раз. С лошастью и телегой», – утешал себя Эльюкум Пап. Он и так взвалил на себя больше досок, чем мог тащить, и чувствовал, что груз ломает ему плечи. Пот струился по его лбу и по затылку. Он стоял напротив открытой площадки перед мастерской своего старого знакомого Лейбеле Балтраманцера, каменотеса, делавшего надгробия. Каменотес бил молотком по долоту, обрабатывая камень, и удары гулко разносились в теплом, сухом воздухе. Пап поднялся до площадки, опустил доски на землю, утер рукавом пот с лица и попросил глоток воды. Каменотес оставил работу и ушел. Вскоре он вернулся, неся медную кружку с двумя ушками, до краев полную холодной воды.

– Такой еврей, как ты, отправляясь в дорогу, должен иметь во внутреннем кармане запечатанную бутылку с горькой каплей. Нет на свете ничего лучше, – сказал Лейбеле Балтраманцер, усаживаясь на перевернутый плоский камень и указывая столяру на камень по соседству. – Садись, Эльюкум. Поговорим.

Каменотес – невысокий еврейчик с жидковатой седой бородкой и большими тяжелыми руками. У него водянистые глаза и румяные, как яблоко, щеки, хотя он и стар. Его жена, старая еврейка с седыми растрепанными волосами, слывет злою и терпеть не может гостей. Каменотес тоже не слишком склонен водить дружбу. Все похороны проходят мимо его мастерской, а он даже не прерывает работы; он провожает тихие похороны гулками ударами своего молотка и долота. Но когда на его площадку, заваленную камнями, кто-то приходит, он любит поговорить.

Домишко Лейбеле Балтраманцера стоит в поле среди зелени, как насадка на грядке. Там крутится злая хозяйка с полными бидонами молочных продуктов у погребка под треугольной крышей с красным кафелем. Эльюкум Пап, приходя сюда, думает, что эта ведьма носит, конечно, полные бидоны сметаны. Ему бы тоже хотелось жить в чистом поле, в домике из свежих досок и чтобы Матля сбивала масло из молока собственной коровы. Почему нет? Летом он сидел бы в поле и видел бы над собой ясное голубое небо, которое тянется далеко-далеко. Эльюкум Пап смотрит напротив, через дорогу, где за заборами, среди густых старых лип, стоят деревянные дома со множеством окон и с большими крылечками, выкрашенными зеленой краской поверх красной и желтой. Торговец лесом Рахмиэл Севек тоже живет в таком барском доме с воротами и калиткой, и все же у него муторно на сердце, думает столяр и отвечает каменотесу:

– Я узнал, что у лесоторговца Рахмиэла Севека невестка из иноверцев, поэтому у него такая озабоченная физиономия. Но он мне очень нравится. Помимо этих досок он пообещал мне достать хорошее дерево для резьбы.

– Эльокум, ты не человек, – качает головой Лейбеле Балтраманцер. – Я могу еще понять, когда бросают работу и идут с приятелями выпить. Но баламутить, тратить время на то, чтобы вырезать из дерева львов? Эльокум, ты не человек.

Столяр не удивляется. Подобные речи он уже столько раз слышал от окружающих, что они больше не производят на него впечатления. Его гораздо больше интересует узнать, что написано вон на том надгробии. Он указывает пальцем на серый пятнистый камень с посеребренными буквами.

– А что там может быть написано? Там написано, что эта еврейка умерла, – отвечает Лейбеле Балтраманцер и неохотно отворачивается от надгробия. Эльокум Пап продолжает смотреть на расставленные и разложенные надгробные камни, долго и напряженно рассматривает их, пока наконец не приходит к выводу, что работа Лейбеле Балтраманцера ему не нравится и он даже знает почему.

На Зареченском кладбище можно увидеть надгробия со столбиками и с изображением рук, сложенных в благословении, – знак того, что покойный был коеном^[1]. Он видел даже камень с высеченной менорой^[2] и еще один камень с кистью винограда. Буквы там тоже большие и яркие, круглые, с коронами и рожками, как буквы в свитке Торы и даже еще красивее. Но на надгробиях Лейбеле Балтраманцера нет украшений. Буквы вырезаны в глубину, а не выпуклые; простые, четырехугольные, отесанные камни и точно такие же надписи – без завитушек и вензелей. Опять же сами надписи! На старых надгробиях много строк, в которых сообщается родословная покойного и кем он был, коеном или левитом. Потом рассказывается, чем занимался покойный и какие благодеяния совершил. Про женщину говорится, что она была либо женой раввина, либо женой богача, щедрого на пожертвования. Про мужчину сказано, что он был раввином и переписывал святые книги или купцом, который построил молельню. А на надгробиях Лейбеле Балтраманцера ничего не сказано, кроме того что человек родился и умер. А что посередине?

– Действительно, что тут посередине между рождением и смертью? Кроме хорошего глотка водки посередине ничего нет, – говорит каменотес и клянется добрым годом для себя самого, что много лжи написано на старых, Б-гобоязненных надгробиях с круглыми крышечками и выступающими или врезанными в камень буквами. На всех надгробиях и во все времена правдой являются только первые два слова: «здесь погребен». Они сообщают, что человек умер и здесь лежит в земле.

С минуту Лейбеле Балтраманцер молчит и дергает свою бородку. Затем он снова принимается говорить и заявляет, что если уж Эльокум испытывает такой телячий восторг перед красивыми надгробиями, то на христианском кладбище надгробия еще красивее, а вранья еще больше. Глядя на высеченного из камня белого ангела, который

стоит на коленях, сложив руки и закатив глаза, можно подумать, что дама, похороненная под ним, была большой скромницей. Но мы-то знаем, что она была за скромница! Лейбеле Балтраманцер кривит рот и рассказывает дальше, что он видел на христианском кладбище мужчину из бронзы, лежащего на спине и держащего в руках крест. Но мы-то знаем, что он был за святой! Лейбеле Балтраманцер снова кривит рот и рассказывает дальше, что он видел на христианском кладбище еще и голову генерала в высоком воротничке и с россыпью медалей на груди. Ниже на камне выбили целую повесть, сколько дедов с графскими титулами у него было и сколько героизма он проявил. А сколько смертоубийств он совершил, там писать не стали. Эх, лживый мир.

– Но ты же видишь! – восклицает Эльокум Пап. – И все-таки люди готовы платить целые состояния и даже отдать жизнь, лишь бы после смерти им поставили памятник. Что ты на это скажешь?

Лейбеле Балтраманцер смеется: так и есть! Но как бы высоки ни были памятники на христианском кладбище, деревья там еще выше и они заслоняют памятники. И даже если памятники стоят посреди города, прохожие взглянут на них один раз, два раза, самое большое три – и все. Люди любят смотреть на деревья, на реку, на играющих детей, на прыгающих жеребят. Смотреть на такие вещи никогда не надоедает. Но здоровенные каменные истуканы, эти големы посреди города, годятся только на то, чтобы их обделали птицы. Ну а надгробия на еврейском кладбище разве не зарастают мхом и не погружаются в землю? Они лежат криво и косо, с отвалившимися буквами, с пятнами ржавчины, никто на них и не смотрит. Так какая же покойным разница, останавливаются прочесть надписи на их надгробиях или не останавливаются? Они бы лучше хотели ходить, пусть на костылях, лишь бы ходить. А может быть, мертвые не хотели бы снова начать ту же игру, кто их там знает?! Ну а когда еврей заказывает надпись на рукомоинике или на мраморной доске, что он помог построить молельню, разве кто-нибудь смотрит на эту надпись? А если и прочитают имя дарителя, разве испытают при этом почтение? Эх, лживый мир.

– Тебя слишком уж занесло, – отвечает Эльокум Пап, наклоняясь, чтобы поднять доски. – Ты не уважаешь даже еврея, который строит молельню? Ведь когда человек умирает, ему засчитываются его добрые деяния.

Лейбеле Балтраманцер снова смеется и говорит, что он каждый день видит всякого рода людей, идущих в похоронной процессии, но как выглядят добрые деяния, сопровождающие усопшего, он до сих пор не видал. И чтобы ходили вырезанные из дерева львы, он тоже до сих пор не видел.

Столяр тарачит на него глаза и ничего не отвечает. Он медленно встает с досками на плечах. Каменотес тоже с кряхтением поднимается, завязывает потуже рабочий фартук и снова берется за молоток и долото. После отдыха и беседы его удары о камень звучат еще звонче. Он кричит столяру вдогонку:

– В следующий раз, когда отправишься в путь, не забудь захватить с собой запечатанную бутылочку водки. Четвертинку, брат, четвертинку.

Эльокум Пап с досками на плечах идет, склонив голову, и проклиная в душе каменотеса: экий еретик! Он небось еще и в воскрешение из мертвых не верит. Он ведь каждый день видит, как мимо него несут на Зареченское кладбище усопших, но не видит, чтобы покойники возвращались с кладбища. А раз мертвые не могут двигаться, то он, еретик, небось не верит, что они когда-нибудь встанут.

С болью в плечевых суставах, словно он их вывихнул, Эльокум едва дотащил доски до своей мастерской, перевел дыхание и уселся за стол, чтобы перекусить. Но едва он положил в рот первый кусок и зачерпнул деревянной ложкой холодные щавелевые щи, Матля тут же пристала к нему с упреками: у нее сегодня были соседки со двора Песелеса и устроили ей настоящий скандал. Они все время надеялись, говорят соседки, что, как только изучающие Тору в Немом миньяне переберутся в другие молельни, из Немого миньяна сделают квартиры для их женатых и замужних детей. А теперь, говорят они ей, когда ее муж разукрасит Немой миньян, туда сбежится еще больше просиживателей штанов и дармоедов. Мы вашего мужа, говорят они ей, забросаем протухшими куриными кишками, а вас в слюнях утопим.

– А что они еще сказали?

Эльокум смотрит на жену, стоящую напротив него с двумя бледными девочками, которые держатся за ее фартук, и с третьей девочкой на руках.

– Что я глупая баба, они сказали. Если ваш муж, говорят они мне, ремонтирует развалины, он уже мог бы отгородить квартиру для себя, чтобы вам не приходилось жить в подвале, а еще он мог бы отгородить квартиры для молодых пар со двора Песелеса. Двор отблагодарил бы вашего мужа за его работу, говорят они мне.

– Ты права, Матля, что не хочешь жить в подвале. Я тебе дам развод, и ты со своими мадамами сможешь перебраться во дворец графа Тышкевича.

От страха Матля потеряла дар речи, но Эльокум спокойно продолжал есть. Он выхлебал целых три глиняные миски щавелевых щей, забеленных сметаной, закусил жестким соленым сыром и розовым хлебом, пока не насытился и его настроение не улучшилось. Тогда он принялся успокаивать Матлю, что, если она не будет делать глупостей, он ее с тремя дочерьми не бросит. Он также рассказал о своем разговоре с каменотесом и посмеялся над ним: если бы Лейбеле Балтраманцер был мастером своего дела, он бы не сказал, что это лживый мир, и не вел бы еретических речей. Лейбеле Балтраманцер не ценит резных львов, потому что сам не великий резчик и резать не умеет. Матля слушала и молчала, словно пришибленная. Она боялась ему рассказать, что и над ним насмеялись жители двора Песелеса. Ваш муж резчик? Хромой сапожник ваш муж, неумеха, сказали они ей.

Оперев голову на руку, Эльокум Пап отдыхает. Он задремывает, фантазируя вслух о медных львах и оленях на большой, стопудовой люстре городской синагоги: вечером в праздник Симхас Тойра, когда зажигают все светильники на люстре и раскручивают ее на ее тяжелых цепях, она начинает вращаться вокруг своей оси, как карусель в цирке на рынке в Лукишках. В эту карусель впряжены фигурки лошадей, львов, слонов и оленей. На спины животных усаживают детей, и когда карусель раскручивается, кажется, что животные гонятся друг за другом. Точно так же выглядит, если позволительно такое сравнение, и большая зажженная люстра в городской синагоге.

Матля слушает и ничего не говорит. Она только думает, что чужих детей на спинах игрушечных животных в цирке он, ее муж, замечает, а своих собственных детей у ее фартука и малышку на руках – нет, потому что его голова забита деревянными львами.

Ī ādīāā nēēēōā Āāāēā ×ādīēīā

Ī dīāīēaeāī ēā nēāāōōō

[\[1\]](#) Потомком священников Иерусалимского Храма.

[\[2\]](#) Семисвечник.

АЛИК РИВИН

Ėāīēā Ėāōēñ

Имя этого поэта уже встречалось на страницах нашей антологии: мы приводили отрывки из поэмы Моисея Кульбака «Рейзн» («Белоруссия») в его переводе. И тогда же перепечатали из научного сборника, который вряд ли попался бы на глаза так называемому широкому читателю, сложное мессианское стихотворение Ривина, посвященное событиям месяца ав, когда мы отмечаем дату разрушения Иерусалимского Храма.

Ривин столь же притягателен и непонятен для публикаторов, как и его современники ОБЭРИУты – Хармс, Введенский или Олейников. А еврейские и тем более иудейские обертоны его творчества остались для них так же недоступны, как заумь. Между тем Ривин занимает в нашей антологии совершенно особое место. Ведь он не только переводчик сложных стихов Кульбака с идиша, но и сам, оказывается, еврейский поэт в самом что ни на есть прямом смысле.

Да и как иначе? Знавшие его люди рассказывали «характерный анекдот»: «Ривин приходит к Гуковским (семья выдающегося ленинградского филолога), садится на пол, держа двумя руками собственную ногу, и начинает петь еврейские псалмы. Когда его просят перестать, открывает один глаз и просит: “Дайте тимак (рубль)”. Когда ему дают рубль, начинает читать – частично петь – свои стихи». Те, кто хочет видеть и слышать, как

Эмма Сотникова, вспоминают: поэт, родом из Минска, «говорил с сильным еврейским акцентом, который можно расслышать в его стихах».

На наш взгляд, речь идет не об акценте, а о глубинном содержании поэзии Ривина. Ведь его стихотворение о месяце ав – мессианские чаяния евреев исполняются, а распятый Христос так и остается одиноко висеть на кресте собора – это прямое продолжение нечастой традиции еврейских антихристианских стихов Елизаветы Полонской начала 1920–х годов, которые уже вошли в нашу антологию.

У Полонской есть ставшие известными лишь недавно произведения о Палестине и Израиле, у Ривина – стихотворение о Вечном Жиде. И оно больше, чем что-либо, доказывает: это не просто еврейский акцент поэзии Ривина, а именно ее содержание. Ведь в одном относительно небольшом тексте поэт сумел отразить все возможные варианты еврейской судьбы: и скитания, и Вечного Жида, и сионизм. Не так уж много подобного рода произведений создавалось в СССР на русском языке.

Другое дело, что в 1930–х было принято писать стихи и поэмы об обратном движении евреев по маршруту «Палестина – Биробиджан». Тем интереснее воспоминание о том, что в тексте Ривина недостает, по крайней мере, одной строфы, посвященной оседлым евреям в СССР. Из нее приводят два стиха: «Там нам землю надо кохать, / Землю жадную, как змей». Не вдаваясь в анализ этого дополнения, заметим: для поэта, поющего еврейские псалмы, сочетание земли со змеем имеет явные библейские коннотации, далекие от апологии советского территориального проекта на Дальнем Востоке.

К глубокой еврейской образности, навеянной, возможно, и произведениями на идише Моисея Кульбака, и творениями немецких экспрессионистов, под воздействием которых находятся оба поэта, восходят замечательные стихи о еврейской судьбе: «Капитан, капитан, улыбнитесь, / Кус ин тохес – это флаг корабля». Тем, кто помнит мандельштамовский образ из «Шума времени», впрочем, вполне традиционный – еврейство как корабль в бурю, – стихи Ривина о капитане с их прямым идишским присловьем не покажутся странными или непонятными. А пророческие стихи Ривина «Вот придет война большая» не удивят своим провидческим пафосом.

Тамара Хмельницкая, сохранившая его произведения, тоже вспоминала о «тимаке», только без еврейских псалмов, однако дополняла портрет Ривина так: «Он демонстрировал свою ненормальность, заброшенность и неустроенность, танцуя на трамвайных остановках, распевая “я Алик – дер мишигинер” и выпрашивая у прохожих грошики».

Может показаться, что мы имеем дело с самым настоящим сумасшедшим, однако это неправда. Ведь так же вел себя и Осип Мандельштам, когда обращался к богатым евреям, утверждая, что им на том свете зачтется помощь голодному поэту. А своим грузинским друзьям, собираясь то же самое проделать в Тифлисе, говорил, что знает этот народ.

Но Ривин знал свой народ не понаслышке, и судьбу еврея-чужака, в том числе в мире социализма, чувствовал на себе. А его, инвалида, попытка прорваться на румынский фронт и стать переводчиком (обратим внимание, не с немецкого, а с румынского, который близок к французскому!) оказалась гибельной платой за стихи – или стихотворение, с текстологией Ривина ничего не ясно, – о рыбках со странным началом «Я просил у плена...».

Так можно быть еврейским поэтом и по-русски.

* * *

Yòî áúêî îîá ÷ ãîí ùî îëà òáí îî

Í à àèèáá ãíá æááú îîþ ò

Òàì çàñò ùë Êõí èãíí áæèèáí îî

Òàì çæèáí ùé è ÷ ãîí ùé óþ ò

Òàì äææàèà á ðàññíí áí í úõ èíñò

çíèí ò èñò àÿ òàðÿ èèòà

Á á æáçàò óèèæáí í î-ðàñííí ò

Êíèí ò èèèñí ááá ÷ ãîí ùõ èíèüòà

Á í î ò î î í è ñ ò óéí óèèñí äðæéí í

È çàí àèè îîá áæéíá áæèè.

Í è ÷ ãí è ò í à ñáò á í á í óæéí í

Í è èþáæ í è òáò ò í á ó ðáèè.

B í í áí ÿè ðáí í áóóí óþ ðó ÷ èó

Í ãîí ðí ó è á í ÷ è í í áí ÿè

Í í áí ãîí óè í à èèñò á çæéí ðþ ÷ èó

È ñááúó í à ñááúó í ðí í áí ÿè

È í áí ÿ í í èí æ è è è çà ñ ò á í ù

Í à óí è í á í á í ú è è è è à ò á í í ú é í í è

Áæè è í á í á í í á ñ ò è è è ó ááá ñ á í ù

È ñ ò ó è ù é ðàñ ò èÿ á á í í ú é ñ ò í è

Yòî áúêî îîã ÷ ãðíúî îëàòáíîî

Ããã óæá î áíÿ áíêúòá íáì à

Ããã éóí à éóæáêîî - ãêëéáíîî

Çà íáá îòîî ñòèèá ñáì à

Ããã èàò ãðò áéáñòÿùèá î óòè

Ããã ááçèèóúá èáì í è éææàò

Ããã ñ èíçèáì è á ñèòúè ñò áðóòè

Â ÷ ãðíîî îçáðá ææèòúá çáçáú ãðíæàò

Òíèúêí îî ÷ ïð á çáðá ÷ íîî èíèóíçá

Çáðúáááò áèí ò íáèá èáé ãðíîî

È í à ææèòáíúêíé éóí í íé èíèíáá

Ñèíáé æúáíé ðáñèíèáò ñÿ áíîî

Èçí ðò à áá óçéíã î ÷ áí ú

Òèóí áúò á ÷ àò í íæ èáé ñèðíá

È î îã ÷ ãðíîé óéúáéíð îî ÷ è

Î í óéíèáò î áíÿ èç íéíá

Yòî áóááò îîã ÷ ãðíúî îëàòáíîî

Ããã èðíáááíá æááú î îðò

Òáì éóí à éóæáêîî - ãêëéáíîî

Ðáçðáááò çáèáí úé óðò.

Î ò í áñèò á í áíÿ, î ò í áñèò á

Ããã ãðíæèò çíèíòèñòáÿ í èòú

Ó æáñò íéíé éóí ú î î ðíñèò á

Ææòúì ñàòîì, ÷òí ì àáì ì áæèòú

Í îñèá ñ àðò è çàì í úá óáééòú

Í ò ì ðàæÿò ñÿ æèòú í á èóí ó

Òàì í á í àáì ðàáì ò àòú è áèòú ñÿ

È æþáéÿò úÿ ò àì í á á èí ã...

Í ó?

Ææòúé àà èàì áì èñòúé ááì èíáí úé

Çàçáú ì ðì á ñò è ñèàèú ì ñò ú

Õíæè ì àðò áúé ñèáí í é è ã è í á í ú é

È ãúçàò è ñò ÿ í ú á í ðñò ú

Í è èí ã à àì ó á í è ù á í á ñ è ò ñÿ

Í î ñèáí ú á çàì èòú á í ã á

Øæ í í óçé í é è ðí æ á é è è ñ è ó á é

Í î ø è ð í é í é è ã è í é è ó í á

Áá: í ú é Æè á í è è í ã à í á ðñò à è ú é

Í à ááì è í á í í é ááì ñ í í é è ó í á

Áí è í ñ àì è ó à ð àì à àò ñèàèú

È è ó í à àò è è ó í á ò è ø é í á

** * **

Áí ò ì ðè á á à à í é í á á í è ù á ÿ,

Çà á á ð àì ñÿ ì ú á í í á á á é.

Ø è ø é í ó ñ á ó ó í é ì á ø à ÿ,

È ÿ æ àì í á í í è, í à ì í á á é.

Ì íà, ààòòéíí ó ìñò àòüñý
Ñí àòàí àì è ñíèèáíí,
È ííà áíí áàì è òàò àòüñý
Ì íá íà òòííééó á èéíí.
Èàè ÷ àéí èé àíò òñý ãáú,
Ñí àòòü ííáí èì àòñý ñí áíà,
Òú, èàé ý, - àèò ý í òè òí áú
È í òàé òàñíí, èàé ííà,
Ðíñéúé òíí íéüá ÷ èñò ìí ííéá
× òí òú çí ààòü í áíéí á?
Í àòàé íáúàé èòí àíò ìíéèò,
B íí òòáíí íà çàì èá
È í áíý áí ÷ èñò ìí ííéá
Í íòàéòáò í óéý á éíá
Áàò áð áñáò áá çàì íéèò,
Í òííáò áíçòóóíúé ííí.
Ñááá, Ñááá, í èéúé Ñááá,
Ñèáíéàì àý ñáéí úý...
Òòóí ú ñí òááá, òòóí ú ñéááá
Ñááòóó áí òíí, ñáíéó - ý.

* * *

Í í áðàì è íí áí òí áí,
Á èááòýò, àòéàò í èù èó,
Ó òáñò áòýí í úó ááéèàòíé
Í í éó'áý í íéíéí,

Áá:íúé Æèä óñò àè σ àò àò úñý

Î ú - íëîèá àèüí èí èñò ú.

Î ò Áíèã òú äí Èääèàçà -

Ýòí î:áí ü ääèáéí.

Áí ò ñ ò óðäöéíþ ì íí à ò íé

Ï äæ áó äáóó äðááé ò ðýí è:í ú ó

Áäò ä ðüèàý ñ ò à ðóá

Í à éí í á í à Ñ ò ðà σ í ú é ñü

Èäüí ðá í äñ è äçðü ääò,

ß í èá ò óñü çà í áþ ñóí,

Áäðá á äè è äðè à í è è è ä ä ò:

«Üú óðñ è è è äæ þ á ò?»

Áé á í î, äüí äðè è óàçäüí

Ï ðæ ä ä äðäí äí í î, í ä è ñ ò à ò è,

È í á çí á þ ò è äðè è í à

Ï óñèüñ äí ñè è á äý: è è.

ß í á ðá ç á í ú é, è à è í óæ ò á í é,

È ñ ì á í ý ñ þ í äí à ó ä ò è ò.

Áäðá ñ ò à ðóá à í î ì ðà: í ä è à

È í î ì : ä è äñü, è à è äæ è ä è ò.

*À éîãà í àñò áí àò óò ðí,
B áðãáó í àã ðüüì ñí í úì,
È áí ãëéñëé æ äëò úé áí ãë
Ñí í ò ðèò ñ äëé ã ëóáíé.*

*B - Í ãñëÿ Í äéãñò é í ú,
B í àóó ì á: ì è í ðàò í úì,
È á èó: àó ì í æ é í ðí ú
Í ðèçðäé ðí äé í ú ë þ áí é.*

*Í í ã ðàì è í í äí ðí äì
Ñ ë ä ì ð á í ì è ò à ò ð ä ä é í é,
Ó ð à ñ ò ä ð ÿ í í ú ò á ä é ä ð í é
Í í é ó í ä ÿ ì í é í é í ...*

*Í ú í é í ð è á ä é ü ì è í è ñ ò ú,
Á á: í ú é Æ è á á è ä ä ç ñ è ò Á é ü ì à ò
Í ò Á í é ã ò ú äí È ä ä è ä ç à -
Ý ò í í: á í ü ä ä è á é í.*

*È ä é Ó ð è ñ ò í ñ ñ ä è ò í á á: á é,
Ó í è è è ÿ ì í è ò ä ä ä ä ä
Ð à ñ ò í ì ò ä è í à ñ è ä é ñ é í ð í è í í á
Á í ã ë é ñ è ä æ ä ä ä á ò ú.*

*B - ñ á ó í í é á í ã ë é ñ è é é é í ó í,
B - í í ò í í é Í ä é ä ä ä ä ä*

È á èó: àõ ì íæ éíðíú

Ì íáí áíæáíá éííóú.

Ñéó: íí á ãðíáá Ñéííá,

Áíí áú í ááàò èáí éáí,

Ñéííéñòú ááàò ðéé

Í á ííñò ááéàò áí æé: áí.

B ñ áóí íé áí æééñéé ééíóí

Ó ñò áí ú Èáðíñééí á,

È á èó: àõ ì íæ éíðíú

Èóáéñéý í á: àéú

* * *

Èáí èò áí, éáí èò áí, óéú áí èò áíí

Èóñéí ò íóáí- ýòí óéáá éí ðááéý.

Í áó éí ðááéú ááç óéáá á é í ðááé ò áéúñò á

Áí áíæáí í íé í áó éí ðááéú- Çáí éý.

Ì ú í éú áí, ò í éú éí áðúçæáí çáçáí é,

Èáé áíñéí í ú éíí áóíé ááááí,

Ì ú í á í íáçá ñáúáú í í íçááé,

Í íçááé í áó éí ðááéú áðáí áí.

Òáé í áá æéçí úò, í áá ñááò éíé, í áá ááéíí,

Í áá æáí : óéíúí é æááðáí é çáçá

Óéú áí éñí éáí èò áí í áá óò óááéíí,

Í áñò óí é ýòéí áíéí áí í á óáíñò.

Đàí ùσά άεάòά άίεί ú íá ííεί άάσú

Đàí ùσά ñάòά íά άύάò çάçáú,

Έάíέòάí, έάíέòάí, ííεί άάσú

Đàí ùσά æέçíέ íά άύάò ñάíάú.

Òάέ íάά æέçí ύφ, íάά ñάάòέíέ, íάά ñí άðò ύφ

Íάά ðάçáðúçάí íúí çάðέάέí çάçά

Óέúάάέíñ, òíάάðέú, άάñí άðò ύφ,

Í άñò óíέ áí ó ñάðάóáí íά óάíñò.

* * *

Β ýçúέά í ðíñέέ ó í έάí ά

Άύú ðúάíέ - æέçí ú έí ðíòέά!

Άíò άάçúýçúέάý í óðάí ά

Æέάò ñάíάíάí ά έ άάάέά

Άάç í έάάí έέíά έ άάç çάòάí íέ

Άάç ÷άσúέ έ άάç æέέάò íέ

Άάç ñάýçάέ ñάððó íά çάí έά

Ííέ άέýφò á άέóάέíά

Óú óάðú Έ άñέέ Í óσέέí ñíάά

Òάάά í íάñíάò ýòíò ñòέέú

Έ άñέέ ðúάά ýòí ñέíάí,

Έ άñέέ ñάáñòú ýòí σòέέú

Έ άñέέ άðάí ý - í άðíóíά,

Έ άñέέ έφάέ - έðάñí άñíά úý,

Έ άñέέ ýέíðú - έάέíò,

Έ άñέέ á άóάóύάí - έðέάάí úά!

Óòpáíà óáá áúé ôàèüóéá
À éðááíí àíáí èý ãíðý÷,
Í íýò íáæ áãèñü ñò àé ñí áñéá
Òáí óóáò íí áíáá, éàé ì ý÷
È ò íèüéí ðúáó ñáéàçí ýáò
«Áóáü ááçúçú éà è ãéýé»
Èòí éæáò ñáá, òíò ýòí çí ááò
Óòpáíà óáá è æèöýé!
Í í è ñò èòè ì í è ááèðáò,
Á íí àñò è ý èð á í á-àòü
Í í è áú í á-àèè ðú-àòü
Æèáá, æèöýþ, óí èðáò,
È í á æááò çàì íé-àòü!

* * *

...Æèöýé ñ óàèüóéáéíþ á çááò,
Ñ ááóááé ðúáéíé í á áíááò,
Í í ñ ðúáéàì è í á èáðáéíý,
Éàé í í-ááðáéíèè ãíðýò,
Ðàç èçì áí éá, í á èçâéí ýéíý,
Ðàç èçâéí éá, í á èçì áí ýé.
È áñéè áðáí ý - í áðíóíá
È ðúáó ò ù áò í í íáéóááò,
Óíòü ðúáá ñí áðò áúí ýçúéíí
Ýííóá í éááòü í á ì áóááò,
È áñéè í éáí ý ðúááéíá

Èç ãñõ èðè ò è ÷ ãñèõ ðãããèöèé

Èèøü ò ðãñí

Äëÿ áíëüøãâèéíá

Í à í ãñí ðèõíãè ò ñÿ áíãã ò ùÿ.

À ÿ, ÷ óæíé âëþáíé ñò ðáí á

Î ú ÷ ó í î ðíáíè,

í ðãçè ðãþ

Òàèèõ ì àðéñè ñò í á

Â ò èøéí á

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ

Я родился 55 лет назад в Москве в семье инженера. Среди всей обозримой родни не было гуманитариев – ни одного. Но мужчины баловались рифмоплетством по случаю, читали наизусть под настроение классику, того же Пушкина.

То ли у подростка иммунитет к словесности оказался слабее, чем у старших, то ли времена способствовали, но меня все больше и больше сносило в сторону литературы, вопреки родительским предостережениям, что придется врать. Врать не пришлось, хотя бы потому, что общество признало нашу литературную компанию писателями лишь в конце 80-х. Надеюсь, и впредь не придется. Уже неплохо.

ЭЛЕГИЯ

*«Ī ī ā ōī ēī āī ī. Ī ōī ōā:ī āy āāī ā
...»
Ī. Ī āī āāēūō āī*

Апреля цирковая музыка –
Трамваи, саксофон, вороны –
Накроет кладбище Миусское
Запанибрата с похоронной.
Был или нет я здесь по случаю,
Рифмуя на живую нитку?
И вот доселе сердце мучаю,
Все пригодилось недобитку.
И разом вспомнишь, как там дышится,
Какая слышится там гамма.
И синий с предисловьем Дымшица
Выходит томик Мандельштама.
Как раз и молодость кончается,
Гербарный василек в тетради.
Кто в США, кто в Коми мается,
Как некогда сказал Саади.
А ты живешь свою подробную,
Теряешь совесть, ждешь трамвая
И речи слушаешь надгробные,
Шарф подбородком уминая.
Когда задаром – тем и дорого –
С экзальтированным протестом
Трубят саксофонист из города
Неаполя. Видать, проездом.

1985

И хоть уровень школьных познаний моих
невысок,
Вижу как наяву: сверху вниз сквозь
отверстие в колбе
С приснопамятным шелестом сыпался
мелкий песок.
Немудрящий прибор, но какое раздолбе
для скорби!

4.

Об пол злостью, как тростью, ударь,
шлемовства не тая,
Испитой шарлатан с неизменной
шаткой треногой,
Чтоб прозрачная призрачная
распустилась струя
И озоном запахло под жэковской кровлей
убогой.
Локтевым электричеством мебель
ужалит – и вновь
Говори, как под пыткой, вне школы
и без манифеста,
Раз тебе, недобитку, внушают такую
любовь
Это гиблое время и Б-гом забытое
место.

5.

В это время вдовец Айзенштадт,
сорока семи лет,
Колобродит по кухне и негде достать
пипольфена.
Есть ли смысл веселиться, приятель,
я думаю, нет,
Даже если он в траурных черных трусах
до колена.
В этом месте, веселье которого есть
питие,
За порожнею тарой выдавшие виды
ребята
За Серегу Есенина или Андрюху Шенье
По традиции пропили очередную
зарплату.

6.

После смерти я выйду за город, который
люблю,
И, подняв к небу морду, рога запрокинув
на плечи,
Одержимый печалью, в осенний простор

протрублю
То, на что не хватило мне слов
человеческой речи.
Как баржа уплывала за поздним
закатным лучом,
Как скворчало железное время на левом
запястье,
Как заветную дверь отпирали
английским ключом...
Говори. Ничего не поделаешь с этой
напастью.
1987

* * *

«Пидарасы», – сказал Хрущев.
Был я смолоду не готов
Осознать правоту Хрущева,
Но, дожив до своих годов,
Убедился, честное слово.

Суета сует и обман,
Словом, полный анжамбеман.
Сунь два пальца в рот,
сочинитель,
Чтоб остались только азы:
Мойдодыр, «жи-ши» через «и»,
Потому что система –
ниппель.

Впору взять и лечь в лазарет,
Где врачует речь логопед.
Вдруг она и срастется в гипсе –
Прибаутки, мол, дул в дуду
Хабибулин в х/б б/у –
Всё б/у. Хрущев не ошибся.
1995

* * *

Драли глотки за свободу слова –
Будто есть чего сказать.
Но сонета 66-го
Не перекричать.
Чертежей моих не троньте –
Нехорош собой, сутул
Господин из Пиндемонти
Одежонку вешает на стул.

День-деньской он черт-те где слонялся,
Вечно не у дел.
Спать охота – чтобы дуб склонялся,
Чтобы голос пел.

2005

ИЗРАИЛЬ И ДРУГИЕ ЕВРЕИ

По следам XXI Московской международной книжной выставки-ярмарки

Ī ēōāēē Yāāēūōōāēī

Çāðāōōñōōyī ē Āāīōð Ñēīāīōðñēēē

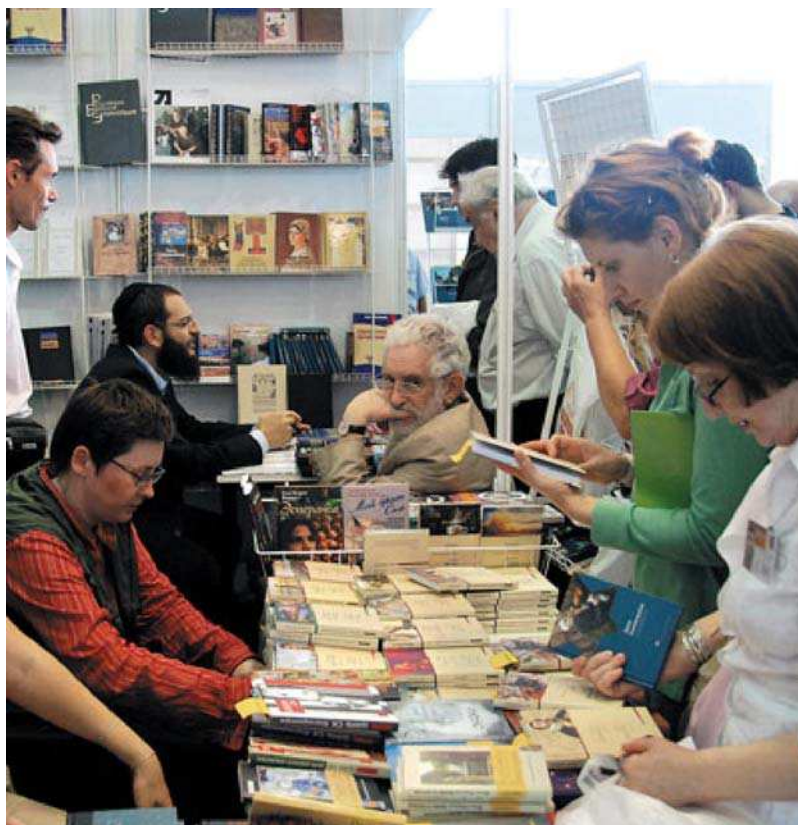
īāðāīāēēē āōōñ ēāðēōā īā ðūññēēē

ē īāðāōīīñ ðūññēīāī īā ēāðēō,

ēāæāūē çīāē īāīīēīāēīō āēōāāēō.

Игорь Жуков

Не успела ярмарка начать работу, как вышел пятничный «Коммерсантъ» с двумя традиционными приложениями – «Weekend»’ом и «Книжным кварталом». В анонсах наиболее ожидаемых книг ближайших месяцев значились два тома работ Ханны Арндт (один из них в «Чейсовской коллекции»), воспоминания Голды Меир, скандальные псевдомемуары о Холокосте бельгийской писательницы Миши Дефонсека. Новому роману израильского прозаика А.–Б. Иегошуа «Смерть и возвращение Юлии Рогасовой», только что вышедшему в серии «Проза еврейской жизни» издательства «Текст», была уделена едва ли не целая полоса. Словом, газета могла служить убедительным вещественным доказательством того факта, что еврейская литература привлекает все большее внимание читателей и рецензентов.

Сама ярмарка это впечатление только усиливала. Еврейскую литературу здесь представляли сразу три «субъекта». Во-первых, Израильский культурный центр, выставивший книги нескольких израильских издательств (как русско-, так – в меньшей степени – и ивритоязычные). На том же стенде расположилось крупнейшее русско-израильское издательство, выпускающее книги по иудаике (в широком понимании термина), – «Мосты культуры / Гешарим». Во-вторых, уже упоминавшийся «Текст» и недавно возникшее близкородственное ему агентство «Книжники», специализирующееся на оптовой торговле и интернет-продажах книг еврейской тематики. Во время ярмарки стало известно, что проекты фонда «Ави Хай» – серии «Проза еврейской жизни» и «Чейсовская коллекция» – теперь будут выпускаться совместно «Текстом» и «Книжниками». В-третьих, разумеется, не обошлось без «Международной академии каббалы» – последователей поп-каббалиста Михаэля Лайтмана, представлявших книги своего гуру и раздававших газеты с его лекциями. На всей продукции, естественно, Лайтман, объясняющий каббалистические премудрости то Армену Джигарханяну, то Дмитрию Диброву, то Яне Чуриковой. Остается с прискорбием констатировать, что русско-израильский кабболовед отстал от жизни – в текущем сезоне к тайному знанию нужно приобщать Диму Билана. А еще лучше Гуса Хиддинка.

Из всех еврейских участников наиболее насыщенную программу мероприятий предложил посетителям ярмарки Израильский культурный центр. Открытие экспозиции Израиля прошло весьма торжественно, с выступлением посла Анны Азари, других представителей посольства, а также руководителей российских филиалов Сохнута и Натива, обещавших дальнейшее развитие и углубление всего, что только можно развить и углубить.

Русскоязычный Израиль представляла на ММКВЯ Марина Мазина – «половинка» писательского дуэта супругов Марины и Даниэля Мазиных, пишущих под псевдонимом Марина Даниэль. Книга Марины Даниэль «Жизнь в обратном направлении», вышедшая в издательстве «Вагриус Плюс», стала объектом сразу двух авторских презентаций на израильском стенде – в четверг, 4 сентября, и в понедельник, 8-го.

Но основными действующими лицами ярмарочных и околярмарочных мероприятий стали импортированные на время выставки из Израиля культуролог и эссеист Ариэль Хиршфельд и переводчики Аминадав Дикман и Мири Литвак. Мири Литвак читала свои переводы из Цветаевой в Доме-музее Марины Цветаевой и из Блока – в солнечногорском музее А. Блока. Два других члена израильской делегации трудились в это время в Центральном доме литератора.

Й. Тавор и А. Дикман.

В предпоследний день работы ярмарки прошла пресс-конференция израильтян. Дикман мечтал о том времени, когда израильские переводчики доберутся до современной русской поэзии, а Литвак рассказывала о сравнительных трудностях перевода на иврит Цветаевой, Блока, Ахматовой и Пастернака. Хиршфельду был задан вопрос, кто из российских прозаиков популярен сегодня в Израиле, – в итоге нарисовалась любопытная тройка: Солженицын, Ерофеев (Венедикт, конечно же) и Акунин.

Тем же воскресным днем глава Еврейского агентства в России Хаим Бен Яков представил сборник «Шестидневная война и еврейское движение в СССР. Очерки социальной истории» (подробнее о нем будет рассказано в одном из ближайших номеров «Лехаима»), а главное, пообещал, что российский Сохнут будет гораздо более активно, чем раньше, заниматься издательской деятельностью.

М. Гринберг

М. Мазина

А. Хиршфельд

О планах издательства «Мосты культуры» рассказали его руководитель Михаил Гринберг и пиар-менеджер Александра Литвина. Выяснилось, что в ближайшее время стартует проект «Спутник ярмарок», в рамках которого предполагается доставлять в Россию и страны СНГ израильских писателей и ученых – для встреч с читателями и чтения лекций. Обкатку проект пройдет уже на сентябрьской ярмарке во Львове. Затем на очереди Нижний Новгород и Москва (в дни ноябрьско-декабрьской «non/fiction»).

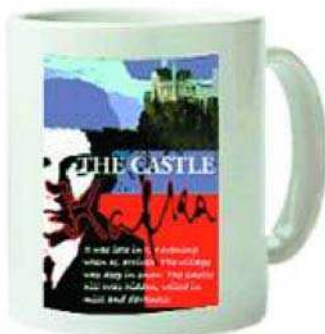
Закрытие израильской программы прошло в Израильском культурном центре. Дикман рассказывал о связях израильской поэзии с русской, Хиршфельд описывал, как выглядит Москва на взгляд жителя Иерусалима. Роль заготовленного организаторами вечера рояля в кустах успешно сыграл Андрей Дементьев, недавно пафосно отметивший свое 80–летие. Он читал стихи из новой книги «Припав к Земле обетованной» и делился воспоминаниями о своей жизни в Израиле, где провел несколько лет в качестве журналиста. В несколько сумбурном, но подкупающе искреннем выступлении Мири Литвак попыталась передать свои ощущения от поэзии Дементьева и сформулировать свои согласия и несогласия с нарисованной им картиной израильской жизни.

В заключение от официальных лиц вновь прозвучали обещания углубить и развить. А нам остается только поблагодарить их и пожелать, чтоб и впредь.

НОМО ABSURDUS, ЕГО ЖЕНА И ДОЧЬ

Àààèä Åàòò

«Кафка в моде», – еще когда писал Теодор Адорно, и до сих пор это утверждение совершенно верно, в том числе для русскоязычного пространства. Пусть иронический диссидентский слоган застойных времен «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью» уже забыт – современная действительность располагает к припоминанию иных прозаиков – и пик кафкоиздания пришелся на конец 90–х, но биографическая мифология Кафки и сам бренд живы-живехоньки.

Прилагательное «кафкианский» в Яндексе с огромным отрывом лидирует среди прочих западнописательских, уступая разве что «толкиеновскому». А все потому, что этот модный эпитет применим к чему угодно: кафкианский бред, кошмар, фарс, город, война, ужастик, юмор и даже кухня (только представьте себе!); под это определение подпадает все абсурдное, абсурдистское, морбидное, безумное, бюрократическое, безысходное, монструозное, гротесковое и т. д. И если литературоведы изучают Кафку как аналитика бессилия и отчуждения, как разрушителя стены между фантомами и реальностью, как поэта государственного и социального вырождения и еще в десятке творческих ипостасей, то на менее рафинированном уровне его художественный мир описывается двумя-тремя расплывчатыми и некачественными эпитетами, как-то: «абсурдный, гнетущий, сводящий с ума» (Макс Фрай, «Голодание по Кафке»).

Как писал А.М. Зверев в предисловии к «Дневникам», Кафку воспринимают как феномен не столько даже литературный, сколько социальный и – добавим – психиатрический. Конфликт с отцом, крайне странная псевдоматримониальная история и прочие элементы личной жизни Кафки растиражированы настолько, что в самых кратких энциклопедических справках из трех абзацев один обязательно посвящен откровениям вроде следующего: «Хрупкий, с пронзительным взглядом, Кафка постоянно занимался самобичеванием, страдал депрессиями и глубоким комплексом неполноценности по отношению к отцу [sic!]».

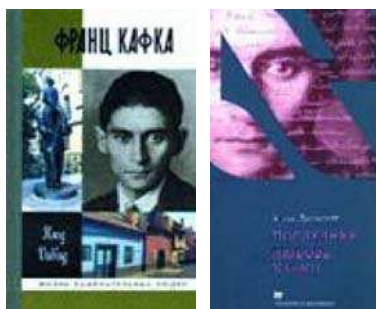
Как у всякого раскрученного бренда, у Кафка-бренда немало претендентов на правообладание. Самые очевидные, конечно, компатриоты. Лопухий фас красуется на доброй трети маек, кружек и прочей сувенирной продукции в Златой Праге. При этом отлично известно, что, будучи пражанином, Франтишек Кафка город свой не любил и всегда мечтал оттуда сбежать (пусть в рамках запоздалых подростковых попыток перерезать пуповину). Но разве ж такие мелочи могут испортить бренд! Потом, еврей. Кафка как еврей, хоть и ассимилированный, давно включен в израильский культурный ареопаг: ему приписывают то увлечение иудаизмом и еврейской мистикой, то пламенный сионизм – хотя он вполне недвусмысленно заявлял о своей чуждости как еврейской религии, так и еврейской политике («Что общего у меня с евреями?», «...я не смогу ухватиться за кончик ускользающего еврейского плаща»). Опять же, миф есть миф, и наряду с Кафкой-пражанином и Кафкой – австрийским писателем благополучно существует Кафка – еврейский мистик.

Обилие как в академической, так и в масскультурной кафкиане недомолвок и, наоборот, откровенных натяжек, а также непростая ситуация с наследием писателя (завещание гласит «все сжечь», но душеприказчик Макс Брод издает романы, позже видят свет дневники, часть рукописей пропадает в гестапо, часть в чемодане Брода уезжает в Израиль) побуждают кафковедов постоянно искать клады, пытаться обнаружить «неизвестного Кафку», раскрыть какую-нибудь тайну в его биографии или творчестве. Когда весной сего года в Израиле умерла последняя возлюбленная Брода, исследователи оживились, рассчитывая на доступ к пресловутому чемодану или к тому, что от него осталось после продаж рукописей на «Сотбис», и предрекая очередной прорыв в кафкианских штудиях. Пока доступа к сокровищнице никто не получил, обратимся к более скромным достижениям. А именно – к почти одновременно вышедшим в русском переводе биографии Кафки французского германиста Клода Давида^[1] и беллетризованной биографии последней возлюбленной писателя Доры Диамант^[2].

Монография Клода Давида – это пошаговое исследование жизни писателя, от семейной предыстории до посмертной судьбы рукописей, с тщательным перечислением и характеристиками всех спутников и декораций этой жизни: родителей и прочих родственников, учебных заведений и рабочих мест, квартир и санаториев, друзей, возлюбленных и иных корреспондентов, костюмов, лекарств и, конечно же, тетрадей. Это работа профессионала, качественная и очень содержательная, по-академически сухая, однако без академических открытий.

Давид делает заявку на разрушение стереотипов, на развенчание кафкианской мифологии и действительно корректирует несколько распространенных ошибок, но в целом созданный им образ писателя только повторяет общепринятые представления: немец среди чехов и еврей среди немцев, невротик, замученный нелюбимой работой, страдающий от постоянного отчуждения от других людей и реальной жизни и от патологического безволия, неспособный построить сколько-нибудь нормальные отношения с женщинами и обвиняющий в своей психологической ущербности отца,

слабый здоровьем и подсознательно стремящийся к самодеструкции. Давид осуждает наивное литературоведение, топорно обуславливающее все творчество автора событиями его жизни, но сам не может удержаться от проведения подобных параллелей и предлагает нам несколько бездоказательных «разгадок». Кроме того, исследователь считает нужным прибегнуть к психоаналитическому подходу, который мало того, что никаких неизвестных граней личности писателя не открывает, так и сам по себе отнюдь не нов: методами психоанализа для изучения биографии и творчества Кафки стали пользоваться еще в 1940–х годах, что впоследствии в свойственной ему манере высмеял люто ненавидевший «венского шарлатана» Набоков, ссылавшийся и на то, что сам Кафка считал учение Фрейда «беспомощной ошибкой».

За отсутствием новаций и даже формальных признаков академической монографии – книга не снабжена примечаниями, все цитаты «слепые», а библиография более чем краткая (по крайней мере, так в русском варианте) – работу Давида вряд ли следует считать особым достижением в кафкиане. Кроме того, он в своем отношении к герою не горяч и не холоден, а тепл, против чего не зря предостерегали мудрые люди. Его сухой, отстраненный стиль не делает судьбу и творчество Кафки аттрактивными для читателя – что получалось у многих других авторов, писавших о Кафке, взять хоть того же Набокова, которому в тоже сухом – лекционном – формате прекрасно удается сообщить слушателю восхищение («Ясность его речи, точная и строгая интонация разительно контрастируют с кошмарным содержанием рассказа. Его резкое, черно-белое письмо не украшено никакими поэтическими метафорами. Прозрачность его языка подчеркивает сумрачное богатство его фантазии...»).

Еще более далека от академичности любопытная в контексте кафкианских исследований биография «последней любви» писателя Доры Диамант, написанная ее неродственницей Кэти Диамант (и в этом жизненном сюжете – Кэти студенткой узнала о своей знаменитой однофамилице, после чего увлеклась кафкианскими штудиями и теперь возглавляет университетский проект «Кафка», – главное, хотя и внетекстовое, обаяние книги).

В отличие от вполне респектабельной книги Клода Давида биография Диамант при первом знакомстве вызывает сомнения в целесообразности дальнейшего чтения. Самый незначительный дефект состоит в том, что в русском издании сэкономили на фотографиях, к которым текст время от времени апеллирует. Гораздо больше портят впечатление кальки и прочие шедевры перевода: «в 80–е годы Браха Плоткин до сих пор помнит, как она расстроилась...»; «...была вызвана потребностью самоутвердиться как личности»; «среди сувениров были четыре саженца секвойи, которые она хотела подарить друзьям в Лондоне как самую крупную форму жизни на земле» и т. п. Неаккуратности – в переводе или в исходном тексте – воспринимаются как грубые ошибки: получается, что благочестивые еврейские женщины произносят молитвы только по субботам, а ешива оказывается «бесплатной школой». Кроме того, повествование раздражает бесконечными повторами: цитируется источник – дневники Кафки или написанная Бродом биография

писателя, – потом на протяжении двух абзацев тот же текст пересказывается своими словами, а в последних главах книги, где помещены данные Дорой интервью, цитата опять приводится полностью. Через небольшие интервалы с незначительными вариациями повторяются одни и те же, удручающе пошлые, мысли (например, о том, что Дора любила в Кафке не писателя, а мужчину). И наконец, заявленная беллетристичность обязывает автора к спорадическим художественным описаниям, которые плохо интегрируются в общую ткань нарратива и к тому же грешат дурновкусием; введение новых персонажей сопровождается пассажами вроде: «Хрупкий, с вкрадчивыми манерами, Лутц был шатеном с мягкими волосами...» или: «Он был добрым человеком с чувством собственного достоинства, носил длинную седую бороду. Волнистые седые волосы венчали голову ученого».

И все же беллетристичность, а главное, декларируемая субъективность книги Диамант имеют свои преимущества, особенно явные в сравнении с сухой объективностью Клода Давида: любовь к герою, которой не чувствуется у Давида, очень украшает повествование. Благодаря тому, что мы смотрим на него глазами влюбленной женщины, Кафка предстает не унылым затворником и болезненным невротиком, а обаятельнейшим человеком, интересным внешне (высокий, смуглый, с гривой блестящих черных волос, мелодичным баритоном и мягкими манерами), веселым, остроумным, ласковым, любящим детей. Разрушаются даже хрестоматийные представления о его профессиональной бесцветности: Дора Диамант встретила не «мелкого клерка» или «страхового агента», а «доктора Кафку», «юриста с высоким положением». Впрочем, нельзя не заметить, что подобное комплиментарное видение вскорости приобретает навязчивые черты агнографии.

Дора Диамант. 1928 год.

Читатель вряд ли почерпнет в этой книге какие-либо новые сведения о биографии или, тем более, творчестве Кафки – так что главным достижением в этом отношении придется признать просто создание позитивного образа; примечательна, однако, личность самой Доры Диамант. «Последняя любовь» Кафки была, безусловно, женщиной неординарной, но к ее личной экстравагантности добавились многочисленные приметы времени, разломы эпох; она пережила столько, сколько мало кому удавалось, и стала в определенном смысле идеальной героиней своего поколения. В разные периоды жизни она была гурской хасидкой и коммунисткой, активисткой идишского возрождения и сионисткой, гувернанткой и актрисой, кухаркой, рестораторшей и заключенной. Ее история, совершенно кинематографическая, – это история человека, которого «мир ловил, но не поймал»: ей, незамужней женщине, удалось выбраться из патриархального мира

ультраортодоксального гетто, еврейке и коммунистке – из нацистской Германии, иностранке – из предвоенного сталинского Советского Союза, и, наконец, она, гражданка Германии и жена коммуниста, сидевшего в советском лагере, добилась разрешения на временное проживание в Англии – за неделю до начала второй мировой войны.

Марианна Ласк. 1956 год.

Не менее примечательна и гораздо более трагична судьба и личность ее дочери – Марианны Ласк, рожденной Дорой от нелюбимого человека, с детства слышавшей от матери только о Кафке и привыкшей считать его, умершего за десять лет до ее рождения, своим «первым отцом». Она родилась в нацистском Берлине, когда ее настоящего отца избивали в гестапо, в двухлетнем возрасте была увезена в Москву, жила в Крыму с дедушкой и бабушкой, никогда не видевшая отца и оставленная матерью, еще через три года вернулась с матерью обратно на Запад, в Голландию, оттуда – в Лондон, оттуда – на автобусе, который прохожие забрасывали тухлыми яйцами, в тюрьму и затем – в лагерь на остров Мэн. С раннего детства она должна была скрывать, что она – немка, что ее отец коммунист и находится в Советском Союзе и что она сама провела там три года. При этом она всегда – благодаря маме – была окружена то пламенными коммунистами, то пламенными сионистами и, очевидно, уверилась, что политическая лояльность в этой компании приоритетнее любых человеческих качеств (впоследствии писала: «Не стоит со мной общаться – я никогда не стану сионисткой»). С самого нежного возраста Марианна тяжело болела, провела все детство в больницах, так и не завела собственных друзей, и сфера ее общения всегда ограничивалась маминым кругом. Она прожила уединенную и не отмеченную никакими особыми событиями жизнь и уже в зрелом возрасте и относительно здоровом физическом состоянии заболела шизофренией, стала слышать голоса, порвала со всеми своими знакомыми и умерла от истощения на полу собственной кухни.

Судьба Марианны Ласк – невероятно благополучная по сравнению с судьбами миллионов других еврейских детей ее возраста – тем не менее представляется мощнейшим аргументом на воображаемом суде, где «слезинка ребенка» засуживает эпоху и ее творцов, обрекая их на вечность в кипящих нечистотах. В другой перспективе, не менее романтической, Марианна представляется истинной – не по крови, но по духу – дочерью Франца Кафки: в ней полностью реализовалась его склонность к помешательству, ее победили терзавшие его демоны.

^[1] Клод Давид. Франц Кафка. М.: Молодая гвардия, 2008 (серия «Жизнь замечательных людей»).

^[2] Кэти Диамант. Последняя любовь Кафки. М.: Текст, 2008 (серия «Чейсовская коллекция»).

ОДЕССА – ПАРИЖ – МОСКВА

Воспоминания художника

Ài oáé Ī pðáí ááðã

Художник Амшей Нюренберг (1887–1979) родился в украинском Елисаветграде в семье торговца рыбой. В 1911 году, окончив Одесское художественное училище, он отправился в Париж, где в течение года делил ателье с Шагалом. Вскоре, однако, у него появились признаки чахотки, и в 1913 году Нюренберг вернулся домой.

Но пребывание в Париже не прошло бесследно. В первые же парижские дни Нюренберг увидел полотна импрессионистов, завладевшие его воображением. В Париже он впервые познакомился с техникой карикатуры. Это пригодилось ему в тот период, когда он, переехав в Москву, сотрудничал в «Окнах РОСТА». В Москве он сблизился с авангардной группой «Бубновый валет».

В 1927 году Нюренберг еще раз поехал в Париж, где должен был читать лекции о советском искусстве. Однако первая же его лекция была сорвана русскими эмигрантами, увидевшими в ораторе «агента Москвы». Больше публично в Париже он не выступал.

По возвращении в Москву Нюренберг практически перестал участвовать в общественной жизни. Он не был коммунистом, но отдал дань соцреализму, много рисовал Ленина. Правда, почему-то Ленин у него всегда находился в Париже – то на набережной Сены, то в Люксембургском саду. Складывалось впечатление, что Нюренберг хотел рисовать Париж, но, во избежание обвинений в космополитизме, монтировал его с образом вождя...

В конце жизни Нюренберг работал над мемуарами. Их сильно сокращенная версия была издана в Москве в 1969 году. Полный текст книги «Одесса – Париж – Москва. Воспоминания художника», подготовленный внучкой Нюренберга Ольгой Тангян, выходит в издательстве «Мосты культуры».

В значительной мере мемуары Нюренберга посвящены жизни художника в Париже, французскому искусству и сохранили свежесть первых впечатлений и остроту оценок. Пронизанные профессиональными ремарками, они являют собой образец «прозы художника».

Читателям «Лехаима» предлагается глава, посвященная художнику Хаиму Сутину.

Амшей Нюренберг.

Сутина открыл миллионер, доктор Барнес.

В 1923 году художественный мир Парижа был потрясен необычайным событием: известный американский коллекционер, владелец крупнейшей в мире картинной галереи, большой знаток живописи скупил все имевшиеся у продавца картины молодого, никому не известного русского художника, некоего Сутина, и объявил его творчество художественным явлением.

За работы была уплачена сравнительно небольшая сумма денег, но самый факт покупки целой коллекции картин (около пятидесяти номеров) молодого, неизвестного художника крупнейшим собирателем современного французского искусства казался настолько исключительным, что все парижские художественные газеты и журналы придали ему характер сенсации.

Кроме того, экспансивный американец позволил себе написать о Сутине восторженную статью, в которой отозвался о нем как об одном из лучших колористов нашего времени. Это оскорбило национальное чувство французской художественной прессы. Появились ответные статьи. Спор перешел в длительную дискуссию.

Но пока критики, а с ними и художники решали эти вопросы, имя Сутина начало обрастать славой. Сутин стал известен. Торговцы и спекулянты на картинном рынке бросились скупать его полотна, цены на сутиновские картины поднялись с 300 до 15 000 франков.

Сутин стал «валютным» художником. Он переселился из грязного «Ля Рюша» в просторное и опрятное ателье и стал ежедневно посещать ресторан. Сутин стал героем художественного Парижа. В салонах в большом количестве стали появляться холсты, написанные под Сутина – оригинального и молодого художника.

Так началась его слава.

* * *

Что же представляет собой творчество этого молодого русского художника, с такой изумительной быстротой завладевшего центром современного искусства? Что

нашел Барнес в Сутине? Что такое творчество Сутина? Французское ли оно? Что ценного в нем? И кто он?

Первое впечатление от живописи Сутина: чисто французское явление со всеми его типичными особенностями. Те же формальные методы и принципы и те же приемы. И некоторые критики, пожалуй, вполне правы, когда утверждают, что Сутин – французский художник. Но если вы внимательно изучите картины Сутина, то скоро убедитесь, что они принадлежат французской культуре только своей внешней стороной, внутренняя же сторона их остается свободной от влияния галльского духа. Внутренний облик сутинского творчества (мысль, образ, психологическая острота, настроение) был и остается русским, вернее, русско-еврейским.

Одно время его искусство считали отражением немецкого экспрессионизма во Франции. Но этот взгляд сейчас редко кем разделяется.

У каждого художника есть свой любимый учитель, которому он в первые годы формирования своего миропонимания подражает и под влияние которого он в той или иной степени попадает. Такими любимыми учителями у Сутина были два выдающихся художника нашей эпохи – Ван-Гог и Боннар.

Характерно, что именно Ван-Гог – художник с разможенной больной душой и острым глазом – был его формирующим мэтром. Сутин изучал и хорошо знал и других мастеров. Он вдохновлялся картинами своего друга, рано умершего Модильяни, анализировал Тулуз-Лотрека и Сезанна, но ни в ком из них он не нашел столько созвучных черт, сколько в этом офранцузенном голландце. Только в оригинальном и волнующем творчестве этого яркого индивидуалиста он увидел великий пример.

Как и его учитель, он далек от чистого искусства, т. е. искусства, существующего для наслаждения лишь одного глаза. Картина должна передавать размышления и переживания самого автора, его мысли и волнения. Она обязана заражать зрителя всем тем, что чувствует во время работы ее автор. Живопись, даже самая блестящая, – только средство, она никогда не должна быть целью.

Рембрандт, Курбе, Домье и даже Ван-Гог не преследовали одних живописных идей. Их имена в истории живописи связаны не только с теми или другими формальными завоеваниями. Мы их знаем как борцов за определенные гуманитарные или революционные идеи.

Сутин, как и Ван-Гог, глубоко предан природе. В постоянном и настойчивом ее изучении он видит пути к разрешению всех идеологических живописных проблем. Цвет и форма должны быть найдены художником не в ателье, а в природе. Без знания природы нет живого творчества. Но, как и Ван-Гог, Сутин никогда не был рабом ее. Он свободно пользуется ею. В зависимости от той или другой идеи, которую он кладет в основу данной работы, им соответствующим образом меняется и изображаемая натура. Натура в слиянии с чувством – вот форма его реализма. Правда, чувство у него, как у большинства современных французских художников, живет и развивается на почве рафинированного субъективизма.

Хаим Сутин.

Ландшафт с фигурами. Фрагмент.

Сутин пишет ярко и широко. Его полотна хорошо передают состояние его умонастроения, темперамента. В них есть какая-то овеянная грустью душевная обнаженность. Его образы странны и оригинальны. Они раздражают ваш глаз и ваше сознание и вместе с тем заставляют вас проникнуться к ним чувством симпатии. Они медленно и незаметно покоряют вас. Выжигаются в памяти и не забываются.

Его полотна лишены равновесия, перспективы и анатомии, т. е. всего того, на чем обычно зиждется реалистическая картина. Порой его искусство кажется абстракцией. Все исчезает – и краски, и форма вещей. Исчезает всякая связь с окружающим миром. Остается лишь одно яркое цветовое чувство остро переживающего художника-индивидуалиста. Одно сердце с повышенным, нездоровым ритмом. Вот почему вы иногда начинаете думать, что отдельные работы написаны психически нездоровым человеком. Тень чуть уловимого безумия витает над ними (вспоминается образ его первого учителя – душевнобольного Ван-Гога).

Причудливые пейзажи с падающими домами и деревьями, натюрморты с окровавленными птицами, рыбами и кроликами, похожими скорее на куски свежего мяса, портреты с персонажами, найденными, вероятно, в театре «Габима», – все это живет какой-то горячей, пламенной жизнью. Все насыщено большим и острым напряжением.

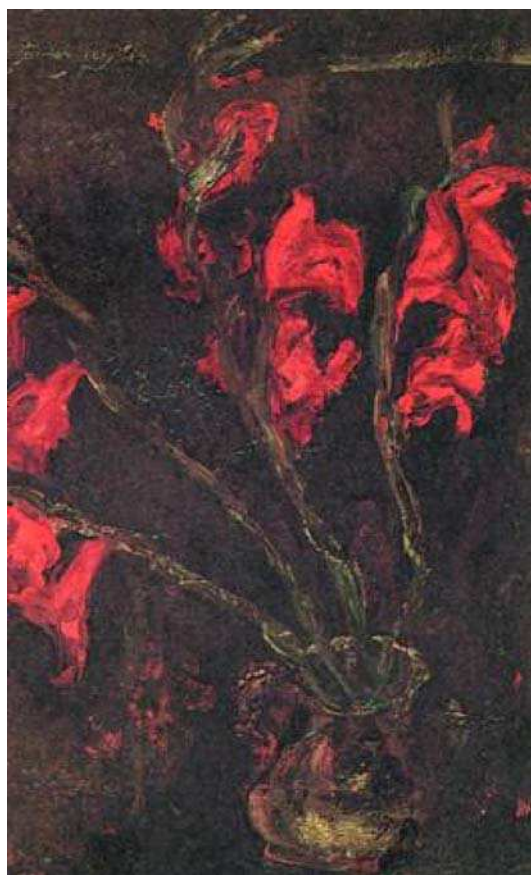
Его живопись – жирная, растрепанная – может служить украшением любой европейской картинной галереи. Сутин блестящий колорист, и доктор Барнес был вполне

прав, когда причислил его к группе лучших французских колористов. Говорят, что и сам Матисс был такого же мнения о Сутине.

Палитра Сутина чрезвычайно сложна и богата. Можно было бы написать целую книгу о его подкладках и подмалевках. О его цветовом синтаксисе. Его синие, желтые, зеленые и особенно красные краски изумительны по своей экспрессивной, волнующей силе. Сутин наделяет их таким высоким звучанием и пульсом, что зритель, даже опытный, быстро устает. Это непрерывный мажор, покоряющий и утомляющий.

К недостаткам его полотен следует отнести чрезмерную цветовую насыщенность, пестроту. Последняя особенность придает его полотнам нездоровый, а порой истерический характер. Невольно вспоминается афоризм Пикассо: «Искусство – эманация боли и печали».

Его техника нуждалась в особых холстах и кистях. Кремень – его долгодетный товарищ – мне рассказывал, что Сутин любил писать на старых, записанных холстах и что специальные кисти с длинной щетиной он заказывал у кистовяза.

Хаим Сутин. Красные гладиолусы. Фрагмент.

* * *

Если вы обойдете ряд парижских салонов и выставок, то быстро заметите, что некоторые художники пишут «под Сутина». Сутин, несомненно, реалист. Но его реализм является результатом не только знаний и чувства, но и философского мышления.

Часто он повторял фразу Пикассо:

– Натура и искусство – вещи разные, а следовательно, не могут быть одинаковыми. С помощью искусства мы выражаем наше представление о том, что является природой.

Большинство критиков творчество Сутина считает пессимистичным и глубоко субъективным. Неверно.

Сутин оптимист. Но его оптимизм вырос на страданиях и ими окрашен.

Сутин любит людей и глубоко жалеет их. Он пламенный борец за справедливость. Он благороден и человечен. Он верит, что его насыщенная страданиями живопись принесет людям покой, волю к жизни и радость. Вот почему свое творчество он рассматривает как жертву.

Он пишет одиноких, оторванных от жизни людей, но он не воспевает сумрак, которым они окутаны. Никто (кроме гениальных Руо и Ван-Гога) с такой искренностью не показывал трагическое одиночество современного человека в окружающем мире. Никто так ярко не рассказывал о его угасшей, студеной душе.

Таковыми же чертами наделены его пейзажи и натюрморты. Неподготовленному зрителю трудно их освоить и принять. Но, привыкнув к ним, он пожелает их повесить над своим письменным столом. Вот почему художники, большей частью, творчество Сутина рассматривают как романтику страдавшего человека.

Думая о композиции сутиновских работ, я вспоминаю фразу Матисса:

Я не могу отделить мое восприятие жизни от манеры выражения этого восприятия. Выразительность, по-моему, заключается не в передаче страсти, вспыхивающей в лице или проявляющейся в бурном движении, она – во всем построении моей картины. Композиция – это искусство размещать декоративным образом различные элементы, которыми художник располагает для выражения своих ощущений.

* * *

Может ли все сказанное о Сутине объяснить причины его исключительного успеха? Разумеется, нет. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны обратиться к самому Парижу, к его сегодняшним настроениям и вкусам, и проанализировать их.

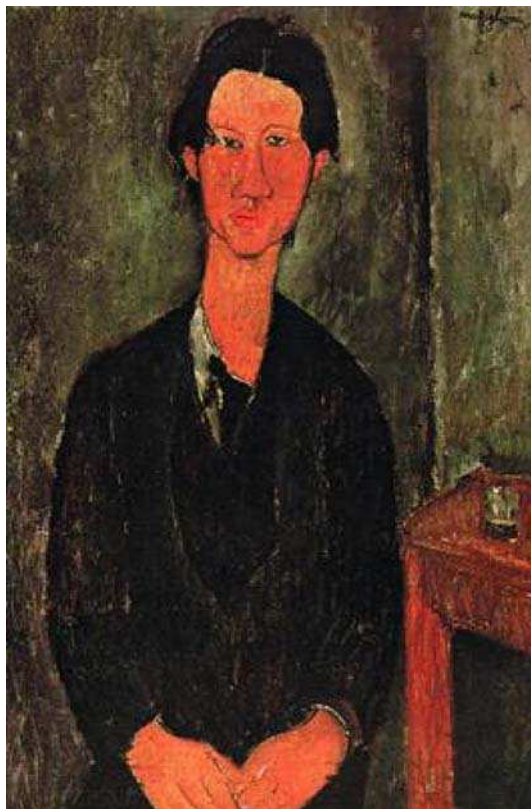
Подавляющее большинство выставленных в салонах картин, как в отношении живописного ремесла, так и в отношении сюжета, лишены оригинальности. Тысячи однообразно и прилично пишущих, и только небольшая группа, горсточка выделяющихся, оригинальных художников. Море добросовестно сделанных, но безнадежно скучных, мешански благополучных натюрмортов, пейзажей и «ню». Впечатление такое, точно их кто-то писал по шаблону.

Ясно, что при таком положении вещей каждая более или менее самобытная и оригинальная работа будет обращать на себя внимание и высоко цениться. В Париже, как вы знаете, самые ценные блюда – острые, а Сутин – очень острое блюдо. Кроме того, и это очень важно, сегодняшний Париж начал ценить в живописи тематику.

Большое значение Сутин уделял фактуре, считая ее одним из главных факторов живописи. Вспомним гениальную картину Рембрандта «Блудный сын». Конечно,

Рембрандт в своих работах не преследовал одних живописных идей, но он несомненно как никто широко ими пользовался.

Также много внимания фактуре уделяли такие великие художники, как Курбе, Домье и Ван-Гог. Их имена в истории живописи будут связаны не только с гуманитарными, но и с формальными завоеваниями. Их работы богаты тем, что зрителю передают не только мысли и сердце художника, но и его эстетические радости: краски и волнующую поверхность.

Амедео Модильяни.

Портрет Хаима Сутина. Фрагмент.

* * *

Хаим Сутин родился в 1893 году в белорусском городе Смиловичи Минской области. Первый опыт рисования он получил в Виленском художественном училище, где учился вместе с Кремнем у известного педагога, художника Рыбакова.

В Париж Сутин приехал в 1912 году. Жил, работал и голодал в знаменитом «Ля Рюше» (отеле для бедных художников). Увлекался художниками, примыкавшими к академическим группировкам. Как-то случайно ему попалось одно фальшивое полотно, на котором были изображены убитый заяц и миска крови. Полотно было насыщено творческим жаром и подписано «Ван-Гогом», известным подделывателем работ великого голландца.

Сутину этот удивительный натюрморт настолько глубоко врезался в память, что художник несколько лет не мог освободиться от его влияния.

К этому времени относится и его дружба с итальянским живописцем Модильяни, под сильным влиянием которого он также долгое время находился. В 1916 году Сутин вместе со своим товарищем Кремнем работает на юге Франции, в Пиренеях. Нищета, лютая, безнадежная, никогда вплоть до 1923 года не покидала Сутина, но он умел легко и весело ее переносить. Кремень мне рассказывал:

– Прихожу однажды в «Ля Рюш» к Сутину. Открываю дверь и вижу: на полу, на газетах спят Сутин и Модильяни. Спрашиваю: «Что случилось? Почему вы спите не на диване, а на полу?» «Клопы заели», – с грустью ответил Сутин. Модильяни в то время уже считался королем парижской богемы.

В 1923 году – покупка известным американским коллекционером его работ. И конец нищеты.

Художник Барт, горячий сугинист, мне рассказывал о своем «кумире»:

– Это был не только гениальный художник, но и большой философ. Он не любил много говорить, но то, что он говорил, пахло Рембрандтом. Да-да. Я его никогда не забуду, и все его мысли буду хранить в глубине своего сердца до конца жизни.

Будучи в 1927 году в Париже у моего друга, старого парижанина скульптора Мещанинова, я обратил внимание на висевшие на стене пять великолепных натюрмортов. По композиции, цвету и письму они очень напоминали работы Сутина. Я ему это сказал.

– Да, – ответил Мещанинов, – ты не ошибся. Это работы Сутина. Ранние.

Снимая их со стены и близко их показывая, он с гордостью сказал:

– Сутина я начал покупать первый, когда его еще не понимали. Барнесу тогда Сутин и не снился. Так что, друг мой, открывателем Сутина следует считать Мещанинова. Вернешься в Москву – расскажи об этом художникам. Да, – добавил он, – передай, что Сутин нежно любит Родину и мечтает в Москве устроить свою выставку и подарить им серию работ. – И после молчания прибавил: – Может быть, его мечта сбудется... Он будет счастлив.

* * *

Приход в 1941 году немецких фашистов вынудил многих художников бросить свои мастерские и бежать из Парижа.

Сутин медлил, не веря, что фашисты долго продержатся во Франции. Но, когда почувствовал, что смерть неотступно за ним ходит, спрятался в тайной квартире французских друзей. Изнурительные скитания по чужим углам, нарушенный режим питания обострили его старую болезнь (язву желудка). Больницы находились под контролем фашистов. Врачей в Париже найти было невозможно. Лекарств у Сутина не было. Он очень страдал.

Умер он в Париже в 1943 году, совершенно обессиленный в неравной борьбе с тяжелой болезнью.

Эренбург рассказывал мне, что на его похоронах был Пикассо.

ПРИЗНАНИЕ В РАСТЕРЯННОСТИ

Alia Einiati

Предлагаемая к обсуждению книга¹¹ (название которой с некоторой долей вольности можно перевести как «Беседа растерянных») принадлежит к категории «разговоров о жизни», и ей можно предсказать высокую читаемость ввиду острой и даже скандальной тематики. Тематика эта весьма разнообразна, и касается она в основном различного восприятия иммигрантами из стран СНГ и коренными израильянами самых разных явлений и проявлений, таких, как: национальная принадлежность, методы школьного воспитания, этика и эстетика повседневного поведения, прагматизм и бескорыстие интеллектуального усилия и Б–г ведь что еще.

Подается полемика в виде выборочных высказываний полуанонимных лиц, притянутых к дискуссии волей составителя и по только ему одному понятному признаку. Комментируется она тоже достаточно случайными персонажами, объединенными в основном той или иной степенью принадлежности к Фонду Мандель, спонсировавшему описываемый эксперимент. Таким образом, дидактический и научный выход самого эксперимента тяготеет к нулю, но, несмотря на это, если бы меня спросили, стоит ли перевести эту книгу на русский язык, я бы ответила утвердительно.

Дело в том, что эксперимент проводился в весьма необычной тель-авивской школе «Шевах-Мофет». До начала массовой иммиграции из СССР, а потом из стран СНГ это была школа, примерно соответствовавшая по профилю обучения и контингенту учащихся советским ПТУ. Называлась она просто «Шевах» и обслуживала детей из близлежащих социально неблагополучных кварталов. К концу 80–х годов прошлого века в школе осталось всего 400 учеников, и ее собирались закрыть. А в 1990 году, как известно, началась большая волна иммиграции из стран СНГ. Бедные кварталы вокруг школы предлагали сравнительно дешевое жилье, поэтому они сразу наполнились иммигрантами, а школа – их детьми, ставившими перед педагогами совершенно иные задачи, нежели прежняя популяция учащихся.

Часть учителей и кое-что в школьной программе пришлось заменить. Но самые большие изменения произошли только после того, как школе «Шевах» разрешили принять

в качестве эксперимента группу учителей и учеников, связанных с проектом «Мофет» (в вольном переводе – «Пример для подражания»). Этот проект пытались осуществить учителя, иммигрировавшие в Израиль из бывшего СССР. Ядром проекта стали бывшие преподаватели знаменитой московской физматшколы № 2, желавшие подарить Израилю элитные методики для особо одаренных детей.

В Министерстве образования подарок сочли не только неприемлемым, но и педагогически вредным. На Западе распространилось мнение о непозволительно авторитарных методах воспитания и обучения, обеспечивавших советским вундеркиндам высокие результаты на математических и прочих олимпиадах. А Израиль, по примеру США и некоторых стран Европы, перешел на систему суперлиберальной педагогики. Часы, проводимые в школе, должны были в первую очередь быть приятным времяпрепровождением. Строгая дисциплина, требующая от ученика и учителя приложить максимальное усилие для получения максимального результата, не поощрялась. А поскольку педагоги из бывшего СССР настаивали именно на дисциплине и стремлении к успеху, их методики отклоняли.

Однако школе «Шевах» уже нечего было терять, и группу педагогов-иммигрантов допустили к преподаванию в ней, сначала на особых условиях, затем – на общих основаниях, но не в тех рамках, на каких настаивали «мофетовцы». И даже частичный эксперимент дал неожиданные результаты. Школа стала не то чтобы элитной, но особой. О программе техучилища забыли, успеваемость взлетела, выпускники удачно сдают экзамены по всем предметам и поступают в вузы, Министерство образования выдало школе почетную грамоту, количество учащихся выросло до 1400, но... школу покинули почти все ивритоязычные ученики. Сейчас «Шевах-Мофет» – школа почти стопроцентно «русская», хотя большинство предметов преподается на иврите и все требования министерства относительно программы обучения выполняются беспрекословно.

Итак, с одной стороны – применительно к выходцам из бывшего СССР – история невероятного педагогического успеха, с другой – применительно к уроженцам Израиля – полный провал. Естественно ожидать, что составитель займется в первую очередь сравнением педагогических методик, тем более что израильская (как и американская или европейская) школа переживает тяжелый кризис именно в связи с избранным направлением и мучительно ищет выход из него. Но наш автор идет иным путем, тоже, впрочем, вполне легитимным, хотя и несколько витиеватым. Он делит учителей школы «Шевах-Мофет» на две группы: «русских» и местных, после чего стимулирует нескончаемый разговор между ними, пытаясь выяснить, чем же эти группы отличаются одна от другой во взглядах на жизнь и на свое место в ней.

Разговор получается нервный. Тогда экспериментатор призывает на помощь сторонних людей, считающих себя экспертами в вопросах национального самосознания, а также вывозит учителей на экскурсию в Москву и Петербург для кратких и невразумительных визитов в ту самую московскую физматшколу № 2, еврейскую школу в Петербурге и на случайные туристические аттракционы. Из описания этих визитов мы узнаем, что в физматшколе стены голые, а в еврейской школе – расцвеченные по израильскому обычаю картинками неоднородного эстетического значения, что учителя родом из России прекрасно ориентируются в картинах Бородинского сражения, тогда как израильские учителя ничего в них не понимают. А также нам сообщают, что в физматшколе во время уроков царит тишина, на переменах учащиеся решают недорешенные задачки, тогда как в еврейской школе на переменах слышится привычный израильскому уху гвалт, зато во время уроков стоит только уютный гул, не мешающий

учителям, в отличие от израильской школы, донести до учащихся содержание предмета изучения. И весьма важная информация: оказывается, русские учителя не столько авторитарны, сколько авторитетны, а русские ученики не убивают друг друга на глазах у гостей вследствие нестерпимого духа соревнования, обязанного присутствовать в авторитарной системе образования.

Читатель может спросить, имеет ли смысл ради всего этого переводить книгу на русский язык? Ради подобной информации, а ее в книге не менее трети общего объема, – разумеется, нет. Книга плохо продумана, небрежно написана и неудачно составлена. Создается впечатление, что автор-составитель, он же экспериментатор, поначалу хотел только столкнуть две популяции учителей в заинтересовавшей его школе, руководствуясь намерением помочь им лучше понять друг друга.

Однако дискуссия развилась в неожиданных направлениях и повела за собой ведущего. Единственным положительным практическим результатом всего этого грандиозного начинания составитель полагает тот факт, что в конце эксперимента учителя – иммигранты и местные – наконец стали усаживаться вперемешку, тогда как в начале каждый судорожно держался своей группы.

В школе «Шевах-Мофет».

Я же считаю главным достоинством этого собрания разнородных текстов обилие разговорных отрывков. Говорят учителя, те и эти; дают волю собственным мыслям комментаторы, профессионалы и любители; проговариваются представители тех или иных организаций; выплескивают обиды и связанные с ними рефлексии бывшие ученики. Разговор то нисходит до конфиденциального шепота, то взвигается обличительными выкриками или назидательными сентенциями. Особо интересен разговор израильских учителей, превратившихся в школе «Шевах-Мофет» из доминантного большинства, уверенного в себе и своих принципах, в растерянное меньшинство, переоценивающее многие догмы, ввиду чего их рефлексия по разным поводам становится необычайно искренней, лишенной привычных языковых штампов и блоков мышления. Учителя же родом из бывшего СССР и ученики, считающие себя русскими израильянами, растеряны гораздо меньше своих израильских коллег, и растерянность их вызвана скорее желанием экспериментатора сузить масштаб каждой личности до единичной национальной и культурной принадлежности, его неприятием личностной сложносочиненности, отмеченной несколькими принадлежностями одновременно.

И вот что занятно: именно нежелание либо неумение автора-экспериментатора-составителя-редактора придать дискуссии четкие смысловые параметры, а книге – законченный и «причесанный» вид заставляют и участников эксперимента, и читателя, поначалу растекшись мыслью по древу, затем эту мысль собрать воедино и составить собственную позицию. Положиться в этом деле ему не на кого, поскольку даже сентенции комментаторов дышат неуверенностью и не опираются на принятые и хорошо известные социопсихологические исследования и положения, относящиеся к проблемам мигрантов и принимающего их социума. Опять-таки, трудно составить отчетливое мнение, известно ли автору о наличии этих исследований и положений и он только намеренно создает ощущение сумятицы и растерянности, или же ему и впрямь кажется, что он – экспериментатор и составитель – ступил на *terra incognita* и является первооткрывателем некоего феномена.

Но результат оправдывает первое предположение или извиняет второе. Участники эксперимента, а с ними и читатель, избавленные от авторского или редакторского надзора, оказываются вынужденными рефлексировать с большой интенсивностью и не меньшей искренностью, что придает книге характер подлинного документа немалой познавательной ценности.

Возможно, так и должны составляться книги, входящие в категорию нон-фикшн. В конечном счете, должна же нехудожественная литература отличаться чем-то ясно обозначенным как от учебников и пособий, так и от литературы художественной. В данном случае жанр определен в самом названии: смятение перед фактом, и смятение искреннее, а не наведенное умелым пером. Разговоры о жизни иными и не бывают.

Pro et contra

А.Е. Иванов

Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования

М.: Новый Хронограф, 2007. – 436 с.

Портрет еврейского студента

Выход в свет новой монографии известного специалиста по истории высшей школы и студенчества дореволюционной России А. Иванова – событие знаковое. Тема, к которой обратился автор, прежде не удостоивалась внимания исследователей. Между тем именно приход в высшую школу в 1860–х годах сотен евреев ознаменовал начало процесса модернизации российского еврейства.

С начала XIX века до 1880–х годов самодержавие поддерживало учебу еврейской молодежи в русской средней и высшей школе, рассматривая это как один из основных факторов ассимиляции. Курс решительно изменился с введением в 1887 году так называемой процентной нормы: от политики интеграции режим перешел к политике сегрегации еврейского населения. По воспоминаниям основателей Бунда, процентная норма повлияла на их отношение к российскому государству даже в большей степени, чем погромы. Тем не менее численность еврейского студенчества, первоначально уменьшившись, стала медленно возрастать и в 1913/1914 учебном году составила 7,6% от совокупного контингента студентов государственных школ. Параллельно росла роль частных учебных заведений, где процентная норма не соблюдалась, увеличивалось количество евреев, обучавшихся за границей.

Дабы представить социокультурный облик своих «персонажей», Иванов вводит в научный обиход материалы четырех переписей еврейского студенчества (в Киеве, Одессе и Москве в 1909–1913 годах) – важнейший источник для изучения формирующейся светской еврейской интеллигенции в России. Его анализ позволил охарактеризовать социальный и возрастной состав респондентов, источники формирования их бюджета, степень бытового благоустройства, состояние здоровья, академическую проблематику (мотивы поступления в высшую школу, продолжительность пребывания там, круг чтения), а также национально-культурный и общественный облик: отношение к возрождаемому ивриту и разговорному идишу, к ассимиляции, к репатриации в Палестину, к иудаизму. На основании изучения переписей Иванов

отмечает «укрепление в еврейской студенческой среде послереволюционного (речь идет о революции 1905 года. – А. Л.) периода идеологии сионизма».

Ряд мнений и оценок автора требуют уточнений. Едва ли можно согласиться, что «облаченная в броню иудаизма еврейская религиозная община всячески противодействовала» поступлению евреев в университеты. После того как сенсационная новость 1861 года о предоставлении выпускникам-евреям тех же прав и привилегий, что и выпускникам-христианам, стала известна в черте оседлости, минский раввин Залкинд Минор обратился к своим прихожанам с эмоциональным «Гласом радости»: «Удерживать ваших сыновей от приобретения полноправия посредством посещения гимназий и университетов – значит самим погубить будущность своих собственных детей. Просветись же и просвещай!» Мало отличались и статьи на эту тему в еврейской печати – хотя определенное противодействие ортодоксальных, особенно хасидских, лидеров уходу еврейской молодежи в «гойскую» школу, разумеется, существовало.

Вряд ли можно пользоваться применительно к евреям в Российской империи понятием «русские Моисеева закона». «Немцы Моисеева закона» и «французы Моисеева закона» – подобная самоидентификация действительно получила широкое распространение среди евреев Западной Европы в связи с популярностью реформистского течения в иудаизме. В России же все возрастающая часть еврейского населения воспринимала себя как отдельный народ, а не просто религиозную общность, – и, что гораздо важнее, именно так воспринимали их окружающие.

Говоря о росте численности евреев в общей средней и высшей школе, нельзя забывать, что в то же время продолжали развиваться и даже реформироваться ешивы. Автор явно ошибочно относит к партиям «сионистского толка» «сеймовцев», близких к эсерам, и «территориалистов» – и те и другие выступали постоянными оппонентами сионистов.

Впрочем, никакие критические замечания не дают повода усомниться в значимости монографии Иванова, являющейся, кроме прочего, свидетельством того отрадного факта, что исследования по истории евреев в России вновь становятся предметом внимания даже тех специалистов, чьи научные интересы не связаны напрямую с еврейской проблематикой.

Àèàèàí äð Èéèèí

Книжка-перевертыш

Книга о дореволюционном еврейском студенчестве безусловно интересна и необыкновенно важна. Именно ее материалы могут послужить основой для серьезных выводов о движущих силах последующих потрясений российской истории. Почему так много еврейской молодежи приняло участие в революции? (Впрочем, известно, что студенчество – всегда одна из наиболее активных социальных групп в обществе.) Каков был социальный состав еврейского студенчества? В какой мере ему была присуща традиционная религиозность? В каких отношениях еврейское студенчество состояло с властями и с нееврейским окружением? Ответы на эти существенные вопросы можно почерпнуть в книге А. Иванова.

Но надо отметить и другой, уже печальный, факт. Даже беглый просмотр книги создает странное впечатление. Дело в том, что из общего объема в 436 страниц собственно авторский текст занимает 161 страницу, то есть немногим больше одной трети. Остальное – «Приложения», включающие три аналитических обзора: Д.Е. Шейниса о киевском и московском еврейском студенчестве и авторов, скрывшихся под псевдонимами С–ий Б. и К–р М., о еврейских студентах Одессы. При этом половину авторского текста Иванова занимает комментарий к указанным исследованиям. Не приличнее было ли, как это обычно делается при переиздании, напечатать на обложке имена всех авторов, а себя назвать автором предисловия, комментариев, или же, в крайнем случае, указать в качестве одного из авторов?

Иванов все сделал иначе. Он даже не удосужился сказать несколько слов об исследователях, на труды которых он не просто опирается, но целиком приводит. Нет элементарных биографических данных о Шейнисе, которого сам Иванов кратко определил как «пионера» национальных переписей. Автор не стал утруждать себя и попыткой раскрыть псевдонимы С–ий Б. и К–р М. В результате не только имена достойных исследователей так и остались забытыми, но и складывается не слишком красивая картина, когда основная часть книги превращается в «приложение», а «приложение-комментарий» – в основную часть.

Тем не менее повторюсь, что все материалы, представленные в книге, исключительно интересны. Они ломают многие устойчивые стереотипы в наших представлениях о еврейском образовании. Так, по данным Шейниса, из опрошенных киевских студентов не более половины умели читать по-древнееврейски, при том что в студенты попадали отпрыски более обеспеченных семей, а значит и получавшие лучшее образование. Так что с умилением говорить о «народе Книги», по крайней мере применительно к началу XX века, вряд ли приходится.

АННОТАЦИИ

Леонид Смиловицкий. Евреи в Турове:

История местечка Мозырского Полесья

Иерусалим, 2008. – 800 с.

Солидный академический труд, выдержанный в модной и перспективной традиции «истории повседневности». Много архивного материала, много неизвестных и малоизвестных фактов. Но детальная реконструкция туровской конкретики XIX–XX веков для Смиловицкого не самоцель – Туров служит ему моделью для описания местечка вообще. Перед читателем предстает типичное поселение в черте оседлости – сначала несколько сот, затем несколько тысяч евреев. А потом Холокост, фактически поставивший точку в истории Турова как еврейского центра. «В наши дни уже ничто не напоминает о былом еврейском присутствии, и этим Туров ничем не отличается от большинства местечек и городов Белоруссии, имевших богатые иудейские традиции», – подытоживает автор.

Альберт Каганович. Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии

Иерусалим, 2007. – 448 с.

Главное слово, характеризующее монографию Кагановича, – пропорциональность. Исследователю удалось найти едва ли не идеальное равновесие между базисом – вводимой в оборот эмпирикой и надстройкой – осмыслением добытых фактов. Методологически его работа близка труду Смиловицкого, да и материал «близкородственный» – разве что в качестве модельного взят не Полесский регион, а юго-восток Белоруссии. В остальном все то же: сходное стремление проследить историю евреев в контексте происходившего с другими этносами, сходное желание рассмотреть ежедневную жизнь своих героев на фоне «большой истории». Даже акцентирование роли пейзажа в формировании «коллективного характера» местного еврейского населения роднит двух историков.

Юрина книга. Юрий Штерн.

Воспоминания, стихи, интервью. Родные и друзья о Юрии Штерне

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2008. – 408 с.

Юрий Штерн (1949–2007) – израильский политик, многолетний депутат кнессета – начал надиктовывать мемуары незадолго до смерти. Они доведены до студенческих лет, отдельный фрагмент посвящен периоду отказа. Здесь много занятных подробностей из жизни бардов, отказников, диссидентов, родственников (в том числе двоюродной бабушки мемуариста Лили Брик). Любопытная деталь: по словам Штерна, он ощутил себя сионистом, прочитав бердяевскую «Философию неравенства». Дополняют автопортрет тексты одноклассников, политиков, родных, друзей, знакомых.

Ī āā āī īō āōēyī ē dāāīō āē Ī ēōāēē Ī āēēīā

ПОЙ О МОЕЙ ПОЛЬШЕ

Аיאאאé Úèìàðèèé

Начало, или Прекрасная пани Зайденман

Пер. с польск. Л. Бухова

М.: Текст; Еврейское слово, 2008. – 267 с.

Вильгельм Дихтер

Олух Царя Небесного

Пер. с польск. К. Старосельской

М.: Текст, 2008. – 298 с.

В поезде пограничник, возмущенный тем, что я подал ему паспорт, не отрываясь от книги, решил полюбопытствовать:

– Что-то интересное читаете?

– Интересное, – говорю.

– Про что? Про войну?

– Как вы догадались, – отвечаю, – действительно, про войну. Вторую мировую.

– А называется-то как? – спросил он недоверчиво и, услышав про «Прекрасную пани Зайденман», авторитетно заключил:

– Ну, это, конечно, не про войну.

Не поверил подозрительный пограничник. А зря. Книга-то про нее самую, только не про пиф-паф-ой-ой-ой, а про 40–е годы в жизни нескольких варшавских семей – поляков, немцев и ассимилированных евреев. Евреи – состоятельные адвокаты, преуспевающие медики и модные закройщики, с почтительной клиентурой и доброжелательным окружением, красивые блондинки с голубыми глазами, увлеченные загадками рентгенологии, со свободным немецким и обширной библиотекой, считающие себя интегральной частью европейской цивилизации. Евреи без лапсердаков и талмудов, евреями себя не ощущающие и совершенно не готовые умирать непонятно за что – не за идею, не за нацию, не за прошлое и не за будущее, вообще не за, а из-за: из-за того, что их «породили еврейские чресла», из-за «проклятой металлической коробочки» – мужниного портсигара с его инициалами, из-за идиотской мелочи, из-за которой умирать смешно, глупо, бессмысленно, оскорбительно.

Война для Щиперского – не конец света, не ад и не горный ледник для проверки человеческого качества. Это стадия, чуть ли не нормальная стадия в жизни людей и страны, несколько более нервная и неприятная, но со своими маленькими радостями и со своей обыденностью. И книга про эту войну – не мартиролог и не «козлиная песнь», а ироническая проза, иногда разгоняющаяся до экшна опасного и волнительного, но при этом довольно типового (эпизод в гестапо, смахивающий на историю вызволения Штирлицем радистки Кэт), иногда сворачивающая в вольные интермедии (превосходная миниатюра про чиновного москаля с белыми ручками, коньяком и нагайкой), но с неизменно хорошим неброским юмором:

В кондитерской он <еврейский юноша> поначалу возбудил деликатное любопытство, потом переполох и, наконец, бурную реакцию какого-то мужчины, который выкрикнул: «Еврей ест пирожное!» – как будто еврей, евший пирожное в кондитерской на Маршалковской, был чем-то вроде динозавра, русской великой княжны без бриллиантовых серег или еврея, евшего пирожное в кондитерской на Маршалковской в 1942 году.

Война у Щиперского выражается непосредственно в том, что еврей больше не может есть пирожное в кондитерской на Маршалковской, а в перспективе – в том, что вскоре не будет этого еврея, потом этой кондитерской, а потом и всей Маршалковской. И непонятно, какую потерю Щиперский горше всего оплакивает. Как гуманист – человека, наверное, но как поляк – конечно, Маршалковскую. В чем-то мой бдительный пограничник оказался прав: книга эта не только и не столько про войну. Нет-нет-нет, вы не то подумали, она и не про Холокост – в национальном отношении Щиперский демонстрирует здоровый объективизм и владение разными мифологиями:

Немецкая раса была лучше всех других, для Штуклера это не подлежало сомнению, равно как не подлежало сомнению для многих англичан, что они самый прекрасный народ на земле, как для евреев, верных Завету, не подлежало сомнению, что они – народ, избранный Б–гом, а для поляков не подлежало сомнению, что пребывают под особым покровительством Б–жьей Матери, в то время как немцы – это тевтоны, русские – рабские души, французы – лягушатники, итальянцы – макаронники, англичане – торгаши, а чехи – трусливые Пепички.

Она вообще не про народ и не про народы, а про страну – про Польшу, милую Польшу. Которая виртуозно показана в трех срезах: довоенная – с воспитанными гимназистами, кофе и пирожными на террасе в Лазенках, антикварной мебелью, дорогами

сигарами, крахмальными воротничками и шевиотовыми костюмами, военная – с облавами на улицах, динамитом, восстанием в гетто и русской артиллерией с другого берега Вислы, и послевоенная – под коммунистами, с цветными телевизорами по взятке, очередями, милицейскими дубинками и свиной грудинкой по карточкам.

Про ту же Польшу книга Вильгельма Дихтера, несравнимо менее интересная в художественном отношении. Про ту же дилемму – под фашистами или под коммунистами, где оба хуже, про те же горькие споры и стремление к самостийности, про тех же ассимилированных евреев, которые погибли, не зная за что, а кто не погиб – продолжал мыслить свою судьбу неразрывной с судьбой Польши, робко желая, чтобы и про их трагедию кто-нибудь помнил:

À éóí öü ï ðèáæàðò á Ĩ íçíáí ü

Ĩ íéóíáðò ï áñà è ï úëí...

Ĩ íáíææèòá ï íèà íá í çáí í,

Ĩ á çàáóüüòá èàè ýò í áúëí!

Обе книги – про геополитику. Но не победоносную имперскую, а межеумочную, обреченную всегда терпеть поражение и пестовать неутолимые амбиции. И речь не о Польше даже, а о Речи Посполитой, давно распавшейся и вошедшей в состав разных государств. О лиминальном пространстве, где царили пруссаки, австрийцы и москали, где люди веками жили в ситуации полиглоссии, где у большинства городов по два-три названия, где офицеры СС квартировали в ренессансных палаццо с шедеврами Леонардо и русскими мечами по стенам, а портреты Сталина вешали на фасады венских кондитерских. Где тогдашние и нынешние политические границы воспринимались как условная и временная сетка, искусственно наложенная на культурное единство, но, как известно, нет ничего более вечного, чем временное, и кирзовый сапог оказался способен разрушить многое и поставить точку не только в истории великой еврейской общины, но и на мечтах о Великой Польше. «Никто не забыт, ничто не забыто» – идеал, безусловно, недостижимый, но возможно хотя бы не забывать, что эту войну – и не беспричинно – оплакивают разные национальные памяти.

Óóí - ááèáèáééá,

øí èè ááèáèáééá,

Ðááòñý è íèà: àò ñáðöá í íá!

Ááæá Ááðò

НЕПОЧТИТЕЛЬНЫЙ И НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ ПШАТ

Меир Шалев

Библия сегодня

М.: Текст, 2008. – 267 с.

В легкой и остроумной публицистической книге всемирно известного романиста и всенародно известного колумниста в комфортных пропорциях смешаны высокие чувства и циничное ехидство, суждения вневременные и комментарий сугубо злободневный. Последний, правда, свою ценность постепенно теряет (все же книга была написана больше двадцати лет назад), да и вообще, сиюминутная политическая ангажированность, призывы к государственным мужам брать пример с редких добродетельных героев Библии, сетования на коррупцию и проч. и проч. как раз наименее интересны – как любая мораль и любая газетчина. Поэтому сосредоточимся на наблюдениях более бескорыстных.

Библия Шалева, как он сам заявляет в предисловии, «написана не Б-гом, и ее персонажи отнюдь не святые». И это еще вежливо сказано. Подобный неканонический, непочтительный и даже откровенно эпатажный подход местами забавен и оригинален, местами не очень. Согласитесь, не великий подвиг для конца XX века назвать Сару «злой старой ведьмой», Ревекку – «нравственно низкой» и коварной, Давида – «старым грешником», Г-спода Б-га – «жестоким экспериментатором», а Вооза с Руфью увидеть занимающимися любовью меж снопов. Не нужно особой интеллектуальной смелости и для того, чтобы высветить все сомнительные моменты в поведении Мордехая и Эсфири, книга про которых и так известна своей трудной канонизационной судьбой.

Безусловно ценен сам факт альтернативного отношения к Библии, довольно скудно представленного в хозяйской традиции, где существует ни много ни мало четыре уровня понимания библейского текста – буквальный (пшат), аллегорический (ремез), гомилетический (драш) и мистический (соф) – и масса интерпретативных техник, но все они не выходят за определенные рамки и способны породить лишь полностью благонадежные толкования. Так что появление и в еврейской литературе оценки Библии как книги очень своей, но при этом совершенно человеческой, которой, выражаясь словами Бахтина, просто необычайно повезло, представляется крайне плодотворным. Ибо освобождение от почтительности в перспективе обещает фейерверк буйной фантазии, генерирующей образы от самых inferнальных до самых отвязных. Очевидно, не сразу. Ведь немало времени прошло с тех пор, как кто-то заметил, что бездеятельный меланхолик и философ, эталон чести и совести принц датский за несколько дней наворотил гору трупов, до появления ярких одиозных Гамлетов Стоппарда, Аки Каурисмяки и Преснякова-Серебряникова.

Àààèä Åàðò

НАСЛЕДСТВО ПРАДЕДУШКИ ИОСИФА

Александр Иличевский

Мистер Нефть, друг

М.: Время, 2008. – 224 с.

В 1918 году ювелир Иосиф Дубнов уехал из Баку в Америку, спасаясь от военно-революционного хаоса, интервенции и полной неопределенности. Жена его Генриетта осталась по другую сторону океана вместе с дочкой Лидой. У Лиды вырос сын, у него – тоже сыновья, и теперь, в конце 80–х годов XX века (время действия романа), оба этих правнука Иосифа, Петр и Глеб, оказываются втянуты в нескончаемо-запутанное дело о наследстве своего предка.

Дело в том, что их дальний родственник, могущественный гэбэшный полковник Фонарев, решительно претендует на собственность Дубнова-прадеда. При этом его интересует не столько полузаброшенная апельсиновая плантация в 30 километрах от Яффы (наследство явное), сколько наследство тайное: израильское ранчо – пустык по сравнению с восемнадцатикратным алмазом. Причем ценность алмаза не в этих каратах, но в шифре, нанесенном умельцами на грани камня. Тот, кто владеет алмазом, владеет картой скрытых месторождений бакинской нефти. А нефть – это наше все...

Если кто-то, прочтя два предыдущих абзаца, решит по недоразумению, будто роман Александра Иличевского – нечто детективообразное, он глубочайшим образом ошибется. Детектив предполагает внятность фабулы, четкость мотивировок или хотя бы наличие оных; персонажи, включенные в приключенческий круговорот, должны быть художественно обрисованы, пусть и самым минимальным образом, дабы читатель мог сопереживать одним и негодовать, наблюдая за другими. Но за такую пошлость, понятно, можно лишиться высокого звания Серьезного Прозаика. Поэтому недавний лауреат русского Букера (за роман «Матисс») достает из своих творческих кладовых десятилетней давности вещь, в которой мастерски отбрасывает и внятность, и сюжетность, и образность.

Не знаю, как в других странах, а в нашей стране писатель-букериат похож на расшалившегося д'Артаньяна с индульгенцией от самого кардинала Ришелье: все дозволено. «Встреча с Петром, как я уже догадывался, будет иметь не только ретроспективно повествовательный характер»; «на ее лице медленно жило выражение внимания»; «уверившись, ты засвечиваешься своей определенностью обстоятельствам, которые тут же, на подхвате и организовываются случаем» – подобные заковыристые обороты можно выписывать наугад, открыв книгу в любом месте. Герои возникают и пропадают. Концы не сходятся с концами. Повествование то скачет козликком, то замирает

на десятки страниц. Каждую крупницу смысла читателю предстоит мучительно выковыривать из селевого потока больного сознания – Авксентий Поприщин со своим алжирским деєм отдыхают.

Иличевский, конечно, не может обойтись совсем уж без рудиментов фабулы и микросюжетов: то вдруг мелькнет ужасающе яркий флэшбек (погром в еще недавно мирном городе, выплеск немотивированного зверства, нагромождение бессмысленных смертей), то вдруг выскочит картинка из недалекого будущего (воспоминания о том, как в 1991 году герои пережидали воздушную тревогу в Несс-Ционе, спасаясь от саддамовских «скадов»). Но эти прорывы из царства темного бубнежа в пространства смысла – большая редкость.

«Надо было срочно что-то делать, – размышляет Глеб в темнице (то ли Фонарев его засадил, то ли это глюк; может, и не Глеб размышляет, а Петр; за сменой нарратора фиг уследишь). – Но о чем же написать? Писать ни о чем сложно. Это серьезное испытание».

Автор это испытание с честью выдерживает. Ни друг, ни враг не узнают, где алмаз и был ли он вообще. К финалу мы уже готовы усомниться во всем, включая факт существования Баку, Москвы и Яффы: призрачно все в этом мире бушующем; держаться там не за что и незачем. Лишь милосердно небольшой объем романа позволит читателю не утонуть совсем. Уже за то, что в книге две сотни страниц, а не шесть, Александр Иличевский достоин еще какой-нибудь премии.

Di ai Aðaeò i ai

И МОЙ СМЫЧОК СО МНОЮ

Иегуди Менухин

Странствия

М.: КоЛибри, 2008. – 688 с.

«Каждый более-менее музыкальный еврейский ребенок из России буквально обречен был стать скрипачом...» – меланхолически замечает автор в одной из первых глав. Но далеко не каждый ребенок, которого с детства мучили гаммами, становится в итоге гениальным исполнителем, великим дирижером, основателем собственной школы, лауреатом бесчисленного числа премий и пэром Англии.

Маэстро Менухин оказался таким уникалом.

Папа будущего музыканта, из семьи хасидских раввинов, в 11 лет сел на пароход, следующий из Одессы в Палестину. Мама маэстро, тоже родом из России, в юности волею судеб также оказалась на Земле обетованной. Однако поженились молодые люди уже на другом континенте, в Нью-Йорке. Оба высокие, светловолосые, внешне они мало походили на семитов. Так что, нанимая квартиру, услышали от хозяйки: «И еще могу вас обрадовать: евреям я не сдаю». Мама рассердилась: «Ах, так!» – и своего первенца в 1916 году назвала Иегуди. Чтобы сразу было ясно, кто их сын, и чтобы сам он этого никогда не забывал.

А он и не забывал. Хотя по праву считал себя гражданином мира, одинаково комфортно чувствующим себя в США, Англии, Израиле, Швейцарии, а также в поездах и на пароходах. Самолеты ему нравились меньше, но ими тоже приходилось пользоваться – как иначе успеть, если утренний концерт в Мадриде, а вечерний – в Лондоне?

Когда Иегуди было два года, родители взяли его на концерт сан-францисского симфонического оркестра – просто не с кем было оставить ребенка. Когда мальчику исполнилось четыре, ему купили скрипку. За месяц до своего девятилетия он дал первый сольный концерт. Когда, тринадцатилетним, он гастролировал по Европе, к нему после триумфального концерта в Германии бросился Эйнштейн, восклицая: «Теперь я знаю, что есть Б-г на небесах!..»

К моему русско-еврейско-американскому стволу привиты побеги французской, немецкой, итальянской и английской культур, – читаем в книге. – В моем исполнении

произведение должно звучать по-немецки классично, по-русски экспрессивно, по-американски блестяще, по-французски изысканно и по-английски точно...

Книга Менухина – это не только и не столько автобиография. Повествователь не очень строго придерживается хронологического принципа и позволяет себе делать паузы и посвящать обширные фрагменты друзьям, родным, коллегам, учителям, объясняться в любви к Страдивари и погружаться в теорию музыки. Автор не боится показаться наивным или парадоксальным; для него главное – не сфальшивить, написать именно так, как он чувствует, а не так, как положено.

Благодарю судьбу, которая оградила меня от фортепиано, – чистосердечно признается маэстро и тут же поясняет свою мысль: – Фортепиано говорит многими голосами, скрипка – одним, но история доказала, что слово, сказанное одним для многих и от имени многих, более действенно, чем любые коллективные решения.

Менухин и в жизни был человеком-скрипкой, который упрямо вел свою сольную партию. В Израиле пытался подружить евреев с арабами – чуть ли не в разгар Шестидневной войны. В послевоенной Германии защищал дирижера Вильгельма Фуртвенглера, несправедливо обвиненного в пособничестве нацистам. В республиканской Румынии заступался за короля-изгнанника Михая. В ЮАР времен апартеида дал в Йоханнесбурге концерт для черного населения. В СССР начала 70-х публично превозносил опального Солженицына и требовал от Фурцевой отпустить Ростроповича на гастроли во Францию. Менухин сотрудничал с «Международной амнистией», делился гонорарами с Красным Крестом, создал именной фонд для молодых музыкантов. А еще увлекался йогой, любил стоять на голове (приводя в восторг Неру и нервирова фон Караяна) и упорно склонялся к вегетарианству, но так и не склонился до конца – не мог побороть всех гастрономических искушений...

Болезнь застала его во время очередных гастролей. На его похоронах были представлены все мировые религии. «Лично я – один из самых счастливых смертных на земле: у меня есть музыка, которая дает мне возможность выразить себя и общаться с миром», – так писал он за три года до смерти. И еще одна цитата: «Согласно моим моральным принципам, право на что-либо не может быть получено в единоборстве с другими людьми – это право можно только заслужить». Так что весь мир маэстро получил по заслугам.

Di ai Adae oi ai

ГОЛОСА ВЕЩЕЙ, ИЛИ РОМАН О ВЕЩНОМ

Робер Бобер

Залежалый товар

Пер. с франц. М. Яснова

М.: Текст, 2008. – 188, [4] с.

Казалось бы, брать в герои неодушевленный предмет после всех народных сказок и Андерсена в придачу – дело неновое и неблагодарное. Тем не менее книги о «вещном» и в современной литературе не редкость. (Взять хотя бы «Коллекционную вещь» Тибора Фишера, где рассказчица – живая ваза «с характером».)

Однако французский писатель и кинорежиссер Робер Бобер избирает иной ракурс. «Залежалый товар» – роман последний в авторской хронологии, но первый из переведенных на русский. И перед нами – не люди в неодушевленной «шкуре» (и не абстрактные души предметов, как в «Синей птице» Метерлинка), а именно вещи, и Бобер конструирует их сознание.

Итак, героини романа – три жакетки с песенными именами образца 1949 года: «Не зная весны», «Месье ожидал» и «Без вас». В тщетном ожидании покупателей висят себе рядышком в парижском ателье, где учатся размышлять и говорить, а затем отправляются «в мир» – на распродажу. Что характерно: именно «залежалый товар», вещи, так и не ставшие «хитами сезона», оказываются в итоге знаками времени, остаются в нем маленькими материальными константами, в отличие от более удачливых товаров по ателье.

Незатейливые сюжет и язык, ласково ненавязчивые авторские размышления – все до банальности просто, но... На страницах романа кипит послевоенный Париж: бульвары и театры, автобусы и бенефисы, афиши и кафе – все в нем поет. Меткие стаккато идишских словечек в ателье, отзвуки счастливых и печальных воспоминаний, полифония еврейских притч. Остинатный гул недавней войны – как давно это было! Мелодии пронизывают текст – наверное, потому он так легок: слово стремится к песенному, неравному самому себе, растворенному в музыке, голосе, жизни.

И чудесно спеты сказочно обычные, трогательные люди. Грустный пошивщик с его горькой памятью, юная аккордеонистка с ее наивным фольклором, театральный постановщик чеховских пьес с его думами о дедушке из Пшемысля...

Солнечные лоскуты, привычные мелочи, слова и молчания, в которых, неприметное, тихо улыбается счастье.

Àëëà Nîëï'áí éï

ВО ВЛАСТИ АВГУСТА

Яков Тублин

Образ жизни: Избранные стихотворения и поэмы

СПб.: Лимбус Пресс;

ООО «Издательство К. Тублина», 2008. – 336 с.

Остановиться, отдышаться. Оглянуться. Обрести вместо суетной жизни предзакатное бытие, не для себя уже – для внуков и правнуков, которым повезло – или повезет – родиться в Святой земле:

В а́и̇и̇ò èò ü í á áóóó í ðàçéóéá

Í î ò î î ó éáè ì î ää ää ò ü ì í á

áá ò ü

В í ää ä ð ï ü ä ü ò ò á í ó è è -

Á í ó è è, í à ð ì ä è ä ò è à ï ü ç ä ï ü

Об этом – стихи Якова Тублина, написанные после переезда в Израиль (1991). Они, а также стихотворения прошлых лет, в том числе ранее не издававшиеся, и две поэмы вошли в книгу избранных произведений «Образ жизни». Автор предваряет ее краткой биографической справкой, но все и без того ясно – настолько откровенно поэт говорит о себе, лирического героя от его создателя можно отодрать разве что с мясом. Жизнь как жизнь, без запредельных взлетов. И стихи ей под стать, всего в них понемножку: вечного и злободневного, политики и природы, встреч и расставаний. Прямо и просто, без туманных метафор и накрученных рифм.

Однако даже в непривычно счастливой израильской глуши от бывшего не отмахнешься: tabula все-таки не gasa, там, за усталыми плечами, – «соленая Родина», то ли мать, то ли мачеха, но своя:

B ðíäëüŷ íá òàì, íá òíãüà -

Nèðüé íãñíí êé äëéé

í ò : è ç í ü.

Àì ãñòí æéçí è ñó : è è àñí

áááá..

Àññ æá ŷ àüá æèá -

í ññá æéçí è.

Никаким вечерним волнам не смыть пороховой военной памяти (поэма «Помни Войну»), не уласкать прежних унижений, не своих даже, а всего народа (поэма «Леитраот, Россия!»).

Да и сама эта жизнь, трудовая и трудная, слишком часто свинцовыми грузилами тянула-пригибала к земле – тут уж не до стихов:

Çàí èì àëŷŷ äíáüáàí üüì òëááá,

Àíçáí äëë ñò ðíí èèà

í ñä äíæääì.

Èðüëüŷ ãññ æçéá ò à ò ü òí ò äëè

á í ááí -

B øäí ò äë èì : «Í ññæääì ».

Потому таким дорогим «запоздалым подарком» стали вольные странствия: Париж, Лондон, Флоренция, да что там – Норвегия, Дания, Америка...

И все же основная интонация сборника – «элегичная» (любимое автором словечко), с отливом не в хандру, а в покой и примирение:

Àíáü çðäëüá - äüñøäŷ í ðíáá

Àíáü í ðíøëüá - áëèæíŷŷ

ääëü

Òàì, ãñá áüëè í ò : äŷí üü

çēīāā,

Ī īñēēēñī ēpāīāī ē ī ā: āēū

И из ранних стихов выбраны задумчивые, тихие, как полевые травы: «Август мой, / Я у тебя во власти...» Пусть порой и накатывают тоска и бессилие – им не загасить это теплое, благодарное сияние за шаг до осени.

Āēēā Nīēīī āī ēī

СКАЗ О НЕМЫСЛИМЫХ СУДЬБАХ

Маргарита Хемлин

Живая очередь

М.: Вагриус, 2008. – 368 с.

Сборник московской писательницы Маргариты Хемлин (вошедший, кстати, в шорт-лист премии «Большая книга»–2008) состоит из двух разделов: рассказы большие и рассказы маленькие. Маленькие вполне традиционны и, в конечном счете, восходят к еврейскому анекдоту, житейской трагикомической байке. Куда интереснее – в жанровом и стилевом отношении – цикл крупных рассказов, занимающий большую часть книги.

Фактически это спрессованные до размеров новеллы семейные хроники, повествования с масштабным охватом времени и пространства. Бесхитростно-однотипные названия – «Про Иону», «Про Иосифа», «Про Женю» и т. д. – выдают «непридуманную», устную природу этих историй. Чувствуется, что материалом для них послужили домашние разговоры, рассказы знакомых, семейные и соседские предания. Недаром многие сюжеты вращаются вокруг Чернигова – родного города Хемлин.

В сказовой, «наивной» манере писательница поведала нам о драматичных, запутанных, подчас невысказанных судьбах российских (советских, постсоветских) евреев. Житейская мудрость тут соседствует с поиском национальных корней, политика – с философией. Фольклорные и библейские мотивы пронизывают почти каждый сюжет. Это своего рода галерея еврейских характеров – живых, цельных, колоритных. И очень разных. Каждый из текстов вмещает цепь событий, которых иному прозаику хватило бы на полноразмерную сагу.

Вот, для примера, сюжет одной из поведанных Хемлин историй – «Про Иосифа».

1950 год. В райцентре Козелец близ Чернигова появляется молодой врач, выпускница киевского мединститута Римма Троянker. Игнорируя советы «вести себя тихо» (ибо времена для евреев не самые благоприятные), она активно проявляет себя по медицинской, общественной и «светской» части. В общем, что называется, бойкая девица, с точки же зрения пожилых обывателей – попросту вертихвостка. У нее завязывается дружба с семьей фронтовика Иосифа и его жены Мирры (оцените анаграмму «Мирра – Римма»). Семья уже пострадала от «космополитических» гонений, что ввергло Иосифа в депрессию и мизантропию, но Римма с юношеским пылом пытается «расшевелить» супругов. Мирра, однако, подозревает, что молодая особа положила глаз на ее

непрактичного мужа... Идут годы, умирает Сталин, «врачи-убийцы» оправданы, и Римма неожиданно для всех выходит замуж за подросткового сына Иосифа и Мирры – Исаака. Молодые переезжают жить в Киев (Риммин папа – видный заслуженный врач), а потом и в Москву. Стареющий Иосиф живет в мире ветхих еврейских книг, однако в 70-х такое увлечение становится небезопасным для родственников – особенно если они делают советскую административную карьеру. Римма тайком от Иосифа опустошает набитый фолиантами сарай. Но никто не знает, что сын Риммы и Исаака (переименовавшегося в Игоря) – на самом деле от этого самого тихони-книжника и «притаившегося сиониста»...

Истории разные, но типологическое родство сюжетов и образов несомненно. В каждой истории непременно присутствуют: запутанная семейная интрига, многочисленные переезды, призрак Трора, конфликт «ортодоксов» с «ассимилянтами», чересполосица рождений и смертей, сближений и охлаждений, обид и прощений. Кажется, все нюансы российско-еврейского бытия середины и конца XX века нашли отражение в этой книге. Вместе с Маргаритой Хемлин эту книгу создали многие – те, кто рассказывал ей все эти немыслимые истории, кто ушел, не написав о своей жизни ни строки. Все они – своего рода «живая очередь» из рассказчиков, свидетелей, хранителей национальной памяти.

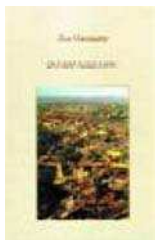
Аі ääæ İ èðïøèèí

ИСТИННЫЙ ЛЕВ

Лев Овсицер

Возвращение

Иерусалим, 2007. – 400 с.

Не так часты у нас встречи с теми, к кому безусловно приложимо определение «герой». Дело не в титулах или званиях. Личность с определенной отметиной несет жизненную ношу с такой отвагой, с таким благородством, что это убедительно отпечатывается в отзывчивых сердцах. Таким был полковник Лев Овсицер, ушедший от нас 19 июля 2007 года.

Мне посчастливилось познакомиться с Овсицером в Москве в 1980–х годах и общаться с ним в Иерусалиме в его последнее десятилетие. Уже немолодой, он сохранял величественную воинскую выправку и напоминал портреты Джорджа Вашингтона. Но чувство собственного достоинства и врожденный аристократизм сочетались у Льва Петровича с мягким юмором, изрядной автоиронией и жестким отношением к себе. И книга его – книга о героизме – вовсе не самопанегирик, а честное и умное свидетельство современника об ушедшем XX веке.

С 1941-го по 1945-й Овсицер провоевал – с немалыми успехами – на легком штурмовике У-2. Потери в таких частях были огромны. Дважды смерть и посмертное бесчестие были в шаге от героя. Первый раз – в мае 1943-го под Курском: ночной вылет по ошибке завершился посадкой в тылу врага, спаслись пилот и штурман только благодаря выдержке, профессионализму и редкой удаче. Второй – летом того же года под Киевом, когда на вираже ветер вырвал у Овсичера пакет, предназначенный для личной передачи кому-то. От расправы его спасло только заступничество командира дивизии, знавшего цену бесстрашному штурману.

Именно Овсицер инициировал и провел серию из 24 ночных полетов над окруженной немецкой армией под Сталинградом, во время которых он разбрасывал листовки и по-немецки скандировал в мегафон текст советского ультиматума. Деятельность воздушного парламентаря окончательно деморализовала врага и способствовала капитуляции Паулюса, что фельдмаршал признал лично. Но, представленный Рокоссовским к званию Героя (с неоднократным напоминанием Ставке), за этот подвиг Овсицер не получил вообще никакой награды, хотя орденов и медалей с войны привез немало (в книге вскользь упомянуты «пять рядов орденских планок»).

Государственный антисемитизм, разворачивавшийся в Советском Союзе с конца 30–х годов и в конце 40–х – начале 50–х принявший самые омерзительные формы, разрушил коммунистические иллюзии у многих евреев. Самые смелые пришли не только к национальному самосознанию, но и к борьбе за право выезда на историческую родину. Одним из ярчайших в этом ряду оказался Овсицер.

Борьба эта требовала не меньше мужества, чем вторая мировая. Власти знали немало приемов воздействия на ослушников. Уговоры в кабинетах высокого начальства, к примеру. (На одном таком сеансе выяснилось, что за несколько лет до этого комиссией Министерства обороны Овсицер был признан «лучшим офицером Военно-воздушных сил» – в свое время антисемитское начальство скрыло от него решение комиссии.) Ослушнику угрожали в следственных кабинетах КГБ, лишили его военной пенсии, разжаловали из полковников в рядовые, устраивали обыски, шельмовали в печати. Истинный лев, Овсицер с честью перенес все испытания и после шестнадцати лет «отказа» в конце 1987–го приехал в Израиль.

В завершение приведу строки из предисловия, принадлежащего Натану Щаранскому: «Пожалуй, логично, что советские власти не дали Льву Петровичу положенного ему звания Героя Советского Союза. Лев Петрович – герой нашего народа, нашей страны, нашей истории». Я не всегда согласен с г–ном Щаранским, но в этом случае хочется присоединиться.

Àáàì Òíòí òí àí

ПОЛЕЗНО, НО НЕУДОБОЧИТЕМО

Словарь религий. Иудаизм, христианство, ислам

Под редакцией В. Зюбера, Ж. Потэна

СПб.: Питер, 2008. – 656 с.

Идея составления подобного словаря безусловно замечательная: три монотеистические религии имеют множество исторических, Б-гословских, культурных параллелей и пересечений. Авторы приводят много полезных сведений, относящихся к каждой из религий, благодаря чему читатели могут не только повысить образовательный уровень, но и сравнить трактовку схожих понятий.

С другой стороны, форма и содержание такого справочника требуют тщательной проработки. И здесь, нам кажется, его составители выбрали далеко не лучший вариант. Словарь разбит на три раздела, по числу рассматриваемых религий; связь между статьями разных разделов осуществляется при помощи перекрестных ссылок. В результате неизбежно большое количество повторов.

Например, понятие «ад» прочно укоренено в каждой из религий, в связи с чем соответствующая статья встречается трижды. Из раздела «Иудаизм» читатель узнает, что ад – это «место пребывания злодеев и грешников после смерти», из раздела «Христианство» – что это «место пребывания осужденных на муки после смерти грешников», а из раздела «Ислам» – что там после смерти «нечестивцы претерпевают мучения и кары». Целесообразнее, по всей видимости, было посвятить общим для трех религий понятиям по одной статье, где выявлялись бы как общность, так и отличия их толкования в разных Б-гословских традициях.

К сожалению, нельзя не отметить многочисленные недочеты в работе переводчиков и редакторов. В статье «Библия» не упомянуты важные различия в употреблении понятия «каббала» в раннераввинистической традиции и в Средневековье, вследствие чего читатель может основательно запутаться. (Добавим, что, в отличие от ада, Библия не удостоилась нескольких отдельных статей, и в разделе «Христианство» это важнейшее понятие почему-то рассматривается в рамках статьи «Завет».) Авраам волей переводчика поселился в «приглянувшемся ему местечке <...> Берсбее», а не в Беэр-Шеве («Вирсавия» в русском синодальном переводе). Понятие «мацот» читателям придется искать под вынесенным на первое место в заголовке статьи практически не используемым в русском языке словом «азимес», которое означает «бездрожжевой хлеб» в испанском и французском языках и употребляется, в подавляющем большинстве случаев, применительно к католическому причастию – хотя в статье о причастии оно почему-то не

фигурирует. Кстати, «евхаристии» и «причастию» посвящены отдельные статьи, при неразрывной связи этих понятий. Название утренней молитвы «шахарит» приводится в книге только в латинском написании, *shaharit*, хотя русский калькированный вариант вполне известен и употребим.

Подобных примеров можно привести множество. Дегтя в весьма полезном издании оказалось на целый половник. Очень жаль.

Ἐὐεὐ ὀαῖαε

ААРОН ИЗ КОВЧЕГА

Ī ēōāēē Ī ā-Ēĭāī

Художественная жизнь Израиля иногда навевает мысль о Ноевом ковчеге, который продолжает свое плавание и после Потопа. Валы советской цензуры, бессмысленной и беспощадной, давно сошли на нет, но те, кому пришлось спасаться, отстаивать свой взгляд, не хотят отказываться от опыта, сохраненного ценой эмиграции. И несмотря на то что в Израиле выросло уже не одно поколение местных художников, ориентированных в основном на Европу и Америку, «русских» арт-олим здесь тоже немало. Ведь среди переселенцев преобладала интеллигенция, и существенную ее часть составляли выпускники многочисленных художественных институтов и училищ.

В Третьяковской галерее прошла выставка художника Аарона Априля. Имя его сегодняшнему российскому зрителю не говорит, пожалуй, ни о чем. В самом деле, кто будет помнить художника не первой, признаемся, величины, который последний раз выставлялся здесь в 1971 году, а уехал год спустя? Хотя... Вот что написал в своем «ЖЖ» художник Владимир Сальников: «Нравился мне в детстве художник Арон (Аарон) Априль, шестидесятник, шедший в одной обойме с Жилинским, Попковым, братьями Смолиными. Потом он куда-то исчез. Несколько лет назад вспомнил я о нем: писал статью о советском времени. Поспрашивал о нем знатоков, девушек из ГТГ. Никто о нем вообще не слышал. Посмотрел в Интернете. Нашел краткую биографию его. Узнал, что он сын виленского аптекаря, экспроприированного после воссоединения Литвы с Союзом и высланного вместе со всей семьей, по-моему, в Сыктывкар. Где его брат сошел с ума от выпавших трудностей. Правда, таким образом семья спаслась от погромов, устроенных литовцами после отступления Советской армии. Тем не менее Арон получил художественное образование в Москве и в годы, малоблагоприятные для еврея с таким классовым происхождением, а потом сделал сногшибательную карьеру – стал одним из ведущих художников Союза и вдруг куда-то делся. В Израиль уехал, решил я. Но в израильских ресурсах ничего о нем не нашел. И вот намедни вижу в Музее Церетели каталог Аарона Априля. Полистал. Ужасно! Где тот художник, которого я любил? Какая-то мазня! Может, правда, в музеях что-то его сохранилось – из старого. Вот такая печальная история».

Насчет «одного из ведущих художников Союза» – это, пожалуй, преувеличение, хотя выставлялся Априль действительно очень активно. Однако в остальном запись В. Сальникова показывает, как смотрится нынешний Априль глазами тех, кто знал его как апологета «сурового» стиля. Не каждому удастся сохранить стилистическое единство на протяжении всей художественной жизни, но не каждому удастся и прожить несколько таких жизней. Аарону Априлю удалось.

Он действительно родился в Литве в 1932 году, в обеспеченной семье. Поместье, где прошло его детство, находилось неподалеку от станции Кибарты, где родился И.И. Левитан. Это счастливое детство дорого обошлось Аарону: в 1941 году девятилетний мальчик вместе со всей семьей был депортирован сначала в Алтайский край, а потом и вовсе за Полярный круг, в поселок на реке Яна. Школу будущий художник закончил в Якутске. В 1949–1951 годах он учился в Московском государственном художественном училище памяти 1905 года, но детское счастье не

отпускало: в 1951 году его сослали вторично. И в общем-то, закономерно, что, окончив в 1960 году Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова, он выбрал для себя «суровый» стиль. «Кто-то сказал на первом курсе: “Да ты одной умброй рисуешь, и земля серо-умбристая”», – вспоминал художник. Именно в такой гамме в начале 1960–х писал он «Рыбаков Нарыма» и холодный пейзаж города Мирный, знакомый ему по депортации.

Перелом наступил в 1972 году, после путешествия в Индию и на Ближний Восток. «Я эмигрировал в Израиль прежде всего потому, что я еврей...» – заявил Апрель недавно каналу «Культура». Но, думается, дело не только в этом: как художник, весьма завязанный на географию, на краски земли, он, видимо, почувствовал, что неброская восточноевропейская природа уже не даст ему ничего нового, а вот в Израиле его ждет много открытий, большое движение вперед.

И не ошибся.

Разве можно узнать «суровостильника» в этих ярких пейзажах, в этих буйных акварелях, в этой неудержимой цветовой игре? Заведующая выставочным отделом Третьяковки Нина Дивова не случайно отметила: «Картины и акварели художника на мифологические и библейские сюжеты имеют особенное излучение: если зайти в выставочный зал в пасмурную погоду, похоже, будто там все залито солнечным светом». В таком фейерверке не сразу просматривается предметность: «Для меня, как художника, привыкшего в своих работах к четкости, ясности рисунка и цветового пятна, – пишет о своем старом друге художник Дмитрий Жилинский, – иногда трудно бывает сразу сосредоточиться, вникнуть и понять стилистический и живописный строй его картин. Но когда всмотришься, то бываешь благодарен художнику за истинную радость сотворенного».

В творчестве Апреля идет интересная борьба цвета со светом, выражающаяся в выборе материала, предмета изображения и в конечном счете самого жанра. В живописи побеждает цвет: «В Иерусалиме свет особенный, иногда даже жестокий, и он активно вмешивается в живопись... За этим светом трудно разглядеть реальность. И моей задачей было победить в состязании со светом». Работы маслом у Апреля – а это в первую очередь сегодняшние иерусалимские пейзажи – очень пастозные, насыщенные цветом, и даже холодные цвета на его полотнах обжигают. Иное дело акварели: «У акварели есть свой внутренний свет», – говорит художник, который использует эту технику для библейских сюжетов и портретов. На любую акварельную работу художник тратит времени больше, чем на картину маслом, но и от зрителя требует вдумчивости, которая позволит ему увидеть в пятнах цвета и света мерцающие фигуры. Например, самоуверенного Ирода в роскошной тунике («В летнем дворце Ирода»). Или робкого «Иова». Кстати, библейская тема появилась у Апреля случайно: читая Священное Писание в подлиннике, на иврите, художник нашел фразы – точные определения своим картинам. Так появилась «Песнь песней» (1981–1983). Так возникает многослойная образность его картин, а канонические сюжеты – «Лот с дочерьми», «Агарь», «Жертва» – наполняются новым содержанием. «Два уровня его картин “работают” раздельно, – замечает об этом Илья Кабаков, – уровень драматического сюжета и закрывающий его занавес краски – и между ними сложная и таинственная связь и разрыв».

Поселившись в Иерусалиме, художник преподавал живопись, рисунок и композицию в университетах Хайфы и Иерусалима, выставлялся в Израиле, Германии, Франции, Швейцарии, Канаде, США, России, а в 2005 году был избран почетным членом Российской академии художеств. Все 95 выставленных произведений созданы им за

три с половиной десятилетия израильской жизни и объединены, по собственному признанию художника, единой задачей – выразить совокупный образ страны. В последние годы он предпочитает язык аллегорий. Вот работа «Аллегория размежевания». Она автобиографична: девять лет Аарон Апрель руководил поселением Санур, где работали и выставлялись художники родом из России. Это поселение попало под программу размежевания израильтян с палестинцами, теперь там военная база. Художник рассказывает эту историю с помощью символов. «Это то, что Серов говорил: не изображать, а дать почувствовать», – поясняет он.

На самом деле эта фраза – одна из ключевых. Она объясняет то странное впечатление, которое оставляют эти, казалось бы, такие хаотичные, экспрессивные, спонтанные полотна с нездешней яркостью красок: вроде бы что-то похожее мы уже видели...

Да, видели. Через несколько лет после отъезда Апреля художникам-нонконформистам разрешили вступить в профсоюз художников-графиков и выставляться на Малой Грузинской. Этот знаменитый профком занимал промежуточную нишу между вполне официальным, хотя и не официозным «левым МОСХом» и совершенно неофициальным андеграундом. Там разрешались всякие эксперименты – и тематические (в том числе с религиозными сюжетами), и технические. Это был как бы следующий после шестидесятников этап развития вполне советского искусства. Апрель прошел этот этап уже в Израиле, но вполне органично. И не случайно критики находят в его картинах влияние работ Врубеля – кумира творческой молодежи 1950–х, не случайно он вспоминает Серова. Само стремление создавать полотна с подтекстом так живо напоминает знаменитый нонконформистский подвал.

Так что, по большому счету, Аарон Апрель словно никуда и не уезжал

На окраине Иерусалима. 1980 год.

Маккаби. 1998 год.

Восточные мотивы. 1996 год.

Исход. 1998 год.

Иерусалимские пейзажи. 1990-е годы.

Семья. 2003 год.

ПЕ ГРУСТНЫЕ ГЛАЗА

Ààà Àðààèèíííàà

Режиссер Исабель Койше

Элегия

США, 2008

Где эта девочка в клетчатом пальтишке, без пяти минут монашка, скромница с бурей в сердце, чья мать подделяет Шагала, чей любовник – транссексуал, скандально известный на обоих континентах, чей ребенок нейтрализует неизлечимый вирус, на чьих похоронах плачут лучшие актрисы Испании – все в черном и в темных очках на фоне белого камня и ослепительного солнца?

Где эта хромая натурщица в вертепе парижской богемы, любовница и содержанка слишком красивой и слишком ветреной женщины, делившая ее слишком со многими и сбежавшая на свою пиренейскую родину, на гражданскую войну, чтобы в ней погибнуть?

Где эта ковбойка, бандитка, робингудка, которая так метко стреляет и еще лучше держится в седле, может постоять за себя и – на пару с другой такой же красавицей – легко и непринужденно расправляется с гнусными гринго и плюет прямо в звериный оскал их капитализма?

Где же, где она, та, что, не моргнув глазом, спрятала труп мужа в холодильник, а потом закопала темной ночью в далеком лесу? Она так готовит и так смотрит, а верхняя пуговка на ее кофточке так расстегнута, что толпа киношников целую неделю ходит к ней обедать и готова снять еще десятки дублей, лишь бы только это продолжалось. А поет, а плачет, а ненавидит и любит свою мать она так, как умеют только женщины в картинах дона Педро...

И вот перед нами фильм «Элегия», в котором, как свидетельствуют кинокритики, «мадридская мадонна», Пе, Пенелопа Крус сыграла свою лучшую на сегодняшний день англоязычную роль. «Элегия», фильм со звездными актерами, снятый по роману звездного же американского романиста Филипа Рота «Умиряющее животное». Фильм «Элегия», апофеоз пошлости.

Культурный критик и профессор литературы, престарелый интеллеktуал с огромным шнобелем, наверняка еврей – у Рота все евреи, если только не белые негры, – окультуривает молодую студентку кубинского происхождения, жгучую брюнетку с пышными формами и во-о-от такими ресницами. В ней есть какая-то тайна и внутреннее благородство (sic!). Прелюдией к эротическим забавам служит разглядывание альбома Веласкеса и застекленного подлинника письма Кафки на стене гостиной (ружье не только не стреляет, но еще и его марка и калибр взяты абсолютно от балды). Еще наш герой играет на фортепьяно (весьма посредственно) и печатает черно-белые фотографии (раз в год) – неудачный портрет неудавшегося профессора Криминале. Про эротические забавы честно скажем, что не удалась и они: опытные актеры тщетно пытаются замаскировать конфуз бронетанковой серьезностью, намекающей к тому же на небывалую глубину чувств. Зато к нашим услугам полный набор самых расхожих клише из женских журналов и «Плейбоя»: прогулки по кромке воды, по осеннему пустынному пляжу, планы путешествия в Париж и Венецию, ветер спутывает волосы, вино колеблется в бокале, героиня ничком на диване – ню, но в туфлях со шпильками. Опадающие листья комнатного растения символизируют старость героя (тонкий и свежий штрих, не находите?), но старость крепкую и гедонистскую – с регулярным теннисом, бассейном и сексом (сексом, сексом – молодая возлюбленная со своим хорошо скрытым благородством тут ни при чем). И главная коллизия картины, еще более самобытная, чем все вышеперечисленное, – это борьба убежденного холостяка со своим чувством: знойная кубинка против «вольности и покоя». «Вольность и покой» начинают и выигрывают.

Что же до зрительских чувств, самое сильное, что вызывает картина, это чувство неудобства – не за героев, ведущих себя мучительно неконвенционально и деструктивно, как, скажем, в «Пианистке» Ханеке, а за все происходящее на экране, за режиссера, за актеров – как им самим не противно? Мнешь в пальцах билетик, разглядываешь головы впереди сидящих, каждые пять минут посматриваешь на часы.

И пусть роман Рота, лежащий в основе картины, прекрасно написан и с изящной иронией повествует о вечной борьбе танатоса и эроса – в фильме ирония убежала, сверкая пятками, а танатос и эрос невыносимо скучно бухтят за непроницаемым лицом главного героя. Пусть название романа высокоинтеллектуально контекстуализовано, являясь – как и «Старикам тут не место» Коэнов – цитатой из «Плавания в Византий» Уильяма Батлера Йейтса. Что толку? Один американский критик в ожидании выхода фильма писал: «Будем надеяться, что “Элегия” прервет удручающую тенденцию снимать по хорошим бестселлерам романиста Филипа Рота посредственные фильмы». Так вот, надежда сбылась: фильм получился не посредственным, а откровенно скверным.

ГОЛЛИВУД ИДЕТ ЛЕСОМ

Àí àñò àñèÿ Èèòò àí ò óé

Режиссер Бен Стиллер

Солдаты неудачи

США, 2008

Лучший военный фильм со времен «Горячих голов», лучшая комедия со времен «Апокалипсиса сегодня», детище комика Бена Стиллера «Солдаты неудачи» умудрилось обидеть буквально всех, кто имел неосторожность оказаться в радиусе поражения. На фильм собрались подавать в суд защитники прав умственно неполноценных, черное население Америки объявило, что им стыдно за авторов «Солдат», критики обнаружили здесь нападки на евреев вообще и еврейских кинопродюсеров в частности.

«Солдаты неудачи» – история съемок лучшего военного экшна, экранизации бестселлера о войне во Вьетнаме. В эпической драме заняты пятеро актеров: оскароносный Кирк Лазарус (блестящий Роберт Дауни-младший) – австралийский душка, специально для фильма перенесший операцию по временному превращению в чернокожего; Джефф Портной (Джек Блэк) – звезда фильмов про пердеж; Альпа Чино (Брэндон Т. Джексон) – настоящий чернокожий, постоянно высмеивающий фальшивые «йо, бро» Кирка Лазаруса; молоденький паренек, чье имя никто не может запомнить, и, наконец, Тагг Спидман (режиссер фильма Бен Стиллер). Для Спидмана это последний шанс возродить кинокарьеру, буксующую в бесконечных сиквелах. Актеры отправляются в джунгли, а там режиссер случайно подрывается на старой mine («Так где же он?» – «Да он тут повсюду»), и им приходится идти сквозь джунгли одним, в полной уверенности, что они снимаются в кино. На самом деле они уже давно оказались в реальной жизни, и за ними охотятся вполне реальные наркоторговцы. Каждый из актеров делает то, к чему привык: Лазарус выдает такую систему Станиславского, что деревья трясутся («Это не я читаю сценарий. Это сценарий читает меня»), Спидман честно и бездарно отработывает каждую сцену. Где-то в Лос-Анджелесе мерзоподобный продюсер кричит на подчиненных и предлагает бросить актеров в джунглях.

Это настолько бесстыдное и сладострастное исследование Голливуда, что актеры и продюсеры должны выходить из зала, утирая слезы ненависти и бессилия, – или, если у них еще осталось чувство юмора, счастливые истерические слезы. Фильм, в котором режиссер умирает почти сразу, а финальной точкой становится танец продюсера, – это препарирование самой системы Голливуда.

На самом деле Бен Стиллер, наиболее известный по ролям в «Знакомстве с родителями» и «Знакомстве с Фокерами» – с шуточками про ЦРУ и обрезание, не особенно интересуется проблемой чернокожих или еврейским вопросом. Его гораздо больше занимает то, как все эти проблемы преломляются в медиа. После режиссерских опытов Стиллера, в частности «Кабельщика» и «Зуландера», стало понятно, что его режиссерская манера слишком груба, порой он полностью лишен вкуса. То есть что Стиллер – идеальный комедийный режиссер.

Потому что он обладает еще и мудростью. «Солдаты неудачи» пародируют не голливудские штампы, как принято в комедиях на тему кино (хотя цитат из Копполы и Спилберга в фильме предостаточно), а то, что стоит за этими штампами, – актерское притворство, бесконечные маски, которые уже невозможно снять, потому что они вживлены в твое лицо хирургическим путем. Каждый из героев в процессе фильма снимает маску: из Кирка Лазаруса начинают «лезть его чуваки», а он не может понять, кто же он на самом деле; Джефф Портной половину фильма мается от ломки; Тагг Спидман перестает быть актером, оказываясь просто человеком. В эту схему не вписывается лишь продюсер фильма, и это самый интересный сюжет «Солдат неудачи».

Продюсер Лес Гроссман, танцующий свой чудовищный, завораживающий финальный танец, – это неузнаваемый, изуродованный лысиной, подагрическими пальцами, костюмом «толстяка», загримированный до полного отвращения Том Круз. Официально считается, что его роль основана на имидже Стюарта Корнфельда, продюсера Бена Стиллера, но на самом деле это еще и повод отомстить другому продюсеру. Самнер Редстоун (Ротштейн) – американский монстр-миллионер, владелец Viacom, Paramount Pictures и DreamWorks. В 2006 году он разорвал контракт с Томом Крузом из-за «поведения, неприемлемого для студии Paramount». Какое такое было у Круза поведение – точно неизвестно, но, похоже, именно Редстоуну мы должны быть благодарны за одну из лучших ролей Тома Круза. Во всяком случае, Лес Гроссман – единственный киногорой, внешне неуловимо напоминающий словосочетание «f*ck you». Знаешь что, Голливуд? Иди ты к Лесу Гроссману.

ВИКИ-ВИКИ-ВИКИ...

Аאֵדֶּ-ֻיֵי הַיְיֵי עֵאִי דֵעֵעֵי

В далеких 70-х годах уже прошлого века, когда небо было синее, вода мокрее, а Интернета просто не было, в «самиздате» появилась статья «Эйнштейн как процент с Виленского гаона», где утверждалось, что выдающиеся успехи еврейских ученых в XIX и XX веках во многом обусловлены прилежной и непрерывной учебной подготовкой предыдущих поколений. То есть, если к собственной аидише коп добавить дедовскую привычку учиться, то вполне можно приступать к оптовым закупкам сейфов для хранения Нобелевских премий.

Так вот, о Виленском гаоне, среди прочего – авторе первого еврейского учебника геометрии. Энциклопедий он не писал, прочитанные 2,5 тыс. книг помнил наизусть и мог цитировать в прямом и обратном порядке. Но вот его правнук, Илья Абрамович Эфрон, вместе с Фридрихом Брокгаузом издал 16-томную «Еврейскую энциклопедию» – первое издание такого рода на русском языке.

Шли годы. Власть менялась, колебался генеральный курс партии, но одно оставалось неизменным – Еврейская энциклопедия не переиздавалась. И вот в 1976 году в Иерусалиме Обществом по исследованию еврейских общин совместно с Еврейским университетом началось издание Краткой еврейской энциклопедии. Пусть вас не смущает термин «краткая» – в терминах энциклопедистов это увесистые 11 томов. Последний том вышел в 2005 году, и сейчас купить эту КЕЭ у вас вряд ли получится, да оно вам и не надо, потому что все это есть в Интернете под названием «Электронная еврейская энциклопедия» (<http://www.eleven.co.il/>).

Дизайн сайта неброский, ничего не всплывает и не мигает. С правой стороны страницы – календарь событий этого дня (удобно, если «трубы горят», а повод никак не желает сыскаться). Есть побуквенные закладки, в левой части страницы рубрикатор статей по темам (интернетчики говорят «по тэгам») – причем каждая из рубрик содержит подразделы. Впрочем, даже с рубрикатором из 5700 статей и 1500 иллюстраций нелегко разобраться, и лучше воспользоваться службой поиска. В верхней части страницы есть соответствующее окошко, куда можно впечатать искомое слово, но результат, скорее всего, будет отрицательным. Конечно, в науке отрицательный результат тоже результат,

но мы-то с вами сейчас не ученые, а читатели, и нам бы чего-нить найти, верно? Ну так в левой части страницы есть расширенный поиск. Вновь впечатываем то же слово, в дополнительных условиях выставляем «Приблизительный поиск» и «По всему тексту» – и оп-па! Только учтите, что принятое в энциклопедии написание имен, фамилий и топонимов может отличаться от принятого в вашей общине. Не говоря уже о том, что имена героев Танаха даются в ветхозаветной традиции (Саул вместо Шауля и т. д.). Тем не менее энциклопедия эта крайне полезна, и пользоваться ею следует регулярно. Да что я вам рассказываю, в «Википедии» о КЕЭ все написано!

Ну и раз уж мы ее упомянули, давайте скажем пару слов о «Википедии». «Вики» – это маленькая шустрая «маршрутка» на Гавайских островах, а названная в ее честь «Википедия» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>) – это «Свободная энциклопедия, которую может редактировать каждый». Кстати, маленькой эту энциклопедию уже не назовешь – только в русской версии содержится 310 тыс. статей, а английская версия насчитывает их уже 2,5 млн! Для сравнения: в «Британике» – 120 тыс., в Большой советской – 100 тыс. статей. А вообще-то «Википедия» есть на трех сотнях языков – албанском, чеченском, иврите, украинском, эстонском, вьетнамском, корсиканском, идише, капампанганском, языке У и даже искусственных языках эсперанто и воляпюк! Создавать статьи может действительно кто угодно, поэтому здесь можно найти статьи про Краткую еврейскую энциклопедию, наш Святой Храм, раввина Шаю Гиссера и даже летательный аппарат пепелац. Но, конечно, в такой открытости есть свои минусы, и скандалы в связи с намеренным искажением информации в статьях Википедии нередки – <http://lenta.ru/news/2007/05/17/mainbldng/> и <http://www.sostav.ru/news/2005/12/08/28/>. Лучше договоримся так не делать. И вот так – <http://www.computerra.ru/online/365474/> – тоже.

Ну и напоследок еще одна энциклопедия. Совсем свеженькая. Знакомьтесь, пожалуйста: Knol (от «knowledge», «знание») – <http://knol.google.com/k/#> – проект компании Google. Пока что только на английском, но, учитывая «русское» происхождение одного из владельцев «Гугля», можно не сомневаться в скором появлении русской версии. По сути Нол – та же Википедия, но когда-то и о Google говорили, что это по сути те же Yahoo и Altavista. А оно вон как получилось...

ЖЕЛЕЗОБЕТОННАЯ СТЕНА НА КРАЮ

Àéàèñ Dàì'í'í'òò

Режиссер Вилен Визильтер

На краю

Россия, 2008

3 августа в Московском еврейском общинном центре в рамках программы «Творческие встречи» был показан документальный фильм «На краю». Это первая часть документальной трилогии «Третья мировая началась», задуманной как рассказ об исламском терроризме – очередной после коммунизма и национал-социализма тотальной угрозе человечеству.

Работа над фильмом завершилась несколько месяцев назад. Его премьера прошла в стране, для которой тема террора актуальна вот уже 60 лет, – в начале июля фильм (с ивритскими субтитрами) демонстрировался по русскоязычному телеканалу «Израиль плюс». В первую часть трилогии вошли трагические события на временном отрезке от мюнхенской Олимпиады до взрыва дискотеки «Дельфинариум» в Тель-Авиве и строительства заградительной стены между Израилем и Палестинской автономией. Но показан не только арабо-израильский конфликт: атака на башни-близнецы в Нью-Йорк-Сити рассматривается как вызов всей западной цивилизации, а события в Чечне – как угроза целостности России. Широко использована кинохроника (Мюнхен, Нью-Йорк, ПА); поражающие откровенностью кадры, снятые в момент штурма школы в Беслане, никогда не демонстрировались по российскому ТВ. Съемка этого фильма велась в России, Израиле, Сирии и Ливане. Значительную часть времени занимают интервью с политиками из израильского и палестинского лагерей. По тому, как разнятся их взгляды на ближневосточный конфликт, ясно: света в конце туннеля пока не предвидится, и с нынешним поколением палестинских лидеров, всю жизнь проведших в подполье, воспитанных на терроре как единственном средстве достижения своих целей, израильтянам договориться не удастся.

Этот документальный фильм не претендует на новый киноязык. Его достоинство в другом: он информативен и эмоционален. Разрозненные факты, снабженные комментариями противоборствующих сторон, создают раствор невероятной концентрации. Эффект от просмотра подобен эффекту кумулятивного взрыва. О терроре,

о взаимоотношениях с арабами-израильянами и арабами-палестинцами зрители рассказывают Шимон Перес, Биньямин Нетаньяху, Натан Щаранский, политологи, сотрудники спецслужб. Неоднократно звучат слова Арафата, обращенные к Израилю: «Вы любите жизнь, а мы любим смерть». Палестинка в черном хиджабе заявляет перед телекамерами, что гордится поступком сына, надевшего пояс шахида, и что она благословила его на этот шаг. Ее сменяет израильянка, единственный сын которой погиб от взрыва смертника. Удачей фильма является то, что о событиях повествуют очевидцы, жертвы терактов и их близкие, пережившие не менее сильный стресс (его последствие, «посттравматический синдром», до сих пор сказывается на их состоянии). О Беслане рассказывают школьница и ее мать, несколько дней проведенные в захваченной школе. Взрыв в тель-авивской дискотеке дан через судьбу погибшей девушки, интервью ее отца и подруг.

Стена безопасности, возводимая между враждующими лагерями, стала с некоторых пор привлекательным для кинематографистов сюжетом. На XXX Московском кинофестивале она, как метафора, как аллегория безвыходности, фигурировала сразу в нескольких картинах. А уж в документальном фильме это обязательная деталь. Проводятся неизбежные параллели с Берлинской стеной, мелькают кадры с концерта «Pink Floyd» на ее развалинах в 1990 году.

Многое в стилистике «На краю» от образа «стены», вплоть до оформления титров. Странными при этом выглядят попытки сценариста, как бы извиняясь, оправдывать ее возведение. Кто нуждается в такой адвокатуре? По-видимому, жителям Израиля лучше знать, какими средствами защищать себя от агрессии и что целесообразно для них в данный момент. Попутно заметим, что частые на фоне Стены стенд-апы В. Синельникова с модно повязанным шарфом трудно назвать выигрышными моментами фильма, не всегда сценарист (он же, как заявлено, «автор проекта и продюсер») уместен еще и в роли ведущего...

Вопросы к авторам картины и обсуждение фильма в Амфитеатре МЕОЦа показали: зрители эмоционально вовлечены. Живущая на границе с Газой израильянка после просмотра сказала: «Здесь, в России, не понимают, рядом с кем мы находимся и что испытываем ежедневно. Этот фильм, который в Израиле увидело огромное число телезрителей, необходимо показать как можно шире. Исламский терроризм сегодня угрожает всем, и люди должны знать об этом». Подходит к завершению работа над вторым фильмом трилогии. Премьера состоится в Нью-Йорке 20 сентября.

КУТАБЫ КАК ЗНАК И МИФ

Àòàí àñèé Ì àí àáíá Ì àðé Àòèí íá

Кутабы – это тонкие, в миллиметр толщиной, чебуреки, из крутого теста, в форме полукруга (половинка луны), – популярнейшее турецкое и азербайджанское блюдо, вошедшее в закавказские кухни и в кухню еврейских общин этого региона. Кутабы – такой же символ азербайджанской кухни, как пицца или спагетти для итальянцев, шаурма для турок, живой угорь с содранной кожей для японцев. Существуют сотни рецептов кутабов, отличающиеся способом приготовления теста и фарша. Свои особенности есть не только в каждом ширванском городе N, но и в каждом ресторанчике на Апшероне, да почти каждая азербайджанская тюрчанка обладает своим «пэх-пэх»-секретом, отличающим ее кутабы от кутабов гипотетических Лейлы с Фатимой. Но печь кутабы с «секретом» большие мастера и горские евреи, проживающие в этих местах с незапамятных времен и в совершенстве освоившие не только язык тюрков-азери, но и секреты местной кухни.

Ах как вкусен был кутабный дух на джуд мехелэси (район компактного проживания горских евреев Баку), когда вечером вокруг своих черных лакированных «Волг» собирались горско-еврейские полновесные мужчины, чтобы, отведав кутабов, сразиться в покер или преферанс!

По сей день процветающий ресторанный бизнес горских евреев прочно связан с азербайджанской кухней. И кутабы в этих ресторанах едва ли не главное блюдо.

Французский семиотик, критик и культуролог Ролан Барт всегда относился к поглощению еды как к важнейшей метафоре культурной жизни. В знаменитой «Мифологии» он, к примеру, противопоставлял кухню французскую и японскую, отдавая последней предпочтение и считая ее практически идеальной: в отличие от французской, содержащей много вредных культурных примесей и «постоянно стремящейся затушевать или даже вовсе преобразить исходное пищевое сырье», японская кухня «не только выставляет напоказ внутреннюю структуру пищи, но процесс стряпни».

Азербайджанская кухня – сама по себе метафора, миф, в том числе и семиотический, – конечно же тяготеет к кухням персидской и турецкой, однако ими не ограничивается: азербайджанское кулинарное искусство соединило множество исторических корней, при этом оставаясь и самобытным, и колоритным.

Нет в азербайджанской кухне блюда более – по Барту – нерегламентированного, связанного со словом высоким, с затяжной дружеской беседой, чем кутабы. Слово это – застольное, как правило, мужское и к мужчинам же обращенное. (Но это там, в пределах закавказского гастрономического мифа, пестующего гендерную оппозицию, а здесь, в северных широтах, за столом могут оказаться и женщины.)

К приготовлению кутабов готовятся загодя. Хозяйка обязательно должна знать приблизительное количество гостей. В среднем готовят от пяти до семи кутабов на человека. (При этом следует помнить, сколько анекдотов связано со статистикой.)

Готовят кутабы к самому приходу гостей. Вернее, так: первую партию «зеленых» и с мясом – к началу застолья, так, чтобы кухонный чад уже выветрился (кутабы жарятся на сухой раскаленной сковороде – садже, маслом смазывают уже готовые, на блюде), остальные – по обстоятельствам, причем добавляют так, чтобы мужчины не замечали. Между «партиями» часто подают чай с мелиссой или чабрецом в стаканах грушевидной формы – армудах. Сахар обязательно колотый и вприкуску. Сигарета – крепкая французская («Галуаз» или «Житан»), соратница интеллектуальных словоплетений, обращенности едоков в общее прошлое. Если вы не курите и жаждете заглянуть в будущее, выйдите на балкон поглядеть на луну, вслушаться в звездный мугам. Только не забудьте поблагодарить Б-га за то, что Он позволяет вам любоваться луною и звездами. А потом по новой...

Да, и ни в коем случае не забывайте: если тактичная хозяйка или исполнительный официант положат перед вами вилку и нож, это не означает, что вы непременно должны ими воспользоваться. Кутабы едят руками. Сворачивают в трубочки. Макают в мацони с чесноком – если с зеленью, если с мясом – посыпают сумахом.

Из алкоголя к кутабам подходит красное вино, хорошо бы «Кемширин», или водка, лучше из шелковицы, карабахская тутовая. Однако поглощающий кутабы может быть опьянен одними только кутабами, гостеприимством хозяев и вовремя найденным словом в ходе радушной беседы. Если такого слова за все время трапезы не нашлось, можно вспомнить хотя бы то, что сказал строгий меняла (тот самый, что дает за полтумака по рублю) вопрошающему русскому поэту, и вздохнуть украдкой. Премногих мудрых слов может быть тот вздох мудрее. А уж как пери местную порадуете! Причем можете порадовать и в Баку, и в «Бакинском дворике», что в Нетании, и в Тель-Авиве, и в Москве... Кстати о Москве.

Вот рецепт кутабов с говядиной от шеф-повара ресторана «Йона» при МЕОЦе Петра Слабодника.

Для теста взять один стакан муки, 1/2 стакана воды, щепоть соли, замесить тесто. Затем оно должно постоять часа полтора в холодильнике, чтобы с ним удобно было работать. Кусочки теста примерно в 50 г тонко раскатываем скалкой, круги режем пополам. Пропускаем 200 г вареной говядины через мясорубку, добавляем резанный кубиками белый лук или нашинкованный зеленый лук, солим, перчим, перемешиваем фарш. Полторы ложки фарша выкладываем на заготовку из теста, распределяем равномерно тонким слоем, второй заготовкой теста накрываем и обрезаем края вертушечным ножом. Кутаб готов к обжариванию. Обжаривать с двух сторон на подсолнечном масле следует либо в духовке на противне, либо на сковороде. Обжарка на среднем огне длится 3–4 минуты.

Разумеется, впервые приготовив кутабы, вы получите о них лишь общее представление. Повара и хозяйки так просто не расстанутся с профессиональными секретами. Для продолжения знакомства с кутабами неплохо бы съездить в Баку, а еще лучше – в Шемаху, старинный азербайджанский город, столицу Ширванского ханства.

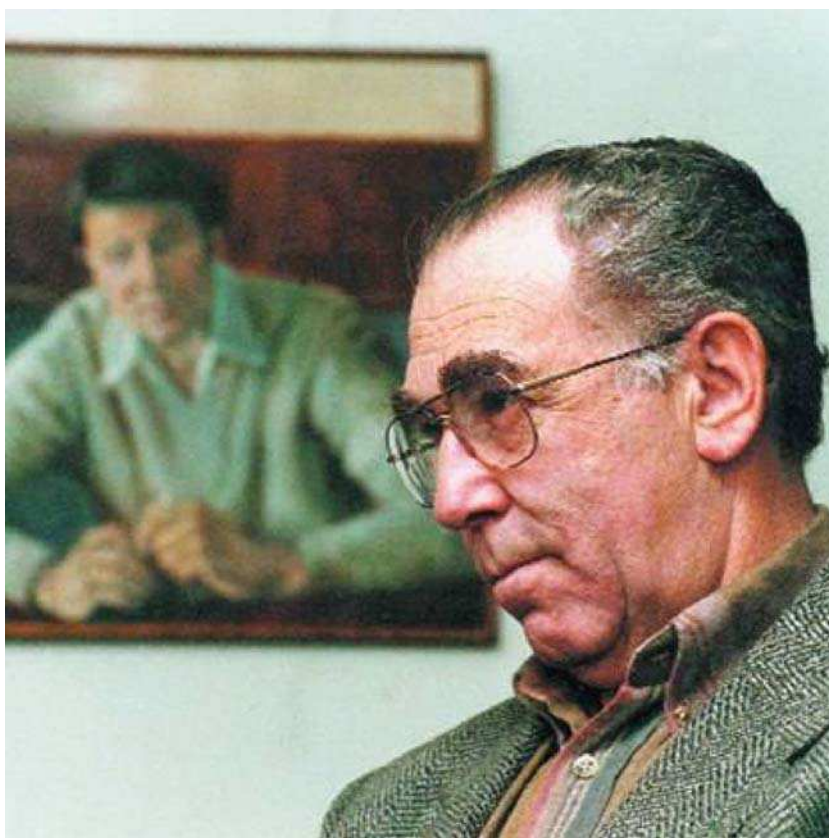
ПЯТЬ ПОВОРОТОВ СУДЬБЫ

Светлана Анисимова

«Главная проблема старости в том, что чувствуешь себя молодым» – это изречение Александр Левенбук особенно часто повторяет в год своего 75-летия.

Художественный руководитель московского еврейского театра «Шалом», постоянный ведущий «Радионяни», половина неделимого эстрадного дуэта Лившиц–Левенбук, «Человек года-2005», Лауреат премий «Легенда радио», «Признание поколения», народный артист России.

Мы хотим напомнить об основных вехах биографии Александра Левенбука, неожиданных поворотах его судьбы.

ПОВОРОТ ПЕРВЫЙ. ДЕТСТВО

Александр Семенович родился в Москве. В начале войны семья эвакуировалась в Башкирию. Мальчик пошел в первый класс, когда в Москве начались бомбежки. Вся семья, кроме отца, на барже по Волге переправилась в Уфу. Мать работала врачом, сестра училась в медицинском институте, который также эвакуировали в Башкирию.

Было голодно и холодно, стояли сильные морозы. Алик серьезно заболел, но, как вспоминает он сам, детство – веселая пора, поэтому такие моменты были на втором плане. Кстати, сколько раз он ни приезжал в Уфу, того дома, где жила его семья, так и не нашел. То ли его просто нет, то ли город так преобразился, что Левенбук не узнал

родные места. Вспоминал, как цеплялся сзади к саням с лошадьми и катался на них, как на улицах продавалось замерзшее молоко, обыкновенные молочные ледышки в форме миски, которые складывались в обыкновенный мешок. Варенье из лука было одним из самых любимых сладостей. Луковицы клали в печку, готовили до тех пор, пока лук внутри не спекался.

Левенбук начинал учиться в деревне Благовар под Уфой. Образ первой учительницы врезался в память и остался с ним на всю жизнь. Алик не был в нее влюблен, просто она была очень внимательной, доброй к детям, без сюсюканий. Александр Семенович и сейчас хорошо ее помнит: стройная женщина на высоких каблуках. В дальнейшем к тем преподавателям, которые не соответствовали этому образу, Левенбук относился критично.

Как многие мальчишки, маленький Алик участвовал в драках. В городе жили дети, эвакуированные из Москвы и Ленинграда. Они постоянно воевали меж собой, закидывали друг друга камнями из-за специально выстроенных баррикад. Однажды Левенбук попал кому-то в голову, из-за чего его на время выслали в Благовар. В 1943 году вся семья вернулась в Москву. Школы № 313 в Сверчковом переулке давно уже нет, но все одноклассники-выпускники каждый год встречаются, вспоминают школьные годы. Один из них – отставной полковник, другой – известный историк, многие продолжают работать.

ПОВОРОТ ВТОРОЙ. МЕДИНСТИТУТ

Выпускник московской школы, юный Алик Левенбук по семейной традиции пошел учиться на врача. Мама была известным в Москве доктором, сестра училась в мединституте. Еврейские родители мечтают, чтобы их чадо стало инженером, врачом, в крайнем случае учителем. Но артистом – ни в коем случае! А в мединституте, как назло, была прекрасная художественная самодеятельность. Студенческий капустник, который назывался «День открытых дверей», имел такой успех, что его часто называли «День разбитых дверей». Тогда в нем участвовали и Аркадий Арканов, учившийся вместе с Левенбуком, и Альберт Аксельрод, ставший популярным телеведущим. Позже в институт пришел Григорий Горин.

Курс был просто выдающийся: нейрохирург академик Александр Коновалов, профессор Владимир Кукес, основавший в России клиническую фармакологию, профессор Владимир Лемнев, работающий в Институте Склифосовского, много других ученых и врачей-практиков. Александр Семенович гордится, что учился в медицинском институте, и ни на какой другой его не променял бы. Говорит, что именно это образование позволяет лучше видеть и чувствовать людей.

ПОВОРОТ ТРЕТИЙ. ЭСТРАДНЫЙ

Институт окончен. Красный диплом в руках. И Левенбук прямым путем идет... на эстраду. Вместе с Лившицем, конечно. Дуэт Александр Лившиц и Александр Левенбук проходит Всероссийский, а затем Всесоюзный конкурс артистов эстрады. С лауреатскими званиями приходит и популярность. Вместе с артистами на эстраду пришли прекрасные авторы: Феликс Кандель, Эдуард Успенский, Александр Курляндский, Аркадий Хайт, Михаил Танич.

Левенбук говорит, что сначала они с Лившицем учили своих авторов, а потом авторы учили их. Первая сольная программа называлась «Пиф-паф, или Сатирические

выстрелы по промахам». Музыку писал Ян Френкель, а песни исполняла никому не известная Алла Пугачева. Ей было тогда пятнадцать лет.

ПОВОРОТ ЧЕТВЕРТЫЙ. РАДИО

Вскоре Левенбук с Лившицем стали участниками радиопередачи «Веселый спутник». Начиналась она словами: «С добрым утром! У микрофона Александр Лившиц и Александр Левенбук». А в конце: «Авторы передачи – Аркадий Хайт и Александр Курляндский». Такой квартет еврейских фамилий, естественно, долго существовать не мог. А безымянными ведущими артисты быть не захотели. Пауза длилась недолго, и вот Алика и Сашу пригласили в новую детскую передачу. Придумывали ее вместе с Эдуардом Успенским, назвали «Радионяня» и решили, что она должна в юмористической форме учить детей правильной русской речи, хорошим манерам и разным полезным вещам.

Проект восприняли на ура и руководители, и слушатели. Передача просуществовала четверть века. Кто знает, быть может, сам Брежнев способствовал этому: известно, что он дарил своим внукам пластинки с уроками «Радионяни».

Передача сыграла серьезную роль в жизни Александра Семеновича. Ведь любое искусство, хоть и призвано делать жизнь краше и духовно богаче, конкретных и ощутимых результатов не дает. И вдруг возникает передача, от которой ощутима реальная польза. Было доказано, что уроки «Радионяни» в пять раз эффективнее, чем обычные уроки грамматики в школе. Кстати, многие иностранцы изучали русский язык по пластинкам «Радионяни»: учили здесь на ошибках. Этот метод, казалось бы, иностранцам не подходит, но они почему-то получали первые места на олимпиадах по русскому языку в своих странах.

Левенбук любил работу на радио еще и потому, что подобралась замечательная компания: Аркадий Хайт, Николай Литвинов, композитор Борис Савельев и, конечно же, Лившиц.

Александр Семенович замечает, что одно время «Радионяню» совсем забыли, а когда увидели, что дела с русским языком обстоят неважно, вспомнили вновь. Пиратским способом принялись выпускать аудиокассеты, компакт-диски.

Действительно, с русским языком творится что-то невообразимое. Масса безграмотности и в эфире, и в разговорной речи. А сколько заимствований из иностранных языков! Наверное, поэтому интерес к «Радионяне» вернулся.

Недавно Александр Левенбук собрал тридцать два урока «Веселой грамматики» «Радионяни» и предложил мэру столицы сделать подарок московским школьникам – альбом из трех CD-дисков с уроками. Идею поддержал московский Фонд мира, и диски были подарены больным детям и суворовцам.

«Радионяня» просуществовала четверть века. Много раз шла речь о возобновлении передачи. Но это оказалось невозможным: по-настоящему справлялся с авторской задачей только Хайт. Когда его не стало, были новые выпуски, но уже без веселых уроков. А это была ненастоящая «Радионяня». Поэтому ничего с возобновлением не получилось. К тому времени Левенбука уже ждал новый поворот на жизненном пути.

Спектакль «Карусель».

ПОВОРОТ ПЯТЫЙ. ТЕАТР

Как известно, еврейского театра в стране не было. То есть он был, и даже не один, в Советском Союзе их было более двадцати, но в 1948 году убили Михоэлса, в 1949-м закрыли ГОСЕТ. И еврейских театров не стало. Только в 1962 году при Москонцерте был разрешен маленький еврейский драматический ансамбль. Играли мало, в небольших городах, иногда восемь месяцев сидели без работы. В 1987 году ансамбль остался без руководителя – тут и возникла кандидатура Левенбука.

Когда консультировались по этому вопросу с крупным начальником, он сказал: «Кандидатура подходящая, но он вряд ли согласится. Он же не идиот?!» Левенбук согласился. Правда, предварительно посоветовался с женой, балериной Визмой Витолс, и Аркадием Хайтом. Они сказали: «Поможем». И слово сдержали. Но сначала было «утверждение в должности».

Левенбука пригласили в МК партии. Как вспоминает Александр Семенович, в кабинете было четыре человека. Внимательно осмотрев Левенбука с головы до ног, они спросили, знает ли он обстановку в театре. Ему изложили всю подноготную достаточно подробно – знали всех артистов по именам и фамилиям.

Один из собеседников спросил, будут ли они в театре ставить Островского, на что Левенбук, не раздумывая, ответил: «Неужели вы думаете, что после пьес Островского в Малом театре кто-то поедет на Варшавское шоссе смотреть “Бесприданницу” или “Грозу”?» После этих слов с Александром Семеновичем быстро распрощались, сказав, что при необходимости найдут. Наверное, Александр Левенбук ждал бы звонка до сих пор, но произошло следующее. В 1987 году он режиссировал юбилейный концерт Кобзона. И однажды Левенбук встретил в его мастерской незнакомого человека. Оказалось, это был

большой московский чиновник в области культуры. Кобзон будто бы невзначай спросил его: «Как продвигаются дела с открытием еврейского театра в Москве?» Чиновник ответил: «К сожалению, забуксовали. Левенбук отказался». Надо было видеть выражение лица этого чиновника, когда Кобзон предложил ему познакомиться с Левенбуком. Тот протянул руку и спросил: «А что? Разве вы не отказались? Мне передали, что вам дважды звонили и вы не согласились. Значит, снова меня неверно проинформировали! Я их!..» Так что Александр Семенович любит повторять, что его на эту работу устроил Кобзон.

Театр открывался «Поездом за счастьем». Левенбук так волновался, что даже забыл: это ведь не только премьера, но исторический момент! Почти сорок лет в Москве не было еврейского театра. А он не позвал ни одной газеты, ни радио с телевидением – никого. От отчаяния, на всякий случай позвонил Пугачевой: «Алла, выручай! Открытие театра, выступи, скажи пару слов». – «Когда открытие?» – «Сегодня, в семь вечера». – «Ты бы еще завтра позвонил». – «Виноват, знаю». Пугачева приехала. Ни зрители, ни труппа ничего не знали. Левенбук не сказал им, потому что не надеялся. Перед началом спектакля Пугачева вышла на сцену. Зал ахнул. Не официальное лицо от Министерства культуры, а сама Пугачева, и совсем не еврейка! Откуда она знала, что чувствуют люди, которые сорок лет не теряли надежды увидеть свой еврейский театр? Она говорила о зрителях и актерах, говорила просто, с улыбкой. Потом взяла за руку Александра Семеновича: «Вот так когда-то этот человек вывел меня на сцену, а сегодня я вывожу его и желаю успеха его театру!»

Позади двадцать лет работы, двадцать четыре премьеры, десятки городов России, гастролы в дальнем зарубежье, радости и огорчения, обязательные трудности и всегда – помощь друзей и любовь зрителей.

А свой семьдесят пятый год жизни Левенбук встречает в атмосфере праздника двадцатилетия театра «Шалом». 27 октября в Театре эстрады соберутся зрители, друзья, коллеги. Приглашены Иосиф Кобзон и Юрий Лужков, Тамара Гвердцители и Валентин Гафт, Людмила Швецова и Владимир Ресин, Ян Левинзон и другие артисты из Израиля, Светлана Портнянская из Америки и многие другие. Конечно же, будут раввины и представители других конфессий. А после праздника... Левенбук говорит, что он не хочет никаких поворотов, а хочет только вперед и вперед.

ПЕКИН: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Î àðé Çàé-èé

Израиль отрядил на Олимпиаду представительную делегацию из сорока трех спортсменов. Участники сборной соответствовали всем нормативам израильского и международного ОК. То есть отбор на Олимпиаду оказался предельно жестким. В Пекин не попали известные и популярные в стране спортсмены. И это при том, что Отдел высшего спортивного мастерства при Институте физкультуры им. Уингейта совместно с НОК Израиля обеспечил кандидатов на поездку в Пекин приличными стипендиями, освободившими спортсменов и тренеров от бытовых забот на четыре и более лет.

Надежды на медали и финалы израильяне связывали с несколькими олимпийскими участниками. Однако надежды надеждам рознь. Так, если, например, старший тренер сборной страны по плаванию Леонид Кауфман откровенно предупредил: никто из его воспитанников (а пловцы Кауфмана установили в Пекине аж одиннадцать национальных рекордов) не сможет пробиться в финальные заплывы и достаточно национальных рекордов, то его коллеги по сборной так и не решились лишить надежды спортсменов и болельщиков.

Оправданные надежды связывались в основном с яхтсменами после золотой медали Галя Фридмана в виндсерфинге в Афинах. И не зря. К радости всей страны, ребята завоевали бронзовую медаль. Как оказалось – единственную. Двадцатидвухлетний солдат срочной службы Шахар Цубейри в классе судов RS:X занял третье место и завоевал бронзовую медаль. Достижение скромного, невозмутимого юноши из Эйлата подтвердило тот факт, что парусный спорт в Израиле является одним из популярнейших видов спорта.

Ника Корнецки и Веред Бускила в классе судов 470 заняли четвертое место, что, несмотря на разочарование самих спортсменок, считается достойным результатом.

В последние дни Олимпиады пришел успех и к израильским девушкам из команды художественной гимнастики. В групповом и в личном (Ирина Рисензон) зачете гимнастики пробилась в финал. В соревнованиях групп пять израильских девушек: Катя Писецкая, Рахель Вигдорчик, Алона Дворниченко, Марина Савенков, Вероника Витенберг – заняли шестое место, что, вероятно, является самым значительным успехом Израиля в

истории Олимпиад. Лишь в 1976 году в Монреале израильская футбольная сборная добилась похожего успеха, пробившись в четвертьфинал олимпийского турнира. Особо хотелось бы отметить улыбчивую красавицу Иру Рисензон, выступавшую в одиночном разряде. Эта девушка, тренирующаяся в Холоне у тренера Ирины Вигдорчик по восемьдесят часов в день без выходных, пробилась в элиту мировой художественной гимнастики.

А вот дзюдоисты не оправдали надежд. Были так далеки от медалей, как Пекин от Нетаньи. Тридцатитрехлетний тяжеловес Арик Зееви провалил выступление. Сказались тяжелые травмы, которые спортсмен залечивал долгое время. Иерусалимский боец Галь Йекутиель лишь показал бойцовские качества и выдержку, пробившись на пятое место в турнире. Неудачно выступили и другие ветераны израильской делегации: тридцатичетырехлетний Михаил Калганов, бронзовый призер Олимпиады в Сиднее в гонках на байдарках на дистанции 500 метров, а также двукратный чемпион Европы в прыжках с шестом тридцатичетырехлетний Алекс Авербух. Оба они репатрианты из СНГ. Авербух репатриировался из Иркутска, а Калганов из Ташкента. Оба много выигрывали в прошлом для Израиля, оба не сумели пробиться в олимпийские финалы Пекина (Калганов на двух дистанциях – 500 и 1000 метров).

Ирина Рисензон.

Попробуем сопоставить вышеприведенные показатели и сделать какой-то вывод.

Вероятно, спортивная деятельность человека кончается несколько раньше, чем это может почувствовать сам спортсмен. Обычно принято считать, что спорт – это занятие молодых людей, поэтому тем, кому перевалило за тридцать, нужно обладать сверхкрепкой нервной системой, недюжинным физическим здоровьем. Как раз этого-то нашим ребятам и не хватало, хотя, повторюсь, все они – спортсмены высочайшего международного уровня.

Может быть, нужно говорить о развитии ограниченного количества видов спорта в Израиле. Не стоит небольшой стране развивать все виды спорта, как это делают

большие страны, с развитой спортивной инфраструктурой – такие, например, как Франция, Великобритания, Россия. Необходимо все-таки реально оценивать свое место в олимпийском мире. Стоит сузить спортивные интересы, высвободив средства на те виды спорта, которые подходят Израилю по самым различным критериям. Стоит сосредоточиться на усилиях в развитии ограниченного количества дисциплин, найти «свой» вид спорта, подходящий стране. А страна находится, как все знают, в несколько ином положении, чем большинство стран олимпийского сообщества. Я имею в виду такие параметры жизни, как безопасность, экономика, социальная обеспеченность, первоочередность в капиталовложениях и так далее.

Очевидно, при более трезвом взгляде на спорт и его развитие пекинские провалы можно было бы загодя предвидеть. Возможно, кое-кто их и предвидел, только не желал смотреть правде в глаза: так было удобно и приятно людям из НОК.

Возможно, все дело в «пике формы» и в возрасте (посылать в Пекин, кроме вышеназванных ветеранов, выполнивших олимпийские нормативы, было просто некого). Могут быть и иные причины неудач. Какие именно? Да всяко возможно. Вплоть до кормления участников сборной: есть давнее мнение: в преддверии соревнований спортсмену следует быть голодным – что возьмешь с сытого, спокойного и уверенного в своей победоносности спортсмена?.. Но это лишь одно из мнений. Не исключено, что и ошибочное. Одно сомнению не подлежит: ни в чем обвинять спортсменов нельзя, потому что каждый может дать только то, что может. Спортсмены готовились к Олимпиаде в полную силу. Значит, просто достигли потолка, «вышки» и большего уже просто не могли добиться. И потом, давайте не забывать: главное участие. Или нет?

До встречи в Лондоне в 2012 году.

Ральф Клайн:

Большой Человек и великий тренер

Израильский спорт понес тяжелую утрату. В больнице Тель а-Шомер на 77-м году после продолжительной болезни скончался легендарный баскетбольный тренер Ральф Клайн.

Он родился в 1931 году в Германии в семье богатого еврейского промышленника. После прихода к власти нацистов Клайны переехали в Будапешт. Сначала семья жила в дорогом отеле. Затем Клайны «переселились» в гетто. Многие родственники Ральфа погибли от рук фашистов. Десятилетнего Ральфа спас от немцев и их венгерских пособников шведский дипломат Рауль Валленберг. В 1951 году Ральф репатрировался в Израиль.

Однажды он случайно попал на открытую площадку команды «Маккаби» (Тель-Авив), где рослого парня заметили тренеры. Одаренный юноша быстро пробился в первую команду клуба, затем был приглашен в сборную страны. В 1953 году сборная Израиля прекрасно выступила на чемпионате Европы, проходившем в Москве. Играли на открытой площадке стадиона «Динамо». Израильская команда, состоящая из новых репатриантов разных стран, а также нескольких уроженцев страны, заняла пятое место. Успех для государства, которому всего пять лет.

Двенадцать лет выступал Ральф Клайн за «Маккаби» и сборную Израиля. Был капитаном и бессменным лидером.

По мнению специалистов и тех, кто видел его на площадке, Клайн смотрелся как выдающийся баскетболист, много выше остальных «сборников» тех лет. Его снайперские навыки были безупречны.

Затем Ральф переродился в баскетбольного тренера, что было естественным продолжением карьеры. Работал успешно со своим родным клубом. Двенадцать раз подряд «Маккаби» выигрывал золотые медали первенства Израиля. В те же годы «Маккаби» завоевывал и Кубок Израиля.

Тренерское дарование Клайна было несомненным. Он мог предвидеть тактические ходы противника, умел и проигрывать достойно. Понимал все про людей, игравших в баскетбол. Но он был наделен щедро и иным дарованием – дарованием человека «высокой пробы». Яркий, умен, терпелив, мягок, вежлив... Некоторые великие баскетболисты, выступавшие под его началом, обладали непростым характером. Клайн не гнул с ними свою линию, не настаивал на правоте. Но неким таинственным образом все они без исключения выполняли его тренерскую волю. Клайна обожали игроки всех поколений, с которыми он работал.

– Он придумал баскетбол, так нам казалось, он придумал нас всех, я обязан ему всем, – сказал Микки Беркович, игрок команды Ральфа Клайна.

Клайн обожал сладкое. Как выходец из Венгрии, любил пирожные с кремом, горький шоколад, острейший суп-гуляш и прочие деликатесы. В памяти сохранились телекадры последних недель жизни Клайна: «Чего вам больше всего не хватает?» – спрашивает его журналист. «Венгерского супа-гуляша, посыпанного острым перцем», – с ходу отвечает Клайн.

Клайн заболел раком в 2004 году. После серии сложных операций и химиотерапевтических процедур врачи сказали ему, что он может жить по-прежнему. Ральф, продолжавший тренировать команду девушек одного из интернатов близ города Нетания, со страстью вернулся к жизни. Повез семью в Будапешт. Хотел, чтобы они знали о его судьбе все, хотел показать, где жил, спасался от фашистов и где потом спасали его. Показал. В том числе и открытую площадку между кирпичными домами, на которой начал играть в баскетбол.

Заслуги Ральфа Клайна в баскетболе неоспоримы.

Когда в 1977 году выиграли Кубок чемпионов, в Израиле происходили невероятные вещи. Народ прыгал от радости в фонтаны Тель-Авива, 100 тыс. человек встречали баскетболистов «Маккаби» в аэропорту, а Ури Зоар, впоследствии ставший раввином, кричал тогда в микрофон, обрывая пуговицы на своей гавайской рубашке, срывая связки: «Слава “Маккаби”! Слава ребятам! Слава Ральфу Клайну!» И толпа поддерживала его.

Потом Клайн еще много чего добился. Завоевал в 1979 году серебряные медали чемпионата Европы в Турине со сборной. Уехал в Германию, где успешно работал со сборной этой страны. Потом вернулся домой и работал в Иерусалиме, в Холоне, «А-Поэле» (Тель-Авив). Везде его команды играли в отличный баскетбол – умный, смелый, результативный. Клайн никогда не проигрывал концовки матчей, что является признаком тактической и тренерской грамотности.

Он был известен тем, что коллекционировал часы. Но в конце жизни перестал этим интересоваться – они для него слишком быстро и громко шли...

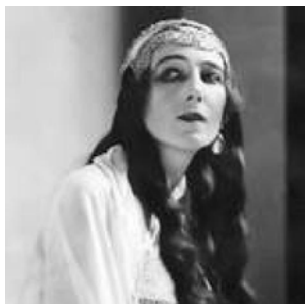
Два года назад Ральфу Клайну была вручена Национальная премия Израиля «За заслуги и достижения в области культуры и спорта». Уже больной тренер вышел на подиум иерусалимского театра и принял награду за «дело жизни», ставшее его судьбой.

Î àðé Èèáíàèí

ОКТЯБРЬ

Аיִדען באַײַטאָ

3.X.1883

125 лет назад, согласно записи в метрической книге харьковской синагоги, у почетного гражданина города Харькова Леона (Льва) Романовича Рубинштейна и его супруги Эрнестины Исааковны родилась дочь Ида. Балерина-миллионерша, одна из самых загадочных женщин XX столетия, она поражала современников своим обликом, талантами и причудами. Дед Иды, Роман (Рувим) Осипович Рубинштейн нажил огромный капитал на торговле ценными бумагами и основал первый в Харькове банкирский дом. Его сыновья Леон и Адольф приумножили отцовские капиталы, открыли новые банки, сахарные и пивоваренный заводы. Состояние Рубинштейнов было невероятным, немалые суммы тратились на благотворительность и культурное развитие родного Харькова. Леон и Адольф Рубинштейны стояли у истоков харьковского отделения Русского музыкального общества. Рано лишившаяся родителей, Ида воспитывалась в Петербурге у тети, где к ее услугам были лучшие учителя, общение с интереснейшими людьми и всевозможные развлечения. Она в совершенстве освоила английский, французский, немецкий и итальянский, ее обучали музыке и истории. Когда Иду заинтересовала Древняя Греция, к ней пригласили филолога-эллиниста. Был нанят и учитель танцев, однако поначалу особых способностей к танцам у Иды как будто не обнаружилось. В конце концов она уверовала в то, что ей суждено стать великой трагической актрисой. Но попытки амбициозной девушки утвердиться в мире театра не увенчались успехом. Зато танцевальный номер, созданный для постановки пьесы Оскара Уайльда «Саломея», в исполнении Иды Рубинштейн «поставил на уши» весь театральный Петербург. Восходящая звезда мировой хореографии Михаил Фокин придумал для нее «Танец семи покрывал» (на музыку Александра Глазунова), в котором эта неземная красавица и балетная дилетантка, по мнению одних, а по суждению других – костлявая уродина танцевала, скидывая с себя одно за другим семь покрывал, так что в итоге на ней оставались лишь крупные, в несколько рядов, бусы. Номер имел ошеломляющий успех. Ида Рубинштейн первой привнесла в балет столь явный эротический элемент. Вскоре Сергей Дягилев увез ее в Париж, на очередной из своих прославленных «Русских сезонов», и больше в Россию она не вернулась. Ида не только не потерялась на фоне таких признанных звезд русского балета, как Вацлав Нижинский и Тамара Карсавина, но и привлекла к себе особое внимание. В балете «Клеопатра» (на музыку Антона Аренского), где она исполняла главную партию, ее выносили на сцену в закрытом саркофаге, завернутую на манер мумии. Затем «мумию» постепенно разворачивали, пока царица не предстала перед публикой во всем блеске великолепного египетского одеяния, скорее

открывающего, нежели скрывающего тело. Самой поразительной была сцена соблазнения, когда Клеопатра впадала в любовный экстаз, и только в самый кульминационный момент ложе любовников накрывали полупрозрачной тканью. Публика, до того задерживавшая дыхание, буквально взывала от восторга. Почти до самой войны экстравагантная и непредсказуемая Ида оставалась в центре внимания европейских театралов и газетчиков. Специально для нее писали музыку И. Стравинский, А. Онеггер, К. Дебюсси. Именно по заказу Иды Морис Равель написал в 1928 году свое знаменитое «Болеро», в постановке которого она танцевала на огромном столе испанской таверны, окруженная хоромом молодых балерин и брутального вида мужчин. Впоследствии по поводу этого, более всего его прославившего, произведения Равель не без иронии говорил: «Я сочинил всего лишь один шедевр – “Болеро”, но, к сожалению, в нем нет музыки».

4.X.1943

65 лет назад рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, выступая на секретном собрании высших офицеров-эсэсовцев в Познани, обрисовал задачи «национальной политики» гитлеровской Германии, о которых старательно «забывают» новейшие отрицатели Холокоста. «Сейчас я говорю о депортации и истреблении еврейского народа, – вещал фашистский бонза. – Звучит это просто: “Евреи будут уничтожены”, – так говорит каждый член нашей партии, – разумеется, это ведь один из пунктов нашей программы: искоренение евреев, истребление их – и это будет сделано. А потом приходят к нам все 80 миллионов достойных немцев, и каждый просит за своего порядочного еврея. Все остальные, конечно, свиньи, но вот именно этот – хороший еврей. Ни один из тех, кто говорит так, не видел своими глазами, как это происходит. Большинство присутствующих здесь знает, что это такое видеть 100, или 500, или 1000 уложенных в ряд трупов. Суметь выдержать это и сохранить в себе порядочность – вот испытание, которое закалило нас. Это славная неписаная страница нашей истории. Ведь мы знаем, как трудно было бы нам сегодня в условиях бомбежек, тягот и лишений военного времени, если бы в каждом нашем городе еще жили евреи – скрытые саботажники и смутьяны. <...> Богатство, которым они владели, мы у них забрали. Я дал строгий приказ передать все это рейху. Мы ничего не оставили себе. Совершившие ошибки понесут наказание в соответствии с приказом, который я отдал в самом начале и который гласил: каждый, кто присвоит себе хотя бы одну марку из этих денег, подлежит казни. Несколько сотрудников СС – их немного – нарушили этот приказ, и их казнят. Пощады не будет. У нас есть моральное право, у нас есть обязательство перед немецким народом уничтожить эту нацию, которая хотела уничтожить нас. Но у нас нет права обогащаться, даже если речь идет только об одной шубе, об одних часах, об одной марке или об одной сигарете».

14.X.1958

50 лет назад в Иерусалиме, на холме Гиват Рам, был торжественно заложен краеугольный камень фундамента здания кнессета, который с 1949 года ютился на иерусалимской улице Короля Джорджа в так называемом доме Фрумина, малопригодном для главного законодательного органа страны. Летом 1956 года Президиум кнессета вместе с Ассоциацией инженеров-строителей и архитекторов объявили конкурс на проект нового здания парламента. Однако, поскольку вопрос о финансировании строительства не был решен, мало кто из видных израильских архитекторов принял участие в конкурсе. Только за девять дней до публикации его итогов стало известно, что барон Джеймс Арманд де Ротшильд, как и его отец Эдмонд Джеймс де Ротшильд оказывавший огромную финансовую помощь делу сионизма, выделил на строительство нового кнессета миллион с четвертью фунтов стерлингов. Жюри конкурса присудило первую премию уроженцу Польши архитектору Йозефу Клярвейну, начавшему свою профессиональную

карьеру в Германии, а в 1933 году переселившись в Палестину. Джеймс Ротшильд умер в мае 1957 года, на 80-м году жизни, и на торжественной церемонии закладки здания присутствовала его вдова Дороти Ротшильд (1895–1988), так же как ее муж и свекор щедро помогавшая молодому еврейскому государству. Проект Клярвейна – как слишком помпезный, старомодный и лишенный национальной специфики – стал мишенью для острой критики и в процессе воплощения в жизнь подвергся радикальным изменениям. Открытие нового здания состоялось только в августе 1966 года, но и после окончания строительства упреки в адрес архитекторов еще долго не утихали.

19.X.1923

85 лет назад в Риге состоялся первый публичный концерт еврейского мальчика Миши (Михаила Давидовича) Александровича, будущего заслуженного артиста РСФСР (1947), лауреата Сталинской премии (1948), кантора, оперного певца и популярного советского исполнителя. (Общий тираж его семидесяти выпущенных в СССР пластинок составил 2 млн экземпляров.) Чтобы юного исполнителя было видно с задних рядов, его поставили на стул. На следующий день газета «Ригахе нахрихтен» захлебывалась от восторга: «Что же касается девятилетнего певца Миши Александровича, о чьем феноменальном даровании надо много писать, то он не имеет себе равных среди вундеркиндов. Его первое появление на сцене вызвало – иначе и быть не могло – всеобщее изумление и восторг. Человек, не присутствовавший на концерте, просто не может представить себе всю проникновенность его исполнения и необъятный диапазон его голоса, проявлявшийся самым впечатляющим образом...» В СССР Александрович оказался в 1940 году, после присоединения Прибалтики, уже получив европейское признание. В Москве его впервые услышали летом 1943 года. Чарующий голос певца, его великолепная вокальная техника и высокая культура пения покорили публику. Концерты Александровича в столице и его многочисленные выступления в поездках по стране неизменно сопровождались бурным успехом. Но за границу певца все же не выпускали. В октябре 1971 года Александрович с семьей выехал на постоянное жительство в Израиль, а в 1973 году переселился в США. Он с успехом гастролировал в Тель-Авиве, Нью-Йорке, Торонто, Рио-де-Жанейро, Сиднее и Буэнос-Айресе, выступал как кантор в синагогах. В 1989 и 1991 годах Михаил Александрович приезжал с концертами в СССР. Его жизненный путь оборвался летом 2002 года, в Мюнхене, на 88-м году жизни.

23.X.1918

90 лет назад в польской Вильне (ныне литовский Вильнюс) в семье владельца обувного магазина родился Меир Вильнер (настоящее имя Бер Ковнер), один из

зачинателей и лидеров коммунистического движения в Палестине/Израиле. Свой псевдоним, производный от названия родного города, он взял, чтобы избавить родителей от лишних неприятностей, когда примкнул к кругам молодежи социалистической ориентации. Вильнер окончил местную гимназию еврейского общества «Гарбут» («Культура»), где приобрел отличное знание иврита, и стал активистом Всемирной еврейской молодежной организации «А-шомер А-цаир» (еврейский аналог скаутских отрядов). В 1938 году в связи с ростом антисемитизма в Восточной Европе Вильнер эмигрировал – но не в США, где у него были родственники, а на историческую родину. Позже он вспоминал, что сильно колебался, куда ехать, но выбор определился «желанием самому познакомиться с жизненным укладом в Палестине, рассказов о котором он наслушался превеликое множество». В Вильнюс, где вся его семья спустя несколько лет стала жертвой Холокоста, он больше никогда не возвращался. В Иерусалиме Вильнер окончил исторический факультет Еврейского университета (в 1946 году получил степень магистра), с 1940 года включился в движение сопротивления британскому господству и вступил в подпольную Коммунистическую партию Палестины. Очень скоро он был избран секретарем иерусалимской партийной ячейки и в этом качестве стал регулярно посещать Восточный Иерусалим для встреч с товарищами из Конгресса арабских рабочих. Именно тогда он принял решение посвятить всю свою жизнь делу борьбы за мирное сосуществование евреев и арабов, за создание на многострадальной земле Палестины процветающего бинационального еврейско-арабского государства. В 1943–1948 годах Вильнер – член Политбюро и секретарь ЦК Коммунистической партии Палестины (КПП), в 1948–1965 годах – член Политбюро и секретарь ЦК Компартии Израиля (КПИ). В 1965 году, когда в Коммунистической партии произошел раскол, он стал генеральным секретарем Нового Коммунистического списка (преимущественно арабского по составу) и оставался на этом посту до 1990 года. При этом с 1949 года и до начала 1990-х годов он неизменно представлял израильских коммунистов – как евреев, так и арабов – в кнессете. Вильнер принадлежал к числу тех коммунистических лидеров, которые неуклонно следовали политическим и идеологическим установкам руководства КПСС. Его оценки сионизма, арабо-израильского конфликта, деятельности арабских террористических организаций – в печати и многочисленных выступлениях – не отличались от официальных советских, даже когда последние были неприкрыто враждебны еврейскому государству. Деятельность Вильнера высоко ценило советское руководство. Так, по случаю 60-летия он был награжден советским орденом Дружбы народов. К горбачевской перестройке в Советском Союзе он отнесся крайне негативно, а распад Советского Союза и крушение КПСС охарактеризовал как фашистский переворот. 14 мая 1948 года Вильнер был самым молодым из тех, кто подписал эпохальную Декларацию независимости Израиля. Когда 5 июня 2003 года он умер, никого из подписавших уже не было в живых. В Тель-Авиве в последний путь несгибаемого еврейского марксиста-ленинца провожали сотни людей, по большей части арабов.

29.X.1958

Спустя шесть дней после того, как Борис Пастернак получил из Стокгольма известие о присуждении ему Нобелевской премии по литературе за «значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа», первый секретарь ЦК ВЛКСМ (и будущий председатель КГБ СССР) Владимир Семичастный выступил на пленуме. В своем докладе он поделился с молодежной аудиторией соображениями относительно нового нобелевского лауреата: «Иногда мы, кстати совершенно незаслуженно, говорим о свинье, что она такая, сякая и прочее. Я должен сказать, что это наветы на свинью. Свинья, – все

люди, которые имеют дело с этим животным, знают особенности свиньи, – она никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит. Поэтому если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал. (Аплодисменты.) <...> Он нагадил там, где ел, нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит (Аплодисменты.)». Кроме того, оратор выразил пожелание (также встреченное аплодисментами), чтобы Пастернак, этот «внутренний эмигрант и литературный власовец», покинул пределы СССР, поскольку «его уход из нашей страны освежил бы воздух». Чуть раньше с гневным осуждением новоиспеченного лауреата выступили ЦК КПСС и Союз советских писателей. В тот же день Пастернак отправил в Нобелевский комитет телеграмму об отказе от премии. В 1989 году, уже в перестроечные времена, Семичастный рассказал журналистам, что «проработать» Пастернака ему велел Никита Сергеевич Хрущев, которому будто бы и принадлежало авторство нелепого сравнения корифея русской литературы с нежвачным млекопитающим отряда парнокопытных.

Авторы номера:

Светлана Анисимова

журналист, пресс-менеджер театра «Шалом».

Роман Арбитман (р. 1962)

литературный критик, пишущий о проблемах массовой культуры. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р.С. Каца) и нескольких детективных романов (под маской Льва Гурского).

Белла Верникова

историк литературы, поэт. Автор трех книг стихотворений.

Михаил Горелик (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Самуил (Шмуэль-Аба) Городецкий (1871–1957)

историк еврейского мистицизма и хасидизма («Хасиды и хасидизм», «Еврейский мистицизм» [1931–1958]).

Хаим Граде (1919–1982)

писатель. Дебютировал как поэт в 1932 году, был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор нескольких сборников стихотворений, рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Марк Зайчик (р. 1947)

прозаик («Феномен» [1985], «Сделано в СССР» [1988], «Иерусалимские рассказы» [1996]). Печатался в журналах «Континент», «Эхо», «22», «Звезда».

Анна Исакова

журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-арец».

Йоэль Кан (р. 1930)

раввин, выдающийся знаток хасидизма. С 1950 по 1994 год был «хойзером» – в буквальном переводе «повторяющим» – тем человеком, кто по памяти воспроизводит беседы и выступления Любавичского Ребе в субботы и праздники, когда нельзя записывать текст. Живет в Нью-Йорке, США.

Григорий Канович (р. 1929)

прозаик, драматург, киносценарист. Национальная премия Литвы (1986). Кавалер ордена Гедиминаса III степени.

Берл-Шмуэль (Болеслав) Капулкин (р. 1969)

журналист. Печатается в газете «Шомрей шабос» и в журнале «Мигдаль Times» (Одесса).

Леонид Кацис (р. 1958)

филолог (Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000, 2004; Осип Манделштам: мускус иудейства. М., 2002; Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М., 2006 и др.). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Борис Клин (р. 1970)

журналист, обозреватель газеты «Известия». Зам. главного редактора журнала «Человек и закон». Работал спецкором газеты «Коммерсантъ», журнала «Профиль», телевизионной программы «Время».

Евгений Левин (р. 1973)

журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Александр Локшин (р. 1950)

историк. Автор статей и публикаций по истории и культуре евреев России и СССР.

Афанасий Мамедов (р. 1960)

прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003. Лауреат премии им. Казакова (2007).

Ольга Минкина

историк, гебраист. Автор публикаций по истории и культуре евреев Российской империи конца XVIII – начала XIX века.

Амшей Нюренберг (1887–1979)

художник. Сотрудничал в «Окнах РОСТА», примыкал к художественной группе «Бубновый валет». Позже отдал дань соцреализму. Автор мемуарной книги «Одесса – Париж – Москва. Воспоминания художника».

Синтия Озик

американская писательница, автор более десятка книг – романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

Евгений Попов (р. 1946)

прозаик, эссеист, публицист. Один из авторов и редакторов альманаха «Метрополь». Член Русского ПЕН-центра, секретарь Союза писателей Москвы. Автор книг «Прекрасность жизни» (1990), «Самолет на Кельн» (1991), «Душа патриота» (1994), «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» (1999) и др.

Леонид Радзиховский (р. 1953)

журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЁЖ», радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»).

Александр Рапопорт (р. 1960)

поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист (газета «Культура»).

Даниил Романовский (р. 1952)

специалист по новейшей еврейской истории, сотрудник Центра по исследованию антисемитизма им. Видала Сассона в Еврейском университете в Иерусалиме.

Юрий Табак (р. 1955)

историк, переводчик, религиовед («Православие и католичество», учебник «История религий», «Сумерки шовинизма» [сб. статей], «Основные догматические обрядовые расхождения»).

Борис Фрезинский (р. 1941)

историк литературы, специалист по биографии и творчеству Ильи Эренбурга. Автор ряда работ и семи книг, посвященных истории советской литературы.

Михаил Эдельштейн (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Политическом журнале», «Новом мире», «Знамени», «Новом литературном обозрении» и др.

Борис Явелов (р. 1940)

автор научных и научно-исторических статей и книг.